

Письменность Галицко-Волынского княжества:

историко-филологические
исследования

Jitka Komendová a kol.

Король же угорский воеводе

покаше помоги де паше приати же
млюмъ мѣщюу юу посласи данило
вприскии. пошлалнн сарола ма
дидла ма гана сестра герциса
вон. посласи же мюу семлю мѣмъ
и да сестроу герцисовоу зарема
потомъ посласи данило вприски
и сиса мнн сватъ еси. по ма
и на вѣхъ и ноу ет дни и пиде
ма о павоу поуте мѣсви мѣ са
ма моравъ
сисоу. и мѣгы городы ра сы па
и испеть те. по великоу оуби
ствостъ орземлѣтѣи. данилѣ
те спелса се оле славо ма
ма илаше и сиса приати же млю
о паваскоу юу. бо ляславоу те
тико ехотащюу. те паше его
помогаше данилови. словеси
бѣ бѣдши корола воу герцискога.
и мене мѣки мѣса. данило вн те
и князю хотащюу. о во корола
ра. о во славы хота. не бѣ бо
вземлѣт роу сѣтн первое. и те
бѣ во евалъ землю. чьшь сисоу
ни по славъ хоробры. и во ло
дн меръ стѣи. бѣ хота ни е. е
исполни сѣт шаше бо итосна
шеса на воиноу. по елтесна
своего. лѣа. и по мочъ оу брапа

**Письменность
Галицко-Волынского
княжества:
историко-филологические
исследования**

Jitka Komendová a kol.

Olomouc 2016

Recenzovali:

prof. Fjodor Borisovič Uspenskij, DrSc. /
проф. Федор Борисович Успенский, д.ф.н.
Mgr. Vadym Aristov, Ph.D. / Вадим Аристов, к.и.н.

Kolektiv autorů:

Dr hab. Dariusz Dąbrowski
Dr Adrian Jusupović
Maria Lavrenchenko / Мария Леонидовна Лавренченко
Aleksy Gippius / Алексей Алексеевич Гиппиус, д.ф.н.
Irina Yuryeva / Ирина Сергеевна Юрьева, к.ф.н.
doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.
prof. Dr. habil. Márta Font, DSc.
PhDr. Pavol Maliniak, Ph.D.
Aleksy Martyniuk / Алексей Викторович Мартынюк, к.и.н.

Neoprávněné užití tohoto díla je porušením autorských práv a může zakládat občanskoprávní, správněprávní popř. trestněprávní odpovědnost.

Editors © Jitka Komendová a kolektiv, 2016
© Univerzita Palackého v Olomouci, 2016

ISBN 978-80-244-4900-5

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

I. Князя и бояре

Галицко-Волынская летопись как источник генеалогических исследований – историографический и источниковедческий аспекты (на примере абзаца о браке Даниила Романовича ..... 11 с Анной Мстиславовной)	11
--	----

Дарцун Домбровский

Династия Романовичей глазами боярских элит. О чем не напишет княжеский панегирик	23
--	----

Адриан Юсупович

Родство и власть в языке Галицко-Волынской летописи	33
---	----

Мария Леонидовна Лавренченко

II. Язык и жанры

Галицкие акты XIII в. из церкви св. Пантелеймона	49
--	----

Алексей Алексеевич Гипциус

Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями	65
---	----

Ирина Сергеевна Юрьева

Жанр Галицко-Волынской летописи в типологической перспективе	79
--	----

Йитка Комендова

III. Романовичи и Центральная Европа

Даниил Романович «Галицкий» и Венгерское Королевство.....	91
<i>Марта Фонт</i>	
Свадьба в королевской крепости Зволен: к вопросу о региональном взаимодействии в венгерско-галицких отношениях.....	107
<i>Павол Малиняк</i>	
«Хронографу же мужа есть писати все», или как Даниил Галицкий не взял Оломоуц, а летописец превратил поражение в победу	117
<i>Алексей Викторович Мартынюк</i>	
Summary	131
Использованные источники	135
Использованная литература	139
Об авторах.....	155

Предисловие

Галицко-Волынская летопись представляет собой памятник, значение которого выходит далеко за рамки изучения одного из княжеств распавшейся Киевской Руси. Эта летопись начинает интенсивно изучаться уже с начала XIX века, и подавляющее большинство исследователей используют ее для реконструкции событий политической истории на границе Восточной и Центральной Европы в XIII веке и для изучения церковно-политических вопросов, связанных, в первую очередь, с церковной унией и коронацией Даниила Романовича. Но этот памятник интересен не только своим необычайно широким горизонтом, включающим Русь, Прибалтику, Польшу, Венгрию, Чехию, Австрию и Священную Римскую империю.

Галицко-Волынская летопись содержит также ценные сведения о социальной жизни, духовной и материальной культуре Юго-Западной Руси. Особенно важны, например, сведения о светской архитектуре и градостроительстве, редко упоминаемые в древнерусских источниках. Авторы Галицко-Волынской летописи не ограничивались изложением событий своего княжества. Они интересовались культурой католических стран Центральной Европы, в этом произведении можно найти и редчайшую информацию о ритуалах татаро-монгол, о языческих богах и быте балтийских племен и др. При этом летописец не только изображает чужие народы с точки зрения галицких книжников, но и пытается запечатлеть образы галицко-волынской культуры глазами представителей других культур.

О большом значении Галицко-Волынской летописи в контексте рассмотрения межкультурных отношений средневековой Восточной и Центральной Европы свидетельствует и тот факт, что ее интенсивно изучают исследователи из России, Украины, Беларуси, Польши, Словакии, Венгрии и Чехии, на что указывает и интернациональный характер коллектива настоящей работы.

В книге можно выделить три основных тематических блока.

Наш труд начинается генеалогическим исследованием Дариуша Домбровского, основанным на сведениях Галицко-Волынской летописи, но иного характера, чем традиционные описания генеалогической фактографии. На основе чрезвычайно важного для исследований по генеалогии Романовичей и единственного в своем роде в русской средневековой летописной практике фрагмента о женитьбе Даниила Ро-

мановича на Анне Мстиславне и рожденных в этом браке детях, автор изучает механизмы фиксации информации, функционирование вопрошника генеалогических сведений, а также проблему искажения фактов в различных списках источника.

В работе Адриана Юсуповича показано, как летописец запечатлел фактические отношения знати с князем. Тщательно анализируя отдельные сюжеты летописи, автор демонстрирует специфику каждой из местных элит (галичане, горожане Владимира Волынского), а также отношение к представителям разных ветвей династии Рюриковичей. Автор приходит к заключению, что восприятие Романовичей боярскими элитами менялось в зависимости от момента, причем решающим фактором стало нашествие татаро-монгол, изменившее соотношение сил в пользу Даниила и Василька Романовичей.

Мария Леонидовна Лавренченко изучает метафорическое использование родовой лексики в древнейших русских летописях. Использование таких терминов как «отец», «брат», «сын» в обращениях между Рюриковичами и их союзниками является характерной чертой двух текстов Ипатьевской летописи – Киевской летописи и Галицко-Волынской летописи. Автор проследила уникальное и общее в использовании родовой терминологии в качестве обращения в диалогах правителей в Киевской и Галицко-Волынской летописях, с активным привлечением текстологического анализа, в том числе сравнения сопутствующих им риторических формул и динамики политической ситуации. Своим интересом к филологическим вопросам данную статью можно считать и звеном, соединяющим первый блок с главами, посвященными филологическому исследованию летописи.

Второй раздел книги имеет филологический характер.

Алексей Алексеевич Гиппиус исследует две надписи XIII в., сохранившиеся на стенах церкви св. Пантелеймона в Галиче и представляющие собой уникальные образцы официальной актовой эпиграфики Галицко-Волынской Руси. Надписи содержат тексты судебных постановлений, изданных при князьях Мстиславе (Мстиславиче) и Данииле (Романовиче). Для акта Мстислава, хорошо известного в литературе, предлагается уточненное прочтение и реконструируется ситуация, в которой возник этот документ; акт Даниила впервые вводится в научный оборот. Проливая свет на устройство судопроизводства в Галиче в первой половине XIII в., надписи служат важным дополнением картины административного устройства Галицко-Волынской Руси, отраженной ГВЛ.

Ирина Сергеевна Юрѳева на основе лингвистического анализа выделяет яркие различия между галицкой и волынской частями летописи, доказывающие, что мы имеем дело не с двумя частями одного памятника, а двумя текстами – Галицкой и Волынской летописями. Галицкая летопись отличается высокой степенью книжности, ориентируется на самые высокие литературные стандарты, в то время как Волынская летопись содержит обороты, свойственные живой речи, но литературный уровень повествования падает. В ходе сопоставления Галицкой и Волынской летописей анализируется система прошедших времѳн глагола, особенности употребления различных глагольных форм, аналитические конструкции с начати/почати и имѳти/ати, рассматривается соотношение полногласных и неполногласных вариантов корней и т. д. Полученные данные Галицко-Волынской летописи сопоставляются с аналогичными показателями других древнерусских летописей – Повести временных лет, Новгородской I, Киевской и Суздальской.

Йитка Комендова занимается вопросами жанрового своеобразия Галицко-Волынской летописи в типологической перспективе. О важности и сложности проблемы жанра Галицко-Волынской летописи свидетельствует и факт, что многие из авторов нашего коллектива высказались в своих работах по этой теме, придерживаясь совсем разных точек зрения, называя памятник и летописью, и хроникой, и жанром *gesta* и двумя самостоятельными летописями. Автор главы, посвященной жанру Галицко-Волынской летописи, не пытается сгладить эти противоречия и не настаивает на единственно «правильном» жанровом определении, а, наоборот, связывает данную проблему с дискуссией филологов о многофункциональности жанров и отсутствии строгих жанровых рамок в древнерусской литературе.

Третий тематический блок посвящен межкультурным отношениям Галицко-Волынского княжества и Центральной Европы через призму известий Галицко-Волынской летописи.

Марта Фонт исследует отношения Венгерского Королевства и Даниила Романовича с точки зрения «права на княжение», проблемы княжеских доходов, вопроса венгерского влияния на Галицко-Волынское княжество. Автор критически относится к идее прямого влияния Венгрии на Юго-Западную Русь, особенно к гипотезе о непосредственном воздействии Золотой буллы 1222 г., содержащей привилегии венгерской знати, на социальные отношения в Галицко-Волынском княжестве. Автор, напротив того, убеждена, что следы венгерского влияния можно искать лишь в образе мышления самого князя и его окружающей среды (особенно в готовности к принятию церковной унии) и в элементах

материальной культуры (храмовая архитектура), а не в сфере территориальной организации, правовых норм или институтов управления. Наоборот, венгерская власть стремилась использовать местные традиции галицкой земли.

Павол Малиняк рассматривает статью Галицко-Волынской летописи, повествующую о свадьбе Льва Даниловича с дочерью короля Белы IV, Констанцией, с точки зрения истории средневековых церемоний и ритуалов, способа коммуникации участвующих лиц, а также роли места свадьбы, т. е. города и замка Зволен в контексте культурных отношений в широкой контактной зоне на границе Центральной и Восточной Европы.

Алексей Викторович Мартынюк на основе анализа обстоятельств похода князя Даниила Романовича Галицкого и его союзников в Моравию в 1253 г. показывает, как летописец трансформировал крайне неудачный с военной точки зрения поход Даниила Галицкого в панегирическое повествование о доблестях своего князя и как этот далекий от реальности, но талантливый с литературной точки зрения, рассказ летописца был некритично воспринят историками XIX–XX вв. и продолжает оказывать влияние на современную историографию.

Настоящая работа является единственной в науке попыткой при участии многонационального авторского коллектива историков и филологов исследовать галицко-волынскую письменность как необычайно ценный источник по культурной истории средневековой Европы, и мы предлагаем ее читателям не как завершение и закрытие данной темы, а, наоборот, как толчок к дискуссии и дальнейшему ее изучению.

Йитка Комендова

I.
Князья и бояре

Галицко-Волынская летопись как источник генеалогических исследований – историографический и источниковедческий аспекты (на примере абзаца о браке Даниила Романовича с Анной Мстиславовной)*

Дариуш Домбровский

Галицко-Волынская летопись является основным источником в генеалогических исследованиях не только Романовичей, но и других представителей династии Рюриковичей, в частности, волынской ее линии. Этот текст играет важную роль и при изучении истории других правящих домов (Пястов, Арпадов, правителей Литвы и пр.)¹.

В настоящей работе мы не будем останавливаться на генеалогической фактографии, а затронем лишь широко известные историографические проблемы, такие как механизмы фиксации исторических знаний, функционирование генеалогической информации и полнота ее освещения, а также вопросы источниковедения, такие как вероятность искажения текста в различных рукописях источника.

В качестве отправной точки мы берем крайне важное для исследования родословного древа Романовичей сообщение, помещенное в Ипатьевском списке под ошибочной датой 6721 г.² Этот эпизод – единственное в своем роде в русской средневековой летописной практике повествование о браке Даниила Романовича с Анной Мстиславной и о рождении у них детей, в том числе умерших в раннем возрасте, причем последние

---

* Текст, реализованный в рамках гранта NCN «Edycja krytyczna „Kroniki halycko-wolyńskiej” z komentarzami oraz tłumaczeniem». Исследовательский проект № 2012/07/B/HS3/01044.

¹ Эта летопись фигурирует в таких исследованиях настолько часто, что не имеет смысла приводить здесь даже самые важные труды по данной проблеме.

² Исследователям хорошо известно, что первоначально Галицко-Волынская летопись не делилась на годовые статьи. Они были введены лишь переписчиком рукописи Ипатьевской летописи в XV в. Связанный с этим процесс переработки текста и датирования отдельных событий был крайне сложным и не столь успешным – в результате годовая сетка оказалась в целом ошибочной. Это явление было тщательно проанализировано и описано Алексеем П. ТОЛОЧКО, Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи. *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. 2005, 13, pp. 81–108.

не указаны поименно. В упомянутой рукописи он выглядит следующим образом:

«Въ лѣт̄ . ꙗ̄с̄ . . ѿ̄ . ка̄ . [6721] Поа оу него Дани|
лъ дщерь именемь Анноу . и родиша̄ |
ѡ̄ неа сн̄ви и дщери . первѣнѣць бо |
бѣ оу него. Ираклѣи . по нем же Левь |
и по немь Романъ . Мистиславъ . |
Шеварно . і инии бо млади ѡ̄идоша |
свѣта сего . [...]»³.

Аналогичный текст в остальных списках, то есть в Хлебниковском – Острожской летописи⁴, Погодинском – Четвертинской летописи⁵, Ермолаевской летописи⁶ и списке Яроцкого⁷, по сравнению с приведенным выше имеют одно существенное отличие. Дело в том, что слова о браке-сочетании Даниила и Анны предваряются не годовой датой, а выражением: «В та же лета времени минувши» («В том же году через какое-то (определенное) время»), которое соединяет их с предыдущим фрагментом повествования, рассказывающим о захвате Галича Мстиславом Мстиславичем Удатным и о побеге оттуда венгерского гарнизона, возглавляемого Бенедиктом Лысым и Судиславом – местным предводителем сторонников венгерского правления⁸. Здесь в качестве примера покажем, как анализируемый абзац представлен в Острожском списке Хлебниковской летописи:

³ Ипатьевская летопись. In: *Полное собрание русских летописей*, т. 2. Москва 2002, стб. 732 [далее – ПСРЛ, т. 2]. Что касается рукописьюенной версии, см. БАН, шифр 16.4.4., с. 249 об. (= 496 нижней нумерации), левая колонка в тексте из двух колонок.

⁴ РНБ, шифр F.IV.230, с. 309–309 об. (= 633–634 верхней нумерации). См. также фототипическое переиздание источника *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Četvertyns'kyj (Pogodin) Codices*. Harvard 1990, pp. 313–314, col. 633–634).

⁵ РНБ, шифр собр. М. П. Погодина, № 1401, с. 261 (= 369 верхней нумерации). См. также фототипическое переиздание источника *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*, p. 661, col. верхняя/правая.

⁶ РНБ, шифр F.IV.231, с. 225 об.

⁷ БАН, шифр 21.3.14, с. 179–179 об.

⁸ Этот эпизод, записанный с небольшими орфографическими отличиями, имеется во всех остальных списках (РНБ, шифр F.IV.230, с. 309 (= 633); РНБ, шифр собр. М. П. Погодина, № 1401, с. 261 (= 369); РНБ, шифр F.IV.231, с. 225 об.; БАН, шифр 21.3.14, с. 179).

«[...] а Мьстиславъ съде в Галичи . |
В та [же] лѣта времени минуовши поа оу него Дани[л] |
дъщерь имене[м] Анноу . и рѡ[ди]ша[съ] оу него с[ы]нѡвѣ и дще[ри] . |
първенець бо бѣ оу него. Ираклѣи . по не[м] же Левь . по не[м] |
Рома[н] Мистиславъ Шеварно. инѣи бо млад[и] ѡ[т]идоша ||
свѣта сего . [...]»⁹.

Обратим теперь внимание на две особенности, интересные с точки зрения соотношения отдельных редакций Галицко-Волынской летописи. Первая касается одного существенного отличия между сообщением Ипатьевского списка и остальными. Речь о том, что в первой из вышеперечисленных редакций мы находим выражение: «и родиша̄ ѡ неа снѣи и дщери», однозначно указывающее на то, что дети эти появились в браке Даниила с Анной. Тем временем в остальных редакциях мы видим слова: «и рѡдиша[съ] оу него с[ы]нѡвѣ и дще[ри]»¹⁰, уже не так точно определяющие происхождение по женской линии Даниловичей и Даниловен. Трудно достоверно установить, какая из этих версий ближе к оригинальной. На наш взгляд, это текст Ипатьевского списка, а форма других редакций: «и рѡдиша[съ] оу него с[ы]нѡвѣ и дще[ри]» является результатом ошибки писца, машинально дублировавшего выражение «оу него» из строки выше (в предложении: «поа оу него Дани[л]»). Стоит отметить, что и в следующей строке появляются слова: «оу него» – «първенець бо бѣ оу него». По всей видимости, книжнику запала в память эта форма, которой он и заменил оригинальную¹¹. Если так, то эта ошибка должна была бы присутствовать в рукописи, лежавшей в основе Хлебниковской группы, равно как и текстов Яроцкого-Ермолаевской. Отметим также, что сообщение рассказывает о потомстве Даниила и Анны, а не обо всех детях правителя¹². К этому вопросу мы еще вернемся.

⁹ Этот рассказ фигурирует (с небольшими отличиями в записи) во всех рассматриваемых нами списках Галицко-Волынской летописи кроме Ипатьевского (см. сноски 2–5). В квадратных скобках приводятся написанные сверху буквы, курсивом помечена реконструкция букв.

¹⁰ Здесь цитируется версия Хлебниковского списка, от которой другие отличаются практически только орфографией.

¹¹ Таким образом, мы имели бы здесь дело с одной из типичных ошибок считывания. О них см. ЛИХАЧЕВ, Дмитрий С. – АЛЕКСЕЕВ, Анатолий А. – БОБРОВ, Александр Г. *Текстология на материале русской литературы X–XVII веков*. Санкт-Петербург 2001, с. 69–76.

¹² Напомним, что на наш взгляд (вызывающий споры среди современных историков) у Даниила Романовича был еще один сын – Мстислав (II) от брака с неизвестной по имени дочерью литовского кунигаса Довспрунка, брата Миндовга (DĀBROWSKI, Да-

Отметим также, что в ходе дискуссии, начавшейся после прочтения доклада, посвященного этой теме, на конференции в Оломоуце, Алексей А. Гиппиус представил еще одно, опирающееся на палеографические знания, весьма вероятное решение нашей проблемы. По его мнению, не исключено, что оригинальная версия фразы была записана следующим образом: «и рвдиша[сѣ] оу нею с[ы]нѣвѣ и дщѣ[ри]», то есть с использованием двойственного числа со значением «и родились у них обоих сыновья и дочери». Решение, предложенное А. А. Гиппиусом, тем вероятнее, что в определенный период черточку в букве «ю», соединявшую оба элемента, писали сверху, что могло ввести в заблуждение переписчика, посчитавшего, что он имеет дело со слогом «го»¹³.

Списки Хлебниковский, Погодинский и Яроцкого зафиксировали проявление большой заинтересованности к анализируемому генеалогическому упоминанию. В первой из перечисленных рукописей основная часть абзаца (со слов: «поа оу него» до имени: «Шеварно», с небольшими интервалами) подчеркнута. По всей видимости, это было сделано двумя разными людьми, на что указывают не только различающиеся цвета чернил, которые были использованы для подчеркивания, но и неодинаковый способ ведения пера¹⁴.

Кроме того, в рукописи можно найти несколько комментариев, условно написанных разными лицами. Начнем с записи, сделанной карандашом (в XVIII в., или, возможно, даже в XIX в.?) на левом поле, сразу же после слов: «В та [же] лѣта» помещена дата: «Ψкаѣ» (721, предположительно: 6721 г)¹⁵. На наш взгляд, эта запись представляет собой

---

riusz. Czy istniało dwóch synów Daniela Romanowicza o imieniu Mściśław? Przyczynek do genealogii Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich. *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego*. NS. 1999, 4 (15), s. 177–187; DAJBROWSKI, Dariusz. *Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich*. Poznań – Wrocław 2002, s. 153–154, 174–180; DAJBROWSKI, Dariusz. *Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV w.)*. Kraków 2008, s. 366–367, 377–381).

¹³ Выражаю отдельную благодарность Алексею А. Гиппиусу за это интересное и вероятное решение, а также за разрешение использовать его в тексте этой статьи. Оно полностью подтверждается сравнением графических изображений буквы «ю», недавно представленным Кшиштофом Петкевичем. Последний считает, что такой формой отличалось письмо XIV и XV вв. (PIETKIEWICZ, Krzysztof. *Paleografia ruska*. Warszawa 2015, s. 231, 233, 235).

¹⁴ На наш взгляд, первой из них была подчеркнута фраза: «поа оу него Дани[л] | дщѣрь имене[м] Анноу». Хорошо видно, что первое подчеркивание сделано уверенной рукой, тогда как второе сделано с меньшей уверенностью. Его линия прерывается и интенсивность неоднородна по всей длине.

¹⁵ Исследование хронологии и почерков заметок на полях Хлебниковской рукописи проводится в рамках работы над проектом, финансируемым грантом «Критическая редак-

явное доказательство знакомства комментатора с хронологией Ипатьевского списка, где такая форма датировки событий прослеживается в основном тексте. Но пока мы констатируем лишь факт наличия самой записи, так как когда именно и кем было внесено это дополнение – неизвестно. На правом поле, на уровне трех последних строк абзаца и чуть ниже, находится текст из пяти строк на латинице:

«Iracliu [очевидно, слово усечено, так как оно заканчивается у самого края листа. Недостающие буквы можно восстановить как: «sz» или: «s»].

| Syn Dani [очевидно, слово также усечено, так как оно доходит до края листа. Недостающие буквы можно восстановить как: «ła», «ela» или «elów»]

| Lew | [три написанные подряд буквы неразборчивы, возможно, это «zaś»? Но это может быть также и окончание предыдущего слова] Romā, mst[?]

[следующие буквы неразборчивы, очевидно, слово усечено. Можно предложить его реконструкцию в виде: «Mstisław» | Szwarzno».

Предположительно, данная запись была сделана в XVIII в. Складывается впечатление, что она выполнена той же рукой, которая подчеркнула и вторую часть оригинального текста абзаца. Об этом говорит особое, неуверенное ведение пера и цвет чернил.

Наконец, последнее примечание было сделано разборчивым полууставом в нижней части листа, под текстом, практически по всей его ширине. Оно выглядит так: «÷ сынове данила К.[*ороля*] иракле[*и*], ле[*в*], рома[*н*], мстисла[*в*], шеварно». Записанный в начале фразы знак: «÷» выполняет, безусловно, функцию сноски. Он написан той же рукой на левом поле страницы, на высоте строки: «първенець бо бѣ оу него, Ираклѣи, по не[*м*] же Левь, по не[*м*]...»

Манера письма и цвет чернил соответствуют той же руке, что и первое из подчеркиваний. Эта запись появилась в XVII, а не исключено, что и в XVI в. (что даже более правдоподобно), вскоре после возникновения Хлебниковской рукописи.

Как мы видим, комментаторы анализируемого абзаца были как русско-, так и польскоязычными. Это тем более интересно, что в современ-

---

ция Галицко-Волынской летописи с комментариями и переводом», не завершённым на данный момент. Следует задуматься, не вписал ли эту дату в январе 1819 г. В. Анастасевич, сличавший тогда Ипатьевскую рукопись с Хлебниковской и Ермолаевской перед ее изданием по поручению канцлера Николая Петровича Румянцева. См. Список 1819 г. (БАН, шифр 17.11.9).

ной польской историографии мы не находим никаких следов обращения к Галицко-Волынской летописи¹⁶.

Добавим также, что не все из перечисленных примечаний были учтены или правильно прочитаны в издании Николая Ф. Котляра¹⁷, а в гарвардском фототипическом переиздании, основанном на микрофильме плохого качества, хорошо видно только одно из них, размещенное под текстом¹⁸.

Как уже упоминалось выше, примечания мы находим также в рукописях Погодинской летописи и списка Яроцкого. В первой из них, на правом поле, над первой строкой абзаца, карандашом арабскими цифрами написана дата «6721», а ниже, начиная с высоты первой строки примечания, – предложение в двух рядах: «Daniel żeni się i rodzi | Synow»¹⁹. Эта запись на польском языке, по всей видимости, появилась в XVIII в., и может быть рассмотрена как очередное свидетельство интереса комментатора, для которого польский язык должен был быть первым, к записи о браке старшего Романовича. Отметим при этом, что почерки обоих примечаний отличаются друг от друга и не совпадают с почерками комментаторов Хлебниковского списка.

В свою очередь, в рукописи Яроцкого имеется лишь одна заметка на полях. Она записана в две строчки на правом поле, очевидно, рукой автора копии, на уровне интересующего нас сообщения. Звучит она так: «Сино[в] Дани|иловы[х] S̃»²⁰. Здесь мы имеем дело с очевидной ошибкой – ведь сыновей Даниила, перечисленных в оригинальном тексте, пятеро (Ираклий, Лев, Роман, Мстислав, Шварно), тогда как использованная в пометке буква «зело» имеет численную величину «6».

Прежде чем, перечислив вышеуказанные замечания, мы перейдем к размышлениям о хронологии и структуре исследуемого текста, отметим, что информация о бракосочетании Даниила с Анной Мстиславной и рождении в этом браке детей сохранилась еще в двух самостоятельных, хотя и испытавших сильное влияние Галицко-Волынской

¹⁶ Возможная идентификация этих комментариев остается делом будущего.

¹⁷ КОТЛЯР, Микола Ф. (ed.) *Галицько-Волынський літопис. Дослідження. Текст. Коментар.* Київ 2002, с. 82; КОТЛЯР, Николай Ф. (ed.) *Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование.* Санкт-Петербург 2005, с. 85. Украинский исследователь в обоих изданиях привел польское примечание в следующей версии: «Irakeley, syn Danyła, Lew, Roman, Swarno», а размещенную под текстом, в виде: «синове Данила короля: Ираклеий, Лев, Роман, Мстислав, Шварно».

¹⁸ *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*, p. 313, col. 633.

¹⁹ РНБ, шифр собр. М. П. Погодина, № 1401, с. 261 (= 369 верхней нумерации).

²⁰ БАН, шифр 21.3.14, s. 179.

летописи, источниках XVII века. Первым из них является Густынская летопись. В ее тексте мы находим следующие слова: «В лѣто 6724. 1216. [...] Данил же не противися Мстислав, но и дщер его Аньну прият себѣ во жену, с нею же имѣ сынов 5: Лва, Романа, Ираклия, Мстислава, Швинар».²¹ Во Мгарской летописи: «В лѣт ꙗСѢКД. 1216. [...] Данил же не противис Мстиславѣ, но и дщерь его Аннѣ приѣт себѣ со женѣ (с нею же имѣ снѣвъ Иракліа, Лва, Романа, Мстислава, Шварна)»²². Вторым источником является хроника Феодосия Софоновича, сообщающая, что: «По часѣ немалом (от занятия Мстиславом Галича) взялъ Данило дочку у Мстислава, Анну, з которою мѣвъ потомки, снѣи и дочки: снѣи Иракліи, другіи Левъ, третіи Роман, четвертіи Мѣстиславъ, Роверко, а иньи в молодости померли»²³.

Рассмотрим эти сообщения более детально. Повествование Густынской летописи, возникшей в первой половине XVII в, привлекает к себе внимание по следующим соображениям. Во-первых, нет причин сомневаться в том, что она основана на информации, найденной ее автором в Галицко-Волынской летописи²⁴: на это указывает необычайная схожесть записи о женитьбе Даниила Романовича, которая подверглась лишь стилистическим изменениям, с сохранением смысла повествования. Автор по-другому расставил акценты в рассказе, усилив политический аспект брака старшего Романовича (который он мог легко понять из информации, содержащейся в Галицко-Волынской летописи) и частично удалив при этом *stricte* «генеалогическую» фактографию. Точнее, исчезла часть абзаца о дочерях и о детях, умерших в детстве, которая, вероятно, была признана маловажной. Во-вторых, в обоих списках этой летописи указывается, что бракосочетание Даниила и Анны состоялось в 1216 г. Это оригинальная информация, которую можно найти исключительно в Густынской летописи. Сразу же возникает вопрос: откуда автор источника почерпнул ее? Имеем ли мы дело с заимствованием из неизвестной нам рукописи Галицко-Волынской летописи версии Ипатьевского списка? Не думаю – не имеется никаких оснований для такого утверждения. В таком случае, возможно, в руках у автора протографа

²¹ Густынская летопись. In: *Полное собрание русских летописей*, т. 40, Санкт-Петербург 2003, с. 114.

²² TOŁOCHKO, Oleksiy (ed.). *The Hustynja Chronicle*. Harvard 2013, p. 284.

²³ СОФОНОВИЧ, Феодосій. *Хроника з літописців стародавніх*. Київ 1992, с. 131.

²⁴ О зависимости Густынской от Галицко-Волынской летописи см. к примеру: SUSZKO, Henryk. *Latopis hustyński. Opracowanie, przekład i komentarze*. Wrocław 2003, s. 18–23; *The Hustynja Chronicle*, s. LXII–LXXIX (английская версия), CXLVIII–CLXV (украинская версия).

Густынской летописи находилась комментируемая рукопись Галицко-Волынской летописи Хлебниковского списка или списка Яроцкого? Ведь (как уже говорилось выше), как в Хлебниковском, так и в Погдинском списках на полях мы находим дописанную дату в виде: «Ука́» і «6721». Таким образом, по всей видимости, в экземпляре, которым пользовался густынский компилятор, последняя цифра была записана неразборчиво, и в результате он заменил «а» на «д» или «1» на «4», хотя доказать это невозможно. И, напротив, маловероятно, что автор вычислил дату бракосочетания Даниила и Анны в результате анализа записей имеющихся у него польских источников, поскольку об интересующей нас матримониальной «рокировке» в них не упоминается.

В-третьих, обращает на себя внимание иная, чем в Галицко-Волынской летописи и Мгарской редакции очередность появления Даниловичей в Густынской летописи. Этому вопросу мы уже посвятили внимание в свое время, не отдавая себе, впрочем, отчета о существовании в анализируемом источнике различных вариантов интересующего нас повествования. Тогда мы придерживались того же мнения, что и сейчас, о том, что представление об очередности появления на свет Даниловичей, состоящее в перемещении на два первых места Льва и Романа, в результате чего Иракий попадает на третье, связано с информацией, взятой из польских источников, которым были известны лишь двое Даниловичей, а именно: Лев и Роман²⁵.

Здесь необходимо сделать попутное замечание касательно версии рассматриваемого текста, содержащейся в труде Софоновича. Несомненно, она заимствована из Галицко-Волынской летописи, к которой автор обращался при первом же удобном случае²⁶. Указание совершенно искаженного имени последнего Даниловича («Роверко» вместо: «Шварно / Шварно») можно интерпретировать как доказательство плохого состояния этого фрагмента в используемом тексте. В конце концов, книжник редакции Густынской летописи также существенно исказил имя Шварно («Швинар»). Это, конечно, не значит, что они оба пользовались одним и тем же протографом, однако и этого нельзя исключить. В целом Софонович подошел к тексту источника с гораздо большим трепетом, чем автор Густынской летописи, о чем свидетельствует то, что он сохранил слова о дочерях и умерших во младенчестве детях.

---

²⁵ DĄBROWSKI, Dariusz. Kronika halicko-wolyńska jako źródło do poznania genealogii – uwagi wstępne. *Ruthenica*. 2005, 4, s. 56–57.

²⁶ О зависимости хроники Софоновича от Галицко-Волынской летописи см. СОФОНОВИЧ, Ф. *Хроника з літописців стародавніх*, с. 21–24.

Перейдем, наконец, к отправной точке наших размышлений, а именно к рассмотрению текста, повествующего о браке Даниила с Анной Мстиславной и рождении в нем детей. Мы видим, что это сложная в хронологическом и в композиционном смысле конструкция. Старейшее из ее напластований представляет собой сообщение о самом существовании брака («поа оу него Дани[л] | дъщерь, имене[м] Анноу») и тесно связано с информацией о захвате Мстиславом Мстиславовичем Галича. При этом выражение «В та [же] лѣта времени минуовши» явно предполагает, что между этими двумя событиями должно было пройти какое-то время. Предположим, что это были всего лишь несколько месяцев, ведь когда Даниил готовился к походу на захваченные Лешком Белым Забужье и Брест, он обратился к Мстиславу с предложением о сотрудничестве.

Галицко-Волынская летопись рассказывает об этом событии так: «...Времени же минуовшю, еха Даниль ко Мьстиславоу в Галич, рекы на Лестька: “яко штѣиноу мою держить”. вномоу же вѣщавшю: “Сноу, за первую любовь не могоу на нь востати, а налѣзи собѣ други”»²⁷. После отказа тестя старший Романович напал на правителя Кракова вместе с братом. Упомянутая военная операция датируется зимой 1217/1218 г. Таким образом, следует считать, как уже говорилось, что интересующая нас часть информации относится к второй половине 1217 г., когда состоялся брак Даниила с Анной. В пользу принятой датировки говорит также неоднократно обсуждаемый в литературе политический контекст событий²⁸.

Второе из рассматриваемых напластований можно определить на основании расчетов генеалогическо-статистического характера. Как уже было сказано, в ней были перечислены по имени пятеро сыновей княжеской четы; кроме них упоминается, во множественном числе, о дочерях, и таким же образом – об умерших в раннем возрасте детях (в младенчестве, а точнее – в грудном возрасте). Опираясь на почер-

---

²⁷ Эта информация указана сразу же после слов о женитьбе Даниила на Анне (ПСРЛ, т. 2, стб. 732).

²⁸ См. к примеру DĄBROWSKI, Dariusz. Małżeństwa Daniela Romanowicza (aspekt genealogiczny i polityczny). In: RADZIWIŃSKI, Andrzej – SUPRUNIUK, Anna – WRONISZEWSKI, Jan (eds.). *Venerabiles, nobiles et honesti. Studia z dziejów społeczeństwa Polski średniowiecznej. Prace ofiarowane Profesorowi Januszowi Bieniakowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin i czterdziestopięciolecie pracy naukowej*. Toruń 1997, s. 43–47; DĄBROWSKI, D. *Rodowód Romanowiczów*, s. 67–71; DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna*. Kraków 2012, s. 93–97. Там же – датировка похода Лешка и дискуссия с исследователями, передвигающими срок заключения брака Даниила и Анны на 1218, 1219 или даже 1220 г.

пнутые из разных источников знания о Даниловичах, можно с большой уверенностью полагать, что на свет родилось не менее десяти детей. Помня же о сроке заключения обсуждаемого брака и пользуясь медицинскими сведениями и демографическими расчетами интервалов между поколениями в браках, имеющих многочисленное потомство, можно приблизительно рассчитать период, в котором рождались дети Даниила и Анны. Наши рассуждения выглядят следующим образом. Поскольку брак был заключен во второй половине 1217 г. (видимо, ближе к концу года), то первый потомок мог в нем родиться в начале второй половины следующего года. Интервалы между появлением на свет детей в таких браках составляют в среднем от 26 до 37 месяцев²⁹. Таким образом, десятый ребенок Даниила и Анны статистически мог появиться спустя 20–28 лет после рождения первенца. В связи с этим, сроком *ad quem* его рождения можно считать годы 1237/8–1245/6 и одновременно к нему надо отнести время возникновения текста.

Однако здесь нельзя забывать и про ряд факторов, которые можно вывести из источников и которые могут повлиять на расчеты. Во-первых, обращает на себя внимание вероятно поздняя дата рождения Льва, второго сына, но неизвестно, какого по счету ребенка этой пары (1225–1229 гг.)³⁰. Во-вторых, что гораздо важнее, последний из упомянутых поименно Даниловичей, хотя и не обязательно самый младший из детей своих родителей, Шварно, несомненно должен был появиться незадолго до 1240 г. На это указывают, прежде всего, его более позднее появление на страницах источников и его упоминание при описании событий 1255 / 1256 гг.: «Поиде Данило на Йтвазѣ с братомъ, и сѣмъ Львомъ, и с Шеварномъ, младоу соушоу емоу»³¹. Таким образом, установленное на основании других предпосылок время рождения упомянутого сына Даниила и Анны укладывается в рамки статистически определенных межпоколенческих интервалов, которые, в свою очередь, подтверждают его. Так в лаборатории генеалога оказывается необходимым проделать работу, характерную для демографических исследований, и дополнить ее медицинскими знаниями.

²⁹ Эти данные приводятся здесь вслед за: KUKLO, Cezary. *Demografia Rzeczypospolitej przedrozbiorowej*. Warszawa 2009, s. 339–340. Они разработаны, в основном, на основании польских и силезских материалов XVIII–XIX вв., однако мы считаем, что медицинские показатели этих семей не могли значительно отличаться от древнерусских.

³⁰ DĄBROWSKI, D. *Rodowód Romanowiczów*, s. 102–103.

³¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 831; DĄBROWSKI, D. *Rodowód Romanowiczów*, s. 166–168; DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 389–394.

Подведем итоги. Проведенное выше рассуждение позволяет достаточно убедительно определить время составления рассказа о потомстве старшего Романовича не ранее, чем 1240 годом, что соответствует взглядам о существовании связанного с Даниилом извода Галицко-Волинской летописи, составленного около 1247 г.³² Остается лишь загадкой, является ли сам перечень детей поздней по отношению к упоминанию о женитьбе Даниила на Анне вставкой, или же обе эти части представляют собой единое целое? На наш взгляд, на этот вопрос при нынешнем состоянии наших знаний, к сожалению, невозможно ответить, хотя перед лицом приведенных ниже аргументов мы с осторожностью склоняемся ко второму варианту.

На наш взгляд, рассматриваемая запись является своего рода «подведением итогов» брака Даниила и Анны. Можно предположить, что непосредственной причиной внесения ее в летопись было желание увековечить скончавшуюся жену князя. Отсюда и перечисление, хотя и с неодинаковой детализацией, обоснованной концепцией летописца, *всех* детей, которых она родила мужу. Такая интерпретация заставляет признать рассматриваемый эпизод логически целой конструкцией, записанной одновременно. Подчеркнем, что это не более чем гипотеза.

Информацию о потомстве Даниила и Анны должен был написать человек, приближенный к княжеской семье – ведь она носит личный, а не официально-политический характер. Об этом со всей ясностью свидетельствует упоминание о детях, умерших в младенчестве³³ – для русской средневековой летописной практики такие записи нехарактерны. Аналогично можно интерпретировать и упоминание о первенце Ираклии, который, очевидно, умер до достижения «летописной / политической / правовой зрелости»³⁴, то есть в возрасте не старше 11–13 лет,

---

³² Подробно распространяться на эту тему в данной статье нет возможности. По интересующему нас вопросу см., например: ГРУШЕВСЬКИЙ, Михайло. Історія української літератури. Т. 3, Київ 1993, с. 132–200; ЧЕРЕПНИН, Лев В. Летописец Даниила Галицкого. Исторические записки АН СССР. 1941, 12, с. 228–253; ПАШУТО, Владимир Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. Москва 1950, с. 17–133; ГЕНСЬОРСЬКИЙ, Антон І. Галицько-Волинський літопис. Процес складання, редакції і редактори). Київ 1958; КОТЛЯР, М. Ф. Галицько-Волинський літопис XIII ст. Київ 1993; ТОЛОЧКО, Петр П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. Санкт–Петербург 2003, с. 222–271; УЖАНКОВ, Александр Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. Москва 2009, с. 285–419.

³³ Именно так мы интерпретируем выражение: «иніи бо млади штидоша свѣта сего». *Lytomis n. g.*

³⁴ Что касается понятия «летописная зрелость», см. DĄBROWSKI, D. *Genealogia Mści-sławowiczów*, s. 54.

к концу 1240 г. его уже не было в живых³⁵. Увековечение первенца, который даже не начал политическую деятельность, было важно только для его близких (семьи, а, возможно, и окружения, в том числе, например, воспитателя), и не входило в типичный летописный канон существенной информации, которая должна быть зафиксирована.

Другим интересным фактором, датирующим возникновение и одновременно определяющим характер нашего летописного рассказа, является, как мы полагаем, упоминание о княжеских дочерях без каких-либо подробностей о них. Речь идет о содержащейся в летописи информации об их замужестве – ключевом или даже важнейшем событии в жизни русской княжны. Известно, что не вызывающий никаких сомнений первый брак Даниловны состоялся зимой 1250/1251 (до 1 марта 1251 г.)³⁶. Таким образом, перед нами еще один хронологический ориентир для датировки времени написания интересующего нас эпизода. Это должно было произойти не позднее, чем в 1250 г. (включая предбрачные переговоры).

Как мы видим, лишь один небольшой летописный эпизод может стать кладезью генеалогической информации, на которой строится не только центральное, но и дополнительные исследования. Полное использование содержащихся в этом эпизоде сведений требует тщательно, детального и многоступенчатого источниковедческого анализа. Тем не менее, наша работа стоит таких усилий, ведь ее плодом могут быть крайне любопытные, на наш взгляд, результаты.

---

³⁵ О судьбах Ираклия см. DĄBROWSKI, D. *Rodowód Romanowiczów*, s. 99–101; DĄBROWSKI, D. *Genealogia Mściślawowiczów*, s. 350–351. Там же – литература по теме.

³⁶ Что касается биографии дочерей Даниила и Анны, см. DĄBROWSKI, D. *Rodowód Romanowiczów*, s. 139–153, 155–166; DĄBROWSKI, D. *Genealogia Mściślawowiczów*, s. 363–372, 656–669. При этом следует отметить, что на наш взгляд, хотя и нашедший широкой поддержки среди историков и по-прежнему вызывающий споры, к Даниловнам нельзя отнести Переяславу, жену мазовецкого князя Семовита I Конрадовича.

Династия Романовичей глазами боярских элит. О чем не напишет княжеский панегирик*

Адриан Юсупович

Галицко-Волынская летопись составлялась на протяжении XIII в. при дворах Даниила и Василька Романовичей, Владимира Васильковича, Мстислава и Льва Даниловичей. Сведения, которые вошли в этот труд, летописец черпал из княжеских архивов³⁷ и рассказов очевидцев событий³⁸. Указанные обстоятельства определяют исключительную ценность этого источника. До нашего времени он сохранился в списках и копиях XV – начала XIX вв. В современной науке преобладает мнение, что Галицко-Волынская летопись сохранилась в двух редакциях – Ипатьевской (XV в.) и Хлебниковской (XVI в.)³⁹. Вероятнее всего, обе они списаны с общего, не дошедшего до наших дней протографа. Ипатьевская летопись, как более ранняя, чаще используется в исследованиях. Хлебниковская, в свою очередь, сохранила более близкую к протографу структуру, и, в противоположность Ипатьевскому своду, не имеет деления на годы, которое было сделано в начале XIV или в первой половине XV в.⁴⁰. Как можно полагать, на основе Хлебниковской лето-

---

* Текст, реализованный в рамках гранта NCN «Educja krytyczna „Kroniki halyccko-wołyńskiej“ z komentarzami oraz tłumaczeniem». Исследовательский проект № 2012/07/V/HS3/01044.

³⁷ ПАШУТО, В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. Москва 1950, с. 73–74, 80–81, 87; FONT, Marta. *Geschichtsschreibung des 13. Jahrhunderts an der Grenze zweier Kulturen. Das Königreich Ungarn und das Fürstentum Halitsch-Wolhynien*. Stuttgart 2005, S. 32–34.

³⁸ ТИХОМИРОВ, Михаил Н. Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и в Российском централизованном государстве (X–XVII вв.). In: *Очерки истории исторической науки в СССР*. Москва 1955, с. 63; ДАШКЕВИЧ, Николай П. *Княженіє Данила Галицкаго. По рускимъ и иностраннымъ известіямъ*. Кієвъ 1873, с. 3–6.

³⁹ Анализ Галицко-Волынской летописи и литература см.: ТОЛОЧКО, Алексей. Как выглядел оригинал галицко-волынской летописи. In: ДВОРНИЧЕНКО, Андрей Ю. – МАЙОРОВ, Александр В. (eds). *Rossica Antiqua. Исследования и материалы*. Санкт-Петербург 2006, с. 175–183; JUSUPOVIĆ, Adrian. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (1205–1264). Studium prozopograficzne*. Kraków 2013, s. 23–36.

⁴⁰ Ср.: ЛИХАЧЕВ, Дмитрий С. (ed.) *Словарь книжников и книжности древней Руси*. Т. 1: *XI – первая половина XIV в.* Ленинград 1987, с. 235–241 (здесь литература по вопросу);

писи возник Погодинский свод (даже паерки сменяются в тех же самых местах, что и в Хлебниковском). На основе Хлебниковского свода или, возможно, его протографа, возник Яроцкий свод (со своими местными особенностями⁴¹). Предположительно, последний послужил основой для Ермолаевской летописи⁴². Кроме того, в отличие от Ипатьевского, Хлебниковского и Погодинского списков, в которых нарратив охватывает хронологический отрезок от 1205 до 1291/1292 гг., в Яроцком списке и в Ермолаевской летописи повествование продолжено до 1320 г.⁴³

Нужно отметить, что в текстологическом отношении эта летопись осталась незавершенной. Я склонен оценивать сохранившийся текст как многократно редактировавшийся в конце XIII в. черновик, который так и не приобрел законченной формы⁴⁴. Этот вывод хорошо иллюстрирует декларация одного из редакторов летописи: «Хронографоу же, ноужа есть писати все, и вса бывшаѧ, ввогда же писати впереднаѧ, ввогда же востоупати в заднаѧ, чьтыи моудрыи разоумѣть. Число же лѣтомъ здѣ не писахомъ – в заднаѧ впишемъ по Антивохьискымъ Соромъ

PRITSAK, Omeljan. Introduction. In: *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Četvertyns'kyj (Pogodin) Codices*, pp. 18–19, 42–44. Недавно А. П. Толочко вслед за О. В. Романовой установили, что при составлении Ипатьевской летописи была использована Софийская Первая летопись, поэтому время возникновения погодной сетки было передвинуто с XIV на первую половину XV в. (См.: РОМАНОВА, Ольга В. О хронологии Галицко-Волынской летописи XIII века по Ипатьевскому списку. In: *Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции*. Новгород 1997, с. 66–70; ТОЛОЧКО, А. П. Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи, с. 94–108.

⁴¹ Если в Хлебниковском «а», то в Яроцком «а». Это относится и к другим буквам. Хлебн. «ж» в Яроц. «ѣ» или «у»; Хлебн. «оу» в Яроц. «ѣ» или «у».

⁴² На первый взгляд, Ермолаевский свод более похож на Хлебниковский. Но все ошибки здесь из списка Яроцкого. Это можно хорошо увидеть во время анализа и сравнения топонимических сведений Хлебниковского, Ермолаевского и Яроцкого сводов. Например, город Моклеков и Быковень (Хлебниковская летопись, Российская Национальная Библиотека (Санкт-Петербург) шрифт: F.IV.230, л. 308 об.) в Ермолаевком и Яроцком летописях записан как: Клеков и Ковень (Яроцкий летопис, БАН 21.3.14, л. 178; Ермолаевская летопись, РНБ.IV.231, л. 225). Фактически, переписчик Ермолаевского свода, верно, прописывал текст Яроцкого, но, по-моему, он имел возможность работать с Хлебниковской летописью, потому что ее текст стилистически похож на этот памятник XVI века. Эти небольшие наблюдения о работе с южнорусскими сводами будут развернуто изложены в другом месте. Здесь я лишь хотел отметить особенности работы с этими источниками.

⁴³ По моему мнению, автором этого фрагмента надо считать Марка Бундура, который получил эту информацию из других источников. Переписчик Ермолаевского свода автоматически включил этот фрагмент.

⁴⁴ По-моему, наилучшая редакторская работа (но также неоконченная) была сделана Кириллом около 1245/1246 г. См. УЖАНКОВ, Александр Н. *Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков*. Москва 2009, с. 317–318.

алоумьпиадамъ, Грьцкыми же численицами, Римьскы же висикостомъ, также Съвьсвви и Памьфильво, иннии хронографи списаша, ѿ Адама до Хрѣстоса, вса же лѣта спишемъ, роцетъше во задньахъ».⁴⁵ Эта цитата показывает, что в начале летописец не сделал хронологической сетки.

Отсутствие деления на годы можно видеть и в самой структуре Галицко-Волынской летописи. Состоит она из разнохарактерных рассказов. Летописец, имея желание сохранить непрерывность рассказа и стараясь обозначить (в некоторых местах) очередность событий, использует такие фразы, которые должны помочь читателю определить время⁴⁶ и облегчить датировку⁴⁷, как например: «времени же минувшю»⁴⁸, «малу же времени минувшю»⁴⁹, «в то же время»⁵⁰, «зиме же»⁵¹, «весне же бывши»⁵², «лету же наставшу»⁵³, «траве же бывши»⁵⁴, «мы же на преднее возвратимся»⁵⁵, «в та же лето или преже или потомъ»⁵⁶, «рекамъ наводнившимся»⁵⁷.

Автор Галицко-Волынской летописи писал свое сочинение как панегирик Романовичам. Пётр С. Стефанович замечает, что автор этой хроники активно пропагандирует две идеи: 1) закон наследования той или иной земли должен согласовываться с наследованием старшим сыном княжеского стола; 2) власть князя над территорией была установлена Богом, потому Даниил Романович в источнике часто назывался «отцом»⁵⁸.

---

⁴⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 820.

⁴⁶ ЧЕРЕПНИН, Л. В. Летописец Даниила Галицкого, с. 230–231; ПРИСЕЛКОВ, Михаил Д. *История русского летописания XI–XV вв.* Санкт-Петербург 1996, с. 292–293.

⁴⁷ Как заметил М. С. Грушевский (ГРУШЕВСЬКИЙ, Михайло С. До справи хронологічної зв'язи в Галицько-Волинській літописи. *Записки Наукового Товариства імені Шевченка.* 1903, 52, с. 2), летописец таким образом связывает описанные события с хронологическими и стилистическими указаниями.

⁴⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 732.

⁴⁹ Там же, стб. 771.

⁵⁰ Там же, стб. 774.

⁵¹ Там же, стб. 774.

⁵² Там же, стб. 732.

⁵³ Там же, стб. 775.

⁵⁴ Там же, стб. 770.

⁵⁵ Там же, стб. 721.

⁵⁶ Там же, стб. 828.

⁵⁷ Там же, стб. 776. На основе этого мы можем предполагать, что события произошли в конце зимы или в начале весны.

⁵⁸ СТЕФАНОВИЧ, Пётр С. «Верность» в отношениях князя и дружины на Руси в XII–XIII в. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2008, 31, с. 80–81.

Согласно вышесказанному, законным князем Владимирской и Галицкой земель был Даниил Романович (нужно помнить, что, согласно Лаврентьевской летописи, после смерти Романа Мстиславовича галичане целовали крест Даниилу⁵⁹). Идея установления власти Даниила в галицких землях Богом появляется в эпизоде с вечем, созванным Даниилом Романовичем в 1231 г. Горожане отдают власть Даниилу, как помазанному Богом.

Каролинская формула была не повторена автором механически, но продумана и приспособлена к конкретной исторической ситуации и ловко вплетена в литературный контекст (Божий промысел⁶⁰). С этой точки зрения поступки галицких бояр противоречили Божьему замыслу и поэтому летописец определяет их как: «безбожные», «льстивые», «беззаконные», «окаянные» и др.

Антагонистом галицкой знати были волынские бояре, которых летописец изображает как преданных династии Романовичей. В летописи сложно найти хотя бы намек на неверность волынской знати. Читатель летописи видит в волынских боярах, которые с тоской ожидали возвращения своих князей, оплот Даниила и Василька. Именно так действуют берестяне, отправившие послов к Лешку Белому, у которого в то время была вдова Романа Мстиславича. Читаем в источнике: «Приеха Берестяне ко Лестькови, и просиша Романовьи княгиню. И детиі беаста бо млада суци. И вдасть имъ да владееть ими. Они же с великою радостью сретоша и яко великаго Романа видящи»⁶¹.

Если мы обратим внимание на то, что происходило раньше, когда княгиня вместе с детьми должна была убежать из Владимира, то этот летописный фрагмент будет восприниматься совсем по-другому⁶². В 1206 году⁶³ во Владимир приехал посол от Игоревичей, который хотел, чтобы волыняне выдали Романовичей и приняли нового князя в лице Святослава Игоревича. Автор Галицко-Волынской летописи сразу сообщает, что горожане Владимира Волынского хотели убить посла, но Мстибог, Мончук и Микифор удержали их⁶⁴. На первый взгляд кажется, что мотив верности волынян характерен для летописи в целом. Но если это

⁵⁹ Летопись по Воскресенскому списку. In: ПСРЛ, т. 7, с. 112.

⁶⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 777–778.

⁶¹ Там же, стб. 720–721.

⁶² Там же, стб. 718.

⁶³ ГРУШЕВСЬКИЙ, Михаил С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. *Записки Наукового Товариства імені Шевченка*. 1901, 41, с. 7–8.

⁶⁴ См. DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 48; JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów*, s. 204–205, 225–227.

так, тогда назревает вопрос: почему вдова Романа Мстиславича решила вместе с детьми бежать ночью из Владимира Волынского? Она просто знала, что бояре колебались в своем выборе между Романовичами и Игоревичами, и взвешивали пользу и риски своего решения. Когда Даниил Романович занимал галицкий престол, владимирское окружение князя было уверено, что благодаря этому и они смогут получить определенные выгоды.

В Галицко-Волынской летописи мы видим, какую политическую силу представляют собой бояре как социальная группа. Знать в этот период не была закрытым классом. Представленные в нашей работе данные открывают возможность для частичной реконструкции взаимоотношений между боярами и князьями как Галицкой земли, так и Волынской. Нам открывается картина, демонстрирующая, что князю противостояли лица, укорененные в местном обществе, действующие на пользу своей социальной группы и располагающие её поддержкой. Они не только владели внушительными богатствами, а также могли влиять на карьеру менее богатых бояр, что соответствовало их социальному положению и политическим возможностям. Эти лица в связи с их общественным положением были ключевыми союзниками для князей, стремившихся овладеть княжеством. Судислав – один из ярчайших представителей этой социальной прослойки. За его поддержку в противостоянии за Галицкую землю боролись как русские, так и венгерские суверены⁶⁵. В круг его сторонников следовало бы зачислить Филиппа, Володислава Витковича, Глеба Васильевича, Ивора Молибожича⁶⁶ и многих других.

Судислав, благодаря своему зятю, венгерскому воеводе Филии, имел значительное влияние при дворе Арпадов. Основательная поддержка позволяла ему проводить в жизнь широкомасштабные политические планы и нередко лавировать между интересами нескольких правителей. Когда Судислав, после смерти королевича Андрея, отошел от активной деятельности, лидирующую роль в обществе переняли Грегор Васильевич и Доброслав Судич⁶⁷. С последним сотрудничал, в частности, Ивор

⁶⁵ См. ВОЛОЩУК, Мирослав М. До питання про етнічне та соціальне походження Судислава (Бернатовича?). *Думка. Прикарпатський Вісник НТШ*. 2008, 3, с. 127–141; JUSUPOVIĆ, Adrian. Wpływ halickiego otoczenia książęcego na “władzę” w pierwszej połowie XIII w., na przykładzie Sudysława. *Княжа Доба. Історія і культура*. 2011, 5, с. 145–162; JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów*, s. 243–262.

⁶⁶ См. JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów*, s. 139–142, 150–151, 169–170, 288.

⁶⁷ См. ВОЛОЩУК, Мирослав М. Доброслав Судич. Спроба біографічного нарису. *Карпати. Людина, етнос, цивілізація*. 2010, 2, с. 20–31; JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów*, s. 128–134, 157–163.

Молибожич, Лазарь Домажирец и Збыслав Станиславович⁶⁸. О многих представителях элиты нет никаких сведений, однако летописное повествование не оставляет никаких сомнений насчет того, что их позиция в обществе была очень значима. Можно назвать имена Демьяна, Жирослава [Галицкого], Володислава Юрьевича⁶⁹ и многих других. Не стоит забывать, что летописец описывал общество, которое хорошо знал и из элиты которого он сам происходил. Хотя панегирический характер его сообщений дискредитирует отдельных членов знати⁷⁰, но, тем не менее, они отражают в реальности действовавшие системы взаимодействия.⁷¹

⁶⁸ См. JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów*, s. 169–170, 198–199, 290–292.

⁶⁹ См. КРИПЯКЕВИЧ, Иван. Де був Демян тисяцьким. Причинок до історії урядів в Галичині першої половини XIII в. *Записки Наукового Товариства імені Шевченка*. 1905, 67/5, с. 1–3; ТОЛОЧКО, Алексей П. О галицком боярине Жирославе, его венце и убожестве. *Ruthenica*, 2006, 5, с. 252–255; JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów*, s. 118–125, 275–276, 299–304.

⁷⁰ Например, Володислав Кормилнич и Доброслав Судич. См. МАЙОРОВ, Александр В. *Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община*. Санкт-Петербург 2001, с. 408–436; МАЗУР, Олег. Володислав Кормилнич: шлях до княжого столу. *Дрогобицький краєзнавчий збірник*. 2002, 6, с. 118–129; ПРИЦАК, Омелян. *Коли і ким написано «Слово о полку Ігоревім»*. Київ 2008, с. 139–162; ВОЛОЩУК, Мирослав М. Вокняження галицьке Володислава Кормилничича (1210–1214 рр., з перервами). Міфи і реальність. In: *Historické štúdie k životnému jubileu Zuzany Ševčíkovej*. Bratislava 2009, s. 99–110; JUSUPOVIĆ, Adrian. Wojar czy książę? “Uzurpacje” Wołodysława Kormiliczicza w narracji Kroniki halicko-wołyńskiej. *Княжа Доба. Історія і культура*. 2013, 7, с. 137–146.

⁷¹ Надо подчеркнуть, что сведения Галицко-Волынская летописи замечательно дополняют известия о действиях представителей польской элиты XIII в., как, например, Сергева (Sięgniew, por. Urzędnicy Małopolscy XII–XV w. Spisy. In: GAŚTOROWSKI, Antoni (ed.). *Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku*, 4, Wrocław – Warszawa – Kraków 1990, s. 138, 220, nr 515, 965), Суда, сына Добеслава (Sąda, por. *Urzędnicy Małopolscy*, s. 220, nr. 963), сандомирского кастеляна Сулислава (Sulisława см. *Urzędnicy Małopolscy*, s. 172, nr 727). Благодаря летописцу, мы узнаем, что он был сыном Бернарда (ПЦРЛ, т. 2. стб. 725). См.: BALZER, Oswald. *Genealogia Piastów*. Kraków 2005, s. 475) и многих других. Аналогичную ситуацию встречаем, обращаясь к лицам, несущим службу при венгерском дворе. Кроме того, надо подчеркнуть, что, как ни парадоксально, исследования однозначно показывают тяготение галицких элит к членам династии Арпадов. Проанализированные биограммы в книге (JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów*) не позволяют указать ни одного лица, которое бы поддерживало польскую политику на территории Галицкого и Волынского княжеств. По всей видимости, объяснение надо искать в том, что дворы малопольский и мазовецкий были заинтересованы в расширении территории, и, в первую очередь, это касалось приграничных городов. Но они были не в силе соперничать за влияние в Галицком княжестве с венграми. Разумеется, краковский двор заключал союзы с Арпадами, однако их целью было не обладание галицкой землей, а, в самом крайнем слу-

До сих пор исследования, анализирующие социальные процессы в галицком и волынском обществах, нередко опираются лишь на сведения о деятельности только самых известных лиц, влияние которых на историю обсуждаемой территории бесспорно, но игнорируют при этом упоминания о тех представителях элиты, которые служили политической опорой для своих лидеров. Обычно именно элита играла ведущую роль в истории. Судислав, скорее всего, испытывал бы трудности с захватом в 1232 г. Ярославля, если бы не за его деятельностью не стоял авторитет кормилицы Нездиловой. Планирование же покушения на Данила Романовича в 1230 или в начале 1231 г. оказалось бы невозможным без участия Молибоговичей. Нужно помнить, что каждое лицо делает более реалистичной свою социальную группу, что в результате дает более яркое изображение действительности. Даже самые обрывочные знания могут оказаться полезными, когда перед нами стоит задача реконструировать образ мыслей члена элиты, его мировоззрения, потенциальных возможностей развития карьеры и влияния на происходящие политические события.

Каждая из местных элит имеет свои неповторимые черты. На первый взгляд кажется, что галичане представляли собой более автономное общество, более осознающее возможности собственного выбора, чем жители Владимира Волынского. В первой половине XIII в. у галичан были не только «автохтонные», удельные русские князья, но и Андрей II, подданные которого принудили его принять «Золотую буллу»⁷². Наверное, именно этими рассуждениями следует объяснять тот факт, что Мстислав Мстиславич Удатный получил поддержку во многих галицких кругах и удержался на княжеском столе почти до смерти. Следует помнить, что сын Мстислава Ростиславича прибыл в Галич из исключительного

чае, перенесение границ слегка к востоку. В первой половине XIII правители Кракова особенно интересовались Перемышлем.

⁷² Александр В. Майоров в своей статье (МАЙОРОВ, Александр В. К вопросу о венгерском влиянии на социально-политическое развитие юго-западной Руси. Золотая булла 1222 г. и договорная практика венгров и галичан. *Государство и общество. История, экономика, политика, право. Российский научный междисциплинарный журнал*. 2001, 1, с. 189–190) делает предположение о том, что галицкие бояре потому так поддерживали Андрея II, что рассчитывали на получение многочисленных привилегий, какие им гарантировала «Золотая булла» с 1222 г., но этот тезис недостаточно обоснован и кажется ошибочным. См.: КАШТАНОВ, Сергей М. Общие тенденции развития документирования в канцеляриях средневековой Руси. In: ДЖАКСОН, Татьяна Н. – МЕЛЬНИКОВА, Елена А. (eds.) *Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто*. Москва 1999, с. 101–104; МИННИКОВА, Лидия В. *Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси*. Ростов 2007, с. 150–151; а также Марта Фонт в настоящем издании.

по сравнению с другими удельными княжествами Новгорода, в котором бояре пользовались значительными свободами. По этой причине князь Мстислав Удатный мог считаться более лояльным правителем.

Устойчивое представление о праве знати участвовать в принятии политических решений было характерным для галицкого общества, о чем свидетельствует решимость правителей, стремившихся его уничтожить. Сыновья Игоря Святославича в 1211 г. достигли определенных успехов в ослаблении враждебно настроенных по отношению к их властным полномочиям представителям элит. В ответ бояре вместе с венгерскими войсками устроили военную экспедицию на Галич, а после победы над Игоревичами, их повесили⁷³. С большой осторожностью к этой боярской группе относился также князь Даниил Романович, который понимал, что, если он хочет быть князем Галича, то должен идти навстречу желаниям местных элит. Именно поэтому он не убил Молибожичей, а помиловал их. Летописец не мог написать об этом прямо, поэтому изобразил этот эпизод как акт милосердия со стороны снисходительного князя по отношению к мятежникам: «ти смрти не прияша, но милость получиша; и некогда ему в пиру веселяшуся одинъ от техъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею, и то ему стерпевшу. Иногда же да Богъ имъ возомъздить». Герд Альтхоф, анализируя схожую ситуацию в Германии XII в., подчеркивает, что если позиция противника сильна, не следует проявлять королевскую милость. Следовательно, и князь Даниил Романович поступил согласно этому правилу⁷⁴.

Русские князья, западноевропейские правители и даже монгольские предводители старались заручиться поддержкой местных элит Галицко-Волынской земли. Татаро-монголы хотели с их помощью стабилизировать ситуацию в завоеванных землях. Они со всей серьезностью относились к выбору кандидатов на должность баскака, выбирая их из местных элит, возможно, одновременно являвшихся княжескими служащими, что было целенаправленным и продуманным шагом. Эти политические фигуры должны были хорошо ориентироваться в социальной и политической ситуации и иметь большой авторитет в завоеванном обществе, чтобы как можно лучше представлять здесь интересы хана, а кто выполнит эту задачу лучше, чем местные бояре? Они, во всяком случае, мо-

---

⁷³ ДАНИЛЕВСКИЙ, Игорь Н. *Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)*. Москва 2000, с. 92. И.Н. Данилевский подробно рассматривает социально-политические аспекты убийства князя до потенциально возможного дворцового переворота, когда княжеская власть принимает деспотический характер.

⁷⁴ ALTHOFF, Gerard. *Potęga rytuału. Symbolika władzy w średniowieczu*. Warszawa 2011, s. 138–139.

гли отвечать также и за созыв военной силы, необходимой ханам⁷⁵. Как показывает пример Андрея и Милея, этот процесс вызывал небольшое замешательство. Слуги Даниила Романовича стали «на двое». Они выполняли волю и были служащими как князя, так и хана. Их положение принуждало к лавированию между правителями⁷⁶.

Вопреки тому, как старался представить дело летописец, положение правителя в Галиче не было прочным, а после монгольского нашествия на Русь оно подверглось серьезным изменениям. Во время этого нашествия погибло много членов влиятельных галицких семей, а система управления княжеством претерпела серьезные разрушения. Боярские элиты после монгольского нашествия формировались вокруг местных лидеров (например, Грегора Васильевича или Доброслава Судича), потому что не могли получить поддержку от князей, которые сами боролись с татарским игом. Очень быстро стало очевидно, что местное общество не может функционировать без князя, и оно в такой ситуации легко могло быть подчинено соседними правителями. Поэтому власть над галицким княжеством быстро оказалась в руках Даниила Романовича, а попытки Михаила Всеволодовича и его сына не увенчались успехом. Мятежные настроения отдельных членов элит также закончились провалом. Как кажется, последним решающим фактором оказалась Ярославская битва в 1245 г., после которой были убиты наиболее авторитетные бояре, действующие в пользу захвата Галича черниговской линией Рюриковичей. Также были изгнаны венгерские воеводы, помогавшие Ростиславу Михайловичу, зятю Белы IV. С этого момента династия Романовичей овладела галицким княжеством, элита же этих земель начала уподобляться в летописных описаниях волынской⁷⁷.

Монгольское нашествие развязало Даниилу Романовичу руки по отношению к бунтующей против него галицкой элите и позволило ему начать более решительные действия. Признаком нового витка политики сына Романа Мстиславича было перенесение двора из Галича в Холм. Этот шаг был ударом по автономной позиции галицких бояр, которые стали подданными князя, поставленными в зависимость от его воли.

---

⁷⁵ НАСОНОВ, Арсений Н. *Монголы и Русь. История татарской политики на Руси*. Санкт-Петербург 2006, с. 226.

⁷⁶ ЮСУПОВИЧ, Адриан. «На двое будущу». Баскаки в Галицком княжестве в XIII в. *Colloquia Russica*. 2012, 2, с. 86–90.

⁷⁷ Как заметил Игорь Я. Фроянов (ФРОЯНОВ, Игорь Я. – ДВОРНИЧЕНКО, Андрей. Ю. *Города – государства Древней Руси*. Ленинград 1988, с. 154), бояре выступали не против княжеской власти как таковой, а против конкретных правителей. Власть не находилась ни в руках князя, ни в руках общества, но возникала в единстве этих сил.

Теперь высшие должности, которые приносили их владельцу значительные доходы, стали утверждаться князем. Претенденты были вынуждены считаться с правителем. В результате галичане были отодвинуты от участия в принятии решений о судьбах княжества. Эта обязанность перешла в руки избранных Даниилом Романовичем высших служащих.

Восприятие Романовичей боярскими элитами, очевидно, менялось в зависимости от текущей ситуации. На момент получения поддержки от Лешка Белого и Андрея галичане решились занять сторону русских князей, выполняя таким образом крестное целование, данное в 1205 г. Сильная позиция сыновей Романа Мстиславича привлекла к себе также «верных», по мнению летописца, вольнян. Как берестяне, так и жители Владимира Волынского видели в служении молодым князьям новые возможности для своих карьер и укрепления положения своих семей. Таким образом, представитель боярской элиты рассматривал правителя, в первую очередь, с утилитарной точки зрения и предлагал службу тому князю, с которым он связывал наибольшие ожидания, но прекрасно осознавал, что без боярской поддержки владение княжеством невозможно. Князь, в свою очередь, не хотел отталкивать знать и был вынужден оказывать ей «отцовское попустительство». Причиной, которая изменила соотношение сил в пользу Романовичей, несомненно, стало монгольское нашествие.

Родство и власть в языке Галицко-Волынской летописи

Мария Леонидовна Лавренченко

Родовая лексика княжеских речей и посланий – неотъемлемая черта ранних русских летописей. С каждым новым витком развития историографии Древней Руси в нее вкладывался новый смысл и находилось новое объяснение. При этом подавляющее большинство примеров, которые избирали исследователи для иллюстрации новых политических теорий, черпались из Киевской летописи. Галицко-Волынская летопись, продолжающая упомянутую летопись в Ипатьевском списке, лишь незначительно уступает своей предшественнице по количеству княжеских речей и содержащихся в них терминов родства, а также риторических формул, титулатуры и оттопонимических эпитетов, но здесь они не получили достаточного внимания со стороны ученых. Хотя бы частично исправить это упущение и представляется основной задачей настоящей главы.

При сравнении лексики Киевской летописи и Галицко-Волынской летописи, обращает на себя внимание резкое увеличение разнообразия терминологии, связанной с родством и властью в последней, причем можно отметить, что в разных частях летописи появляются различные термины родства, что является прямым следствием ее составного характера. Многие слова и устойчивые словосочетания появляются здесь впервые в истории русского летописания, другие, хотя и использовались ранее, но с исключительной редкостью.

В первую очередь обращает на себя внимание то, как называется князь белзский, Александр Всеволодович, по отношению к своему двоюродному брату, Даниилу Романовичу: «братучадие», «братучадо»⁷⁸ (эти термины обозначают как двоюродных братьев, так и сына брата⁷⁹). Также и дочь Александра, Анастасия, фигурирует в Галицко-Волынской летописи как «братучада» (дочь брата) Даниила⁸⁰: «и вдасть Мазовешь братоу своему Сомовитови, послоушавъ княза Данила, бѣ бо братоу-чада его за нимъ, дочи Александрова, именемъ Настасья» (Анастасия

---

⁷⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 762, 763.

⁷⁹ *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 1, Москва 1988, с. 310–311.

⁸⁰ Там же.

приходилась Даниилу двоюродной племянницей).⁸¹ Упомянутые двухосновные термины характерны для повествования о деятельности Даниила Романовича⁸², в последующих текстах они исчезают. Любопытно, что здесь же встречается описательная конструкция «сын брата»⁸³, не характерная не только для последующих текстов Галицко-Волынской летописи, но и для Киевской летописи.

Интересен еще один термин Галицкой части летописи – «оужика», «Жжика» ('родственник') – термин, в котором Олег Н. Трубачёв видит «ремнищенцию индоевропейского способа обозначения», близкого индоевропейским именам свойства отглагольных основ 'вязать, связывать' от «ужь», «уже», «Жже» – 'канат', 'веревка'⁸⁴. Использование этого термина в паре со словом «сват» в эпизоде: «Король же Оугорьскыи... потом же посла к Данилови реки: “Оужика ми и свать еси, помози ми на Чехы”»⁸⁵ сближает характер его употребления с текстами Киевской летописи за конец XII века, в которых также часто используется парная конструкция с термином «сват», например, в диалогах Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодовича: «Рюрикъ же рче емоу: “Брате и сватоу, аже ти поути нетоуть, азъ ти са повѣдаю”... Сѣтослав же нелюбьемъ рче емоу: “Брате и сватоу, ажъ ты идешь изо вчины своета на свое вродье...”».⁸⁶ В нашем же случае степень родства между Даниилом Романовичем и венгерским королем Белой IV была более отдаленной, чем между упомянутыми Святославом Всеволодовичем и Рюриком Ростиславичем – двоюродными братьями, но тем не менее примечательно, что об этом дальнем родстве помнили. Также парный термин с «оужика» – «оужика и свояк» – мы видим в обращении герцога Фридриха II Бабенберга к Даниилу, где он называет так венгерского короля Белу IV:

---

⁸¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 810.

⁸² Также они упоминаются в обеих редакциях Русской Правды, переводе Георгия Амартола. СРЕЗНЕВСКИЙ Измаил И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т.1. Санкт-Петербург 1893, с. 171–172.

⁸³ ПСРЛ, т. 2, стб. 816.

⁸⁴ ТРУБАЧЕВ, Олег Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. Москва 1959, с. 171; СРЕЗНЕВСКИЙ, Измаил И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 3. Санкт-Петербург 1912, с. 1163.

⁸⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 821. О том, какие родственные связи позволяли использовать термин «сват» в этом эпизоде: ЛИТВИНА, Анна Ф. – УСПЕНСКИЙ, Федор Б. К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сватитися» и «сват(ь)ство». Историко-филологический этюд. *Die Welt der Slaven*. 2013, 58, с. 316.

⁸⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 676–677.

«и ставь передъ городомъ поприща и не можеть взати ласканиемъ, гл̄аше емоу: “встави корола Оугорьского, ѿко оужика ми еси и своѧкъ”»⁸⁷.

Еще в одном случае употребления термина «оужика» указывается на родственную связь между Мстиславом Ярославичем и Даниилом Романовичем (двоюродные дядя и племянник), причем в качестве их общего предка представлен не Изяслав Мстиславич, а Владимир Мономах: «видивъ то, Мьстиславъ Нѣмъи мнѣвъ, ѿко Даниль сбодень бѣс, потче и самъ в нѣ, бѣ бо моужь и ть крѣпокъ, понеже оужика съиъ Романоу, ѿ племени Володимера, прирокомъ Маномаха»⁸⁸.

В текстах, повествующих о Василько Романовиче, Владимире Васильковиче, Мстиславе Даниловиче,⁸⁹ их союзниках и противниках, появляется другая характерная черта, отсутствующая в текстах начала летописи – здесь часто используется термин «господин», например: «нарекль бо башеть Василка ѿца собѣ и господина»⁹⁰ (Воишелк по отношению к Василько Романовичу), «ѣдоу, господине, до Соуждали»⁹¹ (Юрий Львович – Владимиру Васильковичу), «радъ, господине, тебе слоушаю»⁹², «Мьстиславъ же речѣ: «Гѣне, рчи, брате...»»⁹³ (Мстислав Данилович – Владимиру Васильковичу), «гѣне братъ»⁹⁴ (Конрад – Владимиру Васильковичу) и др. Обращает на себя внимание, что термин «господин» чаще упоминается пространных посланиях, чем в кратких диалогах. Связано ли стремление использовать этот термин с большей иерархичностью властной структуры или с развитием этикетного искусства посланий – видимо, имеют значение оба фактора⁹⁵.

---

⁸⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 836.

⁸⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 744.

⁸⁹ По словам Арсения Н. Насонова, этот текст был написан при Владимире Васильковиче, а затем был отредактирован и дополнен при Мстиславе Даниловиче, причем термин «господин» содержится в обеих частях. НАСОНОВ, Арсений Н. *История русского летописания XI – начало XVIII века. Очерки и исследования*. Москва 1969, с.234.

⁹⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 862.

⁹¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 884.

⁹² ПСРЛ, т. 2, стб. 912.

⁹³ ПСРЛ, т. 2, стб. 904.

⁹⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 906.

⁹⁵ Резкое увеличение случаев употребления термина «господин» в конце Галицко-Вольнской летописи можно сравнить с текстом Лаврентьевской летописи, описывающим правление Всеволода Юрьевича, где этот термин также не редок. Интересно, что в берестяных грамотах этот термин также начинает активно использоваться с рубежа XII–XIII вв., а в XIV в. появляются письма, в которых он встречается с очень высокой частотностью: восемь раз – в берестяной грамоте № 352 и

Итак, можно говорить об определенных предпочтениях в использовании терминологии родства и власти в Галицкой и Волынской частях летописи, что согласуется с результатами лингвистического анализа Ирины С. Юрьевой о разделении этой летописи на два самостоятельных текста⁹⁶.

Разнообразие этой лексики в нашем источнике отражает высокий уровень знаний той среды, в которой он был составлен. Находясь на перекрестке культурных традиций, обладая знаниями о различных политических системах и испытывая влияние различных конфессиональных порядков, авторы летописи использовали как архаичные (или представлявшиеся таковыми) славянские термины, так и термины, заимствованные из западноевропейской иерархии правителей.

К первой группе можно отнести уже упомянутые «братучадие», «братучадо», «оужика»⁹⁷. Также используются термины свойства: «кум»⁹⁸, «свояк»⁹⁹, «свесь»,¹⁰⁰ редко встречающиеся в других летописях, а также обозначения дядьев «оуй» – ‘дядя по матери’¹⁰¹ и «стрый» ‘дядя по отцу’¹⁰², «сестричич» ‘сын сестры’, «тесть», часто встречающиеся и в Киевской летописи и в других древнейших русских летописях. В Галицко-Волынской летописи можно увидеть и большую свободу в творении словоформ, особенно это характерно для галицкой ее части, например: «господичич» (Воишелк – для литовцев)¹⁰³,

---

шесть раз – в берестяной грамоте № 446. Андрей А. ЗАЛИЗНЯК. *Текстовая структура древнерусских писем на бересте*. Москва 1978, с. 153.

⁹⁶ ЮРЬЕВА, Ирина С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи. In: МОЛДОВАН, Александр М. – МИШИНА, Екатерина А. (eds.). *Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2012–2013>*, Москва 2013, с. 135–151. Также – статья Ирины С. Юрьевой в настоящем издании.

⁹⁷ Этот термин встречается также и в Повести временных лет в описании прощания византийской принцессы Анны перед поездкой на Русь. ПСРЛ, т. 1, стб. 110. Автор выражает глубокую признательность за указание на этот термин в ПВЛ Анне Ф. Литвиной.

⁹⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 868. Также этот термин встречается единожды в Киевской летописи. ПСРЛ, т. 2, стб. 307.

⁹⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 868. Также встречается в Новгородской Первой (с. 37) и Лаврентьевской (ПСРЛ, т. 1, стб. 406) летописях для обозначения связи между Всеволодом Юрьевичем и Ярославом Владимировичем.

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 859, также этот термин встречается в Киевской летописи: ПСРЛ, т. 2, стб. 624, 625.

¹⁰¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 817.

¹⁰² ПСРЛ, т. 2, стб. 883.

¹⁰³ ПСРЛ, т. 2, стб. 861.

«королевичь»¹⁰⁴ (Андраш II во время правления его отца), «шурята» (Даниил – о сыновьях Мстислава)¹⁰⁵ и др. Пласт лексики, обнаруживающий знакомство с западноевропейскими обозначениями правителей и системой властной иерархии представляют в летописи такие термины как «папа» ‘Папа Римский’, «рикс» ‘гех’,¹⁰⁶ «гѣрцик» («герцок», «герцик»)¹⁰⁷, герцог’, «крижевъникъ», крестоносец’,¹⁰⁸ широко представлены имена представителей правящих домов Европы, в отличие от Киевской летописи, где чаще используется обозначение титула без имени.

Остановимся более подробно на том, что же из себя представляет феномен метафорического использования родовой лексики в княжеских посланиях – в самом общем виде это ситуации, в которых правители, являющиеся дальними родственниками или вовсе не имеющие между собой родственных связей, называют друг друга терминами кровного родства – «отец», «брат» или «сын». В Киевской и Галицко-Волынской летописях такие термины используются по-преимуществу в качестве обращения в составе княжеских речей¹⁰⁹. В нашем источнике эти послания сосредоточены в двух частях летописи: в текстах, повествующих о деятельности Даниила Романовича, где княжеские речи более краткие и словно обрезанные, редко составляющие диалог или серию диалогов, и более пространные переговоры и пересылка речами князей в описании деятельности Владимира Васильковича, в основном касающиеся осуществления его замысла по передаче наследства двоюродному брату Даниилу Мстиславичу.

---

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 664–771.

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 766.

¹⁰⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 759, 760, 820 и далее.

¹⁰⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 776, 814, 820 и далее.

¹⁰⁸ СРЕЗНЕВСКИЙ, Измаил И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1. Санкт-Петербург 1893, с. 1322.

¹⁰⁹ Наблюдения за тремя древнейшими летописями позволяют продемонстрировать каким образом в тексте распределяются термины родства:

1. В 80% процентов случаев они занимают позицию обращения. Мало того – если мы видим обращения между князьями, то это всегда термины родства «отец», «брат», «сын», за исключением нескольких случаев, когда приводится обращение по имени, используются термины «сват» или «господин».
2. Нередко это выражения, подчеркивающие метафору – «плакать как по отцу», «относиться как к отцу» и другие, довольно часто использующиеся после смерти князя. Такая метафора еще не обозначает что лицо будет использовать обращение «отец», как раз наоборот.
3. Обряды, проводимые прилюдно «быть отцом и сыном» (ПСРЛ, т. 2, стб. 399–400, 417–418) и договоры «быть за один брат». (ПСРЛ, т. 2, стб. 366.)

Использование метафоры вертикального родства

Если мы взглянем на характер употребления родовой лексики в древнейших русских летописях, мы увидим, что выбор термина разнится в зависимости от характера текста: в авторских словах используются, как правило, термины реального родства – «зять», «тесть», «стрый», «сыновец», в то время как в княжеских речах по отношению к тем же родственникам – термины прямого кровного родства: «отец», «сын», «брат»¹¹⁰. Если же мы посмотрим на случаи использования терминов родства в Киевской летописи, а также в Новгородской первой летописи именно с точки зрения того, каковы же не метафорические, а реальные связи между теми, кто называет друг друга «отцом» и «сыном», то окажется, что в подавляющем большинстве случаев такие обращения используются в диалогах между (1) дядей и племянником, (2) тестем и зятем.

В текстах Киевской летописи, описывающих события середины XII века, когда и конкуренция и кооперация в отношениях между Рюриковичами происходят, по преимуществу, между дядей и племянником¹¹¹, то и конструкции вертикального родства выстраиваются, чаще всего, между этими родственниками (например, между Юрием Владимировичем Долгоруким и сыном его брата Андрея, Владимиром, когда последний называется «сыном» Юрия Владимировича¹¹², также можно упомянуть знаменитый обряд между

---

¹¹⁰ Например:

1. Изаславъ ѿрѣди брата своего Володимера къ королеви зати своему, река тако...
Уже, brate, твоѧ вбѣда, то не твоѧ но моѧ вбѣда. ПСРЛ, т. 2, стб. 408.
2. Юрги же посла посла по снѡвца своего, по Ростислава, Смоленську, река ему: «Снѹ, мнѣ с кимъ Рускую землю оудержати». ПСРЛ, т. 2, стб. 479.
3. Тоѣ же зимы Стославъ сославъся с Рюрикомъ, сватомъ своимъ, и сдоумаста ити на Половцѣ. Рюрикъ же оулюби Стославль и речъ ему: «ты, brate, ѣди в Черниговъ...». ПСРЛ, т. 2, стб. 653.
4. Изаславъ же пришедь во Володимиръ, почѧ са слати въ Оугры, къ затю своему королеве, и в Лахы къ свату своему Болеславу, и Межцѣ, и Индриховѣ, и къ Ческомоу кнзю сватоу своему...
Далее он обращается к ним:
«азъ вы реку: «Браѣ, съ рѣства Хѣва полѣзите на кони...» ПСРЛ, т. 2, стб. 385.
5. Стославъ же не хоташе ѡступити ѿ оуца своего, Изаслава, но неволею ѣха... почѧ са оу него просити река: «ѡце, поустѧ ма Черниговоу». ПСРЛ, т. 2, стб. 343.

¹¹¹ Что демонстрируют и традиции имянаречения: ЛИТВИНА, Анна Ф. – УСПЕНСКИЙ, Федор Б. *Выбор имени у русских князей в XI–XVI вв.* Москва 2006, с. 73–107.

¹¹² ПСРЛ, т. 2, стб. 487–488.

Вячеславом Владимировичем и Изяславом Мстиславичем быть «отцом» и «сыном»¹¹³ и др.)

В текстах, описывающих события конца XII века, когда появляется множество внутрдинастических браков между Рюриковичами, гармонизирующих отношения между представителями разных линий правящей династии, все чаще друг друга называют «отцом» и «сыном» зять и тесть; это знаменитые диалоги между Рюриком Ростиславичем и Романом Мстиславичем¹¹⁴, обращение Мстислава Мстиславича к Ярославу Всеволодовичу¹¹⁵ «сын» в Новгородской летописи и др.

Что же происходит в тексте Галицко-Волынской летописи? Здесь термины вертикального родства столь же активно используются в диалогах между свойственниками (чаще всего между зятем и тестем), причем в равной степени и в Галицкой и в Волынской ее частях. Так, например, Даниил Романович обращается к деду своей жены – Котяну, называя его «отцом»:

«...а Павла своего посла ко Котаневи, река: «вѣче, измати воиноу сю, прими ма в любовь собѣ»¹¹⁶.

Тесть Даниила Романовича, Мстислав Мстиславич называет его «сыном»:

«Даниль же посла Дъмьана ко тести своему, река емуоу: «Не подобает Пинаномъ держати Черторьиска, како не могу имъ терпѣти». Дъмьанови же повѣсташоу с нимъ: «Сыноу, сгрѣшихъ не давь тобѣ Галича, но давь иноплеменьнику»¹¹⁷.

В волынской части Галицко-Волынской летописи, Владимир Василькович, приглашая отца своей жены, своего тестя, Романа Михайловича, обращается к нему «господин отец» и слышит в ответ «сын»:

«Приѣха Шлегъ въ Володимеръ ко своей сестрѣ. Володимеръ бо зоваше тогда теста своего по великоу тако река: “Гсѣне вѣче, поедь побудеш во своемъ домоу и дщери своей здорвье видишь”. Романъ же штопрѣса емуоу тако река: “Сноу мой Володимероу, не могую ѿ рати своей ѣхати, се хожю в земли ратной, а кто ми доправитъ рать

---

¹¹³ ПСРЛ, т. 2, стб. 399–400.

¹¹⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 684, 685–686.

¹¹⁵ НАСОНОВ, Арсений Н. (ed). *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва – Ленинград 1950, с. 54 (1215 год).

¹¹⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 732.

¹¹⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 752.

мою домовъ а се в мое мѣсто снѣ мои Улгь ать ѣдѣтъ с тобою и цѣловашася и тако поѣхаша во своаси»¹¹⁸.

Интересно, что в тексте Галицко-Волынской летописи появляется и упоминание о наречении «матерью» Нездиловой – тещи боярина Давыда¹¹⁹. В целом в Галицко-Волынской летописи несравненно больше упоминаний о женщинах, чем в Киевской, что находит отражение и в традиции использования обращений и именовании.

В том же, что касается княжеских речей при взаимодействии дяди и племянника, то здесь мы не видим ни прямых обращений «отец» и «сын», ни описания обрядов «быть отцом и сыном», в диалогах же используются обращения «стрый» и «сыновец», которые просто невозможно представить на этой позиции в многочисленных княжеских речах Киевской летописи, например, Юрий Львович так обращается к Владимиру Васильковичу:

«Володимиръ же... нача нараживати рать на Болеслава и ко снѣвцю своему Юрьеви посла, помочи проса, сыновечъ же емоу тако речѣ: “Строю мои, радъ быхъ и самъ с тобою шель, но нѣколь е мь (X. П. нѣколи ми) ѣдоу, господине, до Соуждали женитьсѣ а со собою поимаю не много людии, а се вси мои людье и боарѣ Боу на роуцѣ и тобѣ, а коли ти боудеть любо тогда с ними поиди”»¹²⁰

В подробном изложении просьбы двоюродного племянника Юрия Львовича к дяде, Владимиру Васильковичу, о городах, где затрагивается также и конфликт с родным отцом, используется строго обращение «стрый», а отцовство Василько упоминается лишь в роли метафоры:

«Присла Юрьѣ Лвовичъ посоль свои ко строєви своему князю Володимероу, река емоу: “Гснѣ строю мои, Бѣ вѣдаеть и ты како ти есмь слоужилъ со всею правдою своею, имѣл та есмь аки щѣ собѣ абы тобѣ сжалилося моее слоужбы. А нынѣ, гснѣ, щѣ моѣ прислалъ ко мнѣ, ѡнимаеть оу мене города, что ми былъ даль Белзь и Червень и Холмъ, а велить ми быти в Дорогычинѣ и в Мѣлницѣ а бью челомъ Боу и тобѣ, строєви своему – даи ми, гнѣ, Берестии (и) то бы мь (ми) с полоу было”.

Володимеръ же рче послоу: “Сыновче, рци – не дамъ, вѣдаешь самъ...”¹²¹

---

¹¹⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 874.

¹¹⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 765, JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów*, s. 229–230.

¹²⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 883.

¹²¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 911.

Итак, в отличие от Киевской летописи, где в обращении используются термины родства «отец», «брат», «сын» (и в единичных ситуациях имя или местоимение, термины «сват», «господин»), в Галицко-Волынской летописи на эту позицию проникают и другие термины: «сыновче», «строю», «свогаче»¹²², «коуме»¹²³. При этом сама по себе традиция использования вертикальных конструкций отец – сын сохраняется, однако в отличие от Киевской летописи (и особенно ее начальной части) используется она в речах зятя и тестя (или другого родственника жены), но никогда – в диалогах дяди и племянника, что может быть свидетельством как забвения этой формы обращения, так и ее отсутствия в юго-западных землях XIII века.

Практики конструирования родства

Любопытно, что Галицко-Волынская летопись указывает на практики конструирования родства между правителями, не вдаваясь в подробные описания, в то время как Киевская летопись изображает такие обряды и договоры, но никак не называет их. Так, упоминается о «принятии братства и любви великой», идентичной, по всей видимости, договорам «быть за один», «быть за один брат» Киевской летописи,¹²⁴ между Даниилом Романовичем и Владимиром Рюриковичем, причем через посредство сына последнего, Ростислава Владимировича, который приехал к Даниилу: «Данилови же не спавъшоу три дни . г . ноци, тако же и воемь его. Боудоушоу же Володимероу Къевѣ, присла сѣна своего, Ростислава, в Галичь и приа с нимъ братство и любовь великоу»¹²⁵. Князья приходились друг другу четвероюродными братьями, причем до развода Романа и дочери Рюрика Ростиславича, между ними были и отношения свойства, тем не менее, особые союзные отношения формулировались именно как принятие, начало «братства».

Интересно упоминание о наречении Василько Романовича «отцом» Воишелка: «...кнажашоу же Воишелькови в Литвѣ и поча емоу помагати Шварно князь и Василко, нареклъ бо башеть Василка шѣа собѣ

---

¹²² «Болеславъ князь присла посоль свои к Василкови Григора пробоща Люблинского тако река: “Свогаче, сонмевѣса”. Василко реч: “А та радь!”» ПСРЛ, т. 2, стб. 865.

¹²³ «... и посемь Левъ приѣха к нему в монастырь и поча молвити Воишелкови: “Коуме, напимс!» и начаша пити». ПСРЛ, т. 2, стб. 868.

¹²⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 374, 375.

¹²⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 772.

и господина»¹²⁶ что может быть связано как с установлением отношений покровительства, так и с тем, что Воишелк был повинен в смерти Романа Даниловича. Практики конструирования родства как социальный инструмент в самых различных средневековых сообществах часто оказываются направлены на то, чтобы скрепить мир между сторонами, разделенными кровной враждой, а за активным использованием нескольких таких практик (брак, особое покровительство, побратимство) довольно часто скрывается конфликт, на разрешение которого они направлены¹²⁷, здесь же за смертью Романа Даниловича следует брак сестры Воишелка и Шварна с одной стороны, и именование Василько «отцом» с другой, что выводит акт примирения, необходимого для указанной в тексте летописи помощи, на первый план.

Наиболее сложную родовую конструкцию применяет в своем завещании Владимир Василькович, задействуя и вертикальные и горизонтальные связи и передавая перед смертью своему двоюродному брату Мстиславу Даниловичу семейные и политические обязательства и земельные владения¹²⁸, причем Мстислав говорит о жене Владимира, Ольге Романовне, как о матери, а о приемной дочери Владимира, Изяславе – как о дочери¹²⁹. Обращаясь к самому Владимиру, Мстислав изъявляет о своем желании по отношению к нему «имѣти аки ѡца собѣ», а также использует имя и титул своего родного отца, конкретизируя метафору родства до обозначения конкретного лица: «ты же ми братъ, ты же ми ѡць мои, Данило король»¹³⁰, а на начальной стадии заключения соглашения присутствует и характерное для вертикальных родовых конструкций Киевской летописи упоминание об отсутствии родных близких

---

¹²⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 862, повтор этого сообщения в стб. 863.

¹²⁷ RAPP, Claudia. Ritual brotherhood in Bizantium. *Traditio*. 1997, 52, pp. pp. 285–326; CHARLES-EDWARDS, Thomas. Anglo-saxon kinship revised. In: HINES, John (ed.). *The anglo-saxons from the migration period to the eight century. An ethnographic perspective*. San Marino 1997, pp. 191–210; JUSSEN, Bernard. *Spiritual Kinship as Social Practice. Godparenthood and Adoption in the Early Middle Ages*. Newark 2000, pp. 285–326.

¹²⁸ Совокупность этих конструкций была рассмотрена нами в статье: Лавренченко Мария Л. Завещание Владимира Васильковича: следование семейной традиции Рюриковичей или новгородская идея бездетного князя? *Colloquia Russica*. Series 1, vol 3. Pp. 93–100.

¹²⁹ «Мѣстиславъ же рече: „гсѣне, рчи, брате... даи ми Бѣ имѣти свою ѡтровь, аки достоиную мѣтръ собѣ и чтити, а про се дѣта, вже сако молвишь, абы ю Бѣ того доvely, даи ми ю Бѣ ѡдати, аки свою дщерь родимую, и на томъ крѣтъ челова”» ПСРЛ. Т.2. Стб. 904.

¹³⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 912. Схожую форму использовали новгородцы, встречая князя Изяслава Мстиславича: «Ты наші кнѣзъ, ты наші Володимиръ, ты наші Мѣстиславъ». ПСРЛ, т. 2, стб. 370.

родственников: «а ни оу мене дѣтии, а даю тобѣ, братоу своему землю свою всю и города по своемъ животѣ». ¹³¹

Отказ от родства

Еще одна особенность использования родовой лексики Галицко-Волынской летописи связана с угрозой расторжения уз родства. В текстах Киевской летописи, описывающих события середины XII века, несмотря на обилие социальных практик конструирования родства, прежде всего, в княжеских договорах и обещаниях на будущее, не упоминается о временных рамках такого конструирования, что, по-видимому, обусловлено тем, что предполагалось скрепление отношений родства на всю жизнь. В конце Киевской летописи, в текстах, описывающих деятельность Рюрика Ростиславича, в речах появляется угроза отказа от родства “Даждь стоиши в томъ радуу – то ты намъ братъ, пакы ли поминаѣшь давныа тажа, которыи былѣ при Ростиславѣ – то стоупилъ еси радуу”¹³². Угроза здесь выглядит недосказанной – если стоишь в том ряду – то брат, а если нет – то кто? В Киевской летописи неоднократно используется термин *враг* / *ворог*, в том числе и по отношению ко князьям: «съ Мьстиславичи съ шюрями своими, а с нашими ворогы»¹³³, но нигде не противопоставляется непосредственно *брат* (или *отец* и *сын*) и *враг*.

В Галицко-Волынской летописи мы находим фразу, содержащую угрозу отказа от родства и продолжающую ее в описании ситуации, когда Василько приезжает под Холм, и, принуждаемый татарами, требует от горожан открыть ворота, но подает тайный знак, бросая камни, чтобы горожане не делали этого. Знак был разгадан Константином, стоящим на воротах:

«Костантинъ же, стоа на заборолѣхъ города, оусмотри оумомъ разоумъ, поданы емоу ѿ Василка и речѣ князю Василкови: “Поѣдь прочь, аже боудеть ти каменемъ в чело, ты оуже не братъ еси братоу своему, но ратьныи есь (Х. Л. – ратный еси) емоу”»¹³⁴. Здесь видно явное противопоставление терминов «брат» и «ратный», что перемещает

¹³¹ ПСРЛ. т. 2., стб. 898. Ср. с началом обряда между Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем в Киевской летописи: «оу тебе ѿца нѣту, а оу мене сѣна нѣтуть, а ты же мои сѣнѣ, ты же мои братъ». ПСРЛ, т. 2, стб. 418.

¹³² ПСРЛ, т. 2, стб. 670.

¹³³ ПСРЛ, т. 2, стб. 313.

¹³⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 852.

первый из них из сферы исключительно родовой лексики ближе к военной тематике.

Также появляются и другие термины, показывающие лицо княжеского статуса как врага – так, Болеслав называет Шварно «немирником». В целом в Галицко-Волынской летописи гораздо больше указаний на переход от состояния мира к состоянию войны, в отличие от Киевской, где политическая риторика более направлена на вечный мир, братолюбие и объединение всех князей против половцев.

Призыв к отмщению

В том, что касается традиционных для Киевской летописи риторических формул, сопровождающих заключение договоров, то в Галицко-Волынской летописи большинство из них сменяется на другие. Так, например, идея «мщения за обиду» («быть за обиду»; «где твоя обида – то не твоя, но моя, а где моя – там твоя»; «где твоя обида – нам быть с тобой»; «где твоя обида – вот тебе полки») ¹³⁵, пронизывающая текст Киевской летописи и встречающаяся в большинстве развернутых диалогов, сменяется на призыв отомстить «сорому», например: «Володимирья же, сжаливси и расплакавса, реч̑ послуу бра(та) своего: “Брате, Бѣ рчи боуди ѿмѣстникъ твоєи соромотѣ, а се ѿ готовъ тобѣ на помочь”» ¹³⁶. Некоторые из риторических формул, типичных для Киевской летописи, вновь появляются в тексте, что вероятно связано с деятельностью писца, который заимствовал формулы, использованные в диалогах ранних князей из текстов Повести временных лет и Киевской летописи, которые у него были перед глазами. Например, выражение «за вдино ср̑дче» ¹³⁷ в речи Конрада находит прямую аналогию в рассказе Повести временных лет о Любечском съезде: «имѣмса по едино ср̑дце» ¹³⁸. Характерный для текстов, повествующих о Мономашичах XII века мотив «отней молитвы» ¹³⁹, неожиданно появляется в конце

¹³⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 367, 385, 407, 408, 409, 420.

¹³⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 883.

¹³⁷ «Кназь же Коньдрать нача ѣзда молвити: “Братья моя, милаа, Роуси, потагнете за вдино ср̑дче”» ПСРЛ, т. 2, стб. 885.

¹³⁸ «... а Половци землю нашу несутъ роздно и ради суть, шже, межи нами рать до нѣѣ ѿселъ имѣмса по едино ср̑дце и съблюдѣмъ Рускую землю». ПСРЛ, т. 2, стб. 231

¹³⁹ КОМАРОВИЧ, Василий Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. In: ЛИТВИНА, Анна Ф. – УСПЕНСКИЙ, Федор Б. (eds.). *Из истории русской культуры. Том*

волинской части Галицко-Волинской летописи, одновременно с прису- щим Киевской летописи обещанием «сложить головы»¹⁴⁰:

«Мѣстиславоу же рекоша боарѣ его и братни боаре: “Гѣне, снѡвѣць твои великоу соромоу возложи на та, тобѣ даль Бѣ, и братъ твои и мѣтва дѣда твоего и вѣца твоего, можемь, гѣне, головы своѣ положить за та ”»¹⁴¹.

Титул короля

Еще одной любопытной чертой Галицко-Волинской летописи являются изменения в титулатуре правителей, деятельность которых освещает летопись.

В пространстве власти, представленном в Киевской летописи, совершенно особое место занимает титул короля, который, в отличие от князей и императоров, не называется по имени и не уточняется оттопонимическим эпитетом, так как этот титул принадлежал только венгерскому королю, Гезе II, и затем Беле III.

В Галицко-Волинской летописи венгерский король начинает называться по имени, а также именуется «королем Оугорским» и даже термином «рикс» (rex)¹⁴² с того момента, как титул короля получает Даниил Романович в 1253 году вместе с короной от Папы Римского Иннокентия IV.

Теперь он не только называется «Даниилом королем»¹⁴³, но и просто «королем» без упоминания имени¹⁴⁴, что в Киевской летописи однозначно указывало бы на короля венгерского.

Любопытно, что и в некрологе Льва Даниловича говорится «снѣ ко- ролевъ, вноукъ Романомъ»¹⁴⁵ – указание на того самого, единственного

II, книга 1. Киевская и Московская Русь. Статьи по истории и типологии русской культуры. Москва: Языки славянской культуры, 2002, с. 13.

¹⁴⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 420–421, 437 и др.

¹⁴¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 928.

¹⁴² «Бѣла риксъ, рекъмъи король Оугорьскъи». ПСРЛ, т. 2, стб. 760.

¹⁴³ «Вдасть же Данило король брашна во емь до досытка и конемь ихъ». ПСРЛ, т. 2, стб. 848.

¹⁴⁴ «... а король башеть тогда впаль в болесь великоу, в неижь и сконча животь свои, и положиша во цркви стѣ Бѣи в Холмѣ юже бѣ самъ создалъ». ПСРЛ, т. 2, стб. 862

¹⁴⁵ «Левъ князь, братъ Мѣстиславль, снѣ королевъ, вноукъ Романомъ самъ иде в помощь Болеславоу». ПСРЛ, т. 2, стб. 935.

короля, как в древнейших летописях указывается на родство по отношению к Владимиру Мономаху или «пращуру» – Владимиру Святому.

***

В целом, мы видим что репрезентация мира власти в Галицко-Волынской летописи несравненно богаче, чем в хронологически предшествующих ей летописях – здесь используются новые титулы: гех, герцог, крестоносец, упоминается Папа Римский, что связано с близостью европейских средневековых реалий и лучшим знакомством с ними. Также активно используются славянские термины, как мужские, так и женские, в том числе описательные обозначения «сын брата», что не характерно для Киевской летописи, появляются новые парные термины: «оужика и сват», «оужика и свояк», выражения, использующие метафору родства: «прия с нимъ братство и любовь». Но отмечается и забвение некоторых форм и традиций, таких как использование в обращениях между племянником и дядей терминов «отец» и «сын».

II.
Язык и жанры

Галицкие акты XIII в. из церкви св. Пантелеймона

Алексей Алексеевич Гиппиус

I

О существовании в церкви св. Пантелеймона в Галиче надписей-граффити древнерусского времени стало известно после выхода в свет накануне Первой мировой войны монографии Йозефа Пеленьского¹⁴⁶. Сообщив о наличии на стенах храма многочисленных русских, польских, латинских и армянских граффити XIII–XVI вв., образно названных им «каменным архивом», исследователь привел тексты нескольких надписей, в основном представляющие собой отдельные имена и фрагменты молитвенных формул. На этом фоне резко выделялась – как по содержанию, так и монументальностью исполнения – пространная надпись, высеченная на двух каменных блоках на внешней стене церкви справа от южного портала. После публикации Й. Пеленьского этот текст длительное время не привлекал внимания исследователей. Новый виток в его изучении составили в начале 1990-х гг. работы Татьяны Всеволодовны Рождественской¹⁴⁷. Наконец, в 2009 г. вышла специально посвященная надписи статья Олега Михайловича Иоаннисяна и Т. В. Рождественской¹⁴⁸. Сопоставление этих публикаций демонстрирует как несомненный прогресс в прочтении и интерпретации этого интереснейшего текста, так и необходимость в их дальнейшем усовершенствовании, попытка которого предлагается ниже.

---

¹⁴⁶ PELENSKI J. *Halicz w dziejach sztuki średnowiecznej. Na podstawie badań archeologicznych i źródeł archiwalnych*. Kraków 1914.

¹⁴⁷ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Татьяна В. *Древнерусская эпиграфика X–XV веков*. Санкт-Петербург 1991, с. 94; РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Татьяна В. *Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв.* Санкт-Петербург 1992, с. 124–134.

¹⁴⁸ ИОАННИСЯН, Олег М. – РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Татьяна В. Надпись с именами Мстислава и Игната на стене церкви св. Пантелеймона в Галиче в контексте политических событий конца XII в. In: ГОРДИН А. М. – ИОАННИСЯН, О. М. – ТОРШИН, Е. Н. (eds.): *Труды Государственного Эрмитажа, Т. 46: Архитектура и археология Древней Руси: материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976)*. Санкт-Петербург 2009, с. 198–217.

В публикации Й. Пеленьского, опиравшегося в своем прочтении надписи на консультацию Алексея И. Соболевского, текст выглядел следующим образом:

1. вѢ КНЖНИКѢ МЪСТИСЛАВА А ВЪ
2. ДЕРЖАВУ ИГНАТЪВУ ИСКАЛИ
3. ЛАХА ВЪ ПЛОТЕНИЖИ И НЕ НА
4. ШЛИ ВЫКЛАДЕНО . ДАНЪ
5. А ТОМУ ПОСЛИ СИ ПОПОВЕ СТГО ПА
6. НТЕЛЪИМОНА ЛАЗОРЪ СИМЕОНЪ . . . ТЪИ СТЕФАНЪ ДИМИТРЪ БГДАНЪ
7. А КЪНАЗЪ ДАНЛЪ . . . АТНИКОМЪ . . . НІЕ ЖЕЗЛУ
8. СЛУЧАИТЬ

Оценивая это прочтение спустя сто лет, стоит иметь в виду, что исследование древнерусских надписей-граффити делало в начале XX в. свои первые шаги. Только этим можно объяснить, что такой выдающийся знаток и исследователь древнерусских текстов, как А. И. Соболевский, предложил для галицкой надписи транскрипцию, изобилующую очевидными несуразностями. Это и фантастический топоним *въ Плотенижи*, и дважды выделенное в тексте имя *Данииль*, записанное по-разному и грамматически «вываливающееся» из контекста, и странное сочетание *посли си*; наконец – оставленное вообще без интерпретации окончание седьмой и начало восьмой строки. Неудивительно, что получив от А. И. Соболевского такое прочтение, Й. Пеленьский воздержался от связанной интерпретации текста в целом, ограничив свои комментарии выяснением того, какой из князей, носивших имя Мстислав, упоминается в тексте. Выбирая между Мстиславом Ярославичем Немым, кратковременно княжившим в Галиче в 1214 г., киевским князем Мстиславом Изяславичем (1154–1172 гг.) и Мстиславом Мстиславичем Удалым, занимавшим галицкий стол в течение длительного времени, с 1219 по 1228 г., Й. Пеленьский, по понятным причинам, отдал предпочтение последнему. Этому, возможно, способствовало (хотя вряд ли сыграло решающую роль), отождествление Даниила, имя которого Й. Пеленьский, следуя за А. И. Соболевским, читал в надписи) с Даниилом Романовичем, зятем Мстислава Удалого и его преемником на галицком столе.

Преодолевать недостатки первоначального прочтения пришлось Т. В. Рождественской, которой в данном направлении был сделан ряд принципиальных шагов. Вместо загадочного *въ Плотенижи* исследовательница прочла дающее отличный смысл *въ плотеники*, места имен *Данъ* и *Даниль* – глагольные формы *дать* (в 4-й строке) и *судиль* (в 7-й),

вместо *посли си* – естественное для акта *послуси*, вместо несвязных обрывков слов в 7-й строке – законченную фразу *а коназь судиль не искази никому*. Кроме того, в 4-й строке Т. В. Рождественская прочла *бы кладеное даль*, а в окончании 6-й – *шли Димитръ Бѣданъ*, что было трактовано как подписи исполнителей записи.

В статье 2009 г. Т. В. Рождественская модифицировала свое прочтение, в одном пункте вернувшись к чтению Й. Пеленьского: вместо *бы кладеное даль* было предложено читать *выкладеное даль*¹⁴⁹. С этой поправкой чтение надписи приобрело следующий вид (воспроизводим его с введением знака переноса):

1. въ кнѣжнѣ мѣстиславѣ деѣ
2. режаву игнатѣву искази
3. лаха въ плотеники и не наѣ
4. шли выкладеное даль
5. а тому послуси попове стѣго паѣ
6. нтелѣймона ла(зорь) ... (мои)сее ... шли димитръ бѣданъ
7. а кнѣазь судиль не искази никому нежеслау
8. ...

Корректировку чтения графито необходимо продолжить.

Во-первых, в записи Т. В. Рождественской 1-й строки надписи оказался утрачен хорошо различимый на снимке предлог *въ* перед словом *де|режаву*, необходимый здесь по нормам раннедревнерусского синтаксиса.

Во-вторых, изучение снимков надписи (а также ее натурное обследование, произведенное нами в 2008 г.) заставляет отказаться от вычленения в 6-й строке словоформы *шли* и вернуться к прочтению этих букв Й. Пеленьским как части имени *Стефанъ*. Необходимость в трактовке окончания 6-й строки как подписи двух (!) резчиков надписи, неестественным образом помещенной перед заключительной фразой акта, таким образом отпадает, а 6-я строка прочитывается как содержащая перечень имен послухов – попов «святого Пантелеймона». Имена второго и третьего послухов (у Й. Пеленьского – *лазорь симеонъ ... тѣи*, у Т. В. Рождественской – *ла(зорь) ... (мои)сее*) достаточно уверенно прочитываются как *лазорь семьонъ матѣи*.

Конец 7-й и начало 8-й строк, прочитанные Й. Пеленьским как *нежезлау|случаить*, а Т. В. Рождественской – как *нежеслау|...*,

¹⁴⁹ Этот корректив был сделан с учетом критики коллег, указавших на невозможность расположение *бы* в начале целевого придаточного.

допускают, на наш взгляд, единственно возможную интерпретацию – [и]же са ѡ|слушакѣть, что подтверждается изучением снимков и оригинала надписи. Лакуна между этим фрагментом и предшествующим ему в транскрипции Т. В. Рождественской местоимением **никому**, заполняется частицей *же* (в раннедревнерусский период – необходимый компонент отрицательных местоимений и наречий) и союзом *а*.

В результате этих поправок текст надписи приобретает следующий вид.

- 1 въ кнѣжнѣ мѣстиславлѣ въ дѣѣ
- 2 режаву игнатѣву искали
- 3 лаха въ плотеники и не на
- 4 шли выкладеное далъ
- 5 а тому послуши попове стѣго паѣ
- 6 нтелѣимона ладоръ семьюнъ матѣи стѣфан(ъ) димитръ бѣданъ
- 7 а коназъ судилъ не искати никому(же а и)же са ѡ
- 8 слушакѣть ...

Содержание надписи было в целом убедительно трактовано Т. В. Рождественской в работах 1991 и 1992 гг. Отметив актовый характер текста и его сходство в данном отношении с известной надписью о покупке Бояновой земли в Софии Киевской, исследовательница следующим образом истолковала существо конфликта. «По-видимому, артель плотников взяла под залог или деньги, или какое-либо другое имущество перед началом строительных работ, но, вероятно, не выполнила своих обязательств. Можно предположить, что эти работы могли иметь государственное значение, поскольку в надписи упоминается «княжение Мстиславле», и разбирательство этого дела велось самим князем. Лях, который должен был отвечать перед судом за плотников, имел непосредственное отношение к строительной артели, либо, что вероятнее, к самому акту строительства. Однако, судя по содержанию надписи, он избежал применения к нему санкций («а князь судил не искати»)¹⁵⁰. Т. В. Рождественская отметила также использование в надписи элементов юридического языка своего времени, в частности, употребление глаголов *искати* и *наити* в терминологических значениях ‘домогаться судом, вести иск’ и ‘уличить’, а также предлога *въ* с винительным падежом при указании на виновное лицо. Исходя из этого, для надписи был предложен следующий перевод: «Предъявляли иск ляху за плотников, чтобы он отдал (их) долг, но не уличили его (ляха)

¹⁵⁰ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Т. В. *Древнерусские надписи на стенах храмов*, с. 133.

в этом. А тому свидетели попы св. Пантелеймона <...>. А князь судил не взыскивать ни с кого».

В статье 2009 г. эта интерпретация была скорректирована с учетом чтения *выкладено даль*, переведенного как 'отдал то, что требовалось или о чем договаривались, или то, что должен'. Это чтение, по словам авторов, «позволяет по-иному понять действия князя и реабилитировать «ляха» – князь прекратил иск, потому что конфликт действительно оказался исчерпанным»¹⁵¹.

Детали этой трактовки требуют уточнения, но в целом она, повторим, представляется вполне адекватной существу дела. К сожалению, в статье О. М. Иоаннисяна и Т. В. Рождественской 2009 г. эта интерпретация оказалась отодвинута на второй план альтернативой, не просто менее вероятной, но, на наш взгляд, совершенно неприемлемой.

Сомневаясь, чтобы такое малозначительное дело, как тяжба с плотниками, могло вызвать появление на фасаде церкви столь монументально исполненной надписи, авторы предположили, что отраженный надписью конфликт был иного свойства и что «надпись представляет собой не просто юридический документ, а политический акт, имевший важное государственное значение». Появление надписи было предположительно связано с обстоятельствами борьбы за галицкий стол, разгоревшейся в 1187–1189 гг. между сыном Ярослава Осмомысла Владимиром и его сводным братом Олегом, рожденным от наложницы и именуемым в летописи «Настасьичем». По мысли авторов, упоминание в надписи «княжения Мстиславля» и «державы Игнатовы» несет в себе противопоставление обладателя законных прав на княжение – Владимира Ярославича и незаконно княжившего в Галиче Олега Настасьича (предполагается, что первый имел еще одно княжеское имя – Мстислав, а второго в крещении звали Игнатом).

Не будем вдаваться в обсуждение деталей этой трактовки. Принять ее не позволяет не только произвольность отождествления «Мстислава» и «Игната», но и, главное, отсутствие внятного объяснения того, что, собственно, означает ключевая фраза надписи: *искали лаха въ плотеники*. Ссылка на то, что галицкий стол был возвращен Владимиру Ярославичу при помощи Фридриха Барбароссы и польского короля Казимира Справедливого (будто бы названного в надписи Ляхом), а также на то, что Владимир, согласно летописи, обязался за оказанную ему помощь *выплачивать* по 2000 гривен в год, ничего не разъясняет – перевести фразу, «вписав» в нее эти смыслы, невозможно. Лингвистически

¹⁵¹ ИОАННИСЯН, О. М. – РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Т. В. Надпись с именами Мстислава и Игната на стене церкви св. Пантелеймона в Галиче, с. 212.

неприемлемо и предложение связать слово *плотеники* с глаголом *платити*, реанимирующее возможность, которая рассматривалась Т. В. Рождественской в работе 1992 г., но была ею с полным основанием отклонена. Совершенно очевидно, что *плотеники* (<плотъники>) нашего текста – это именно плотники в современном значении слова и никто иной.

Что же касается идентификации Мстислава и Игната, то первого, на наш взгляд, есть все основания, вслед за Й. Пеленьским, отождествлять с Мстиславом Мстиславичем Удалым – единственным из носителей данного имени, занимавшим в XIII в. галицкий стол в течение продолжительного времени. Что же касается Игната, то поиски его среди князей кажутся нам лишенными перспективы и могущими лишь направить интерпретацию по ложному следу. Противопоставление в экспозиции акта «княжения» и «державы» прямо указывает на то, что под последней следует понимать никак не обладание княжеским столом, но исполнение каких-то иных властных полномочий. Как отмечала ранее Т. В. Рождественская, «выражение *в державу Игнатову* могло относиться либо к епископу, либо к кому-то из представителей галицкого боярства, поскольку словом *держжава* в равной степени обозначались и епископская и светская власть»¹⁵². Второй из этих возможностей следует отдать предпочтение. Один иллюстрирующих ее примеров, заимствованный Т. В. Рождественской из «Материалов» И. И. Срезневского, происходит из грамоты 1371 г., в начале которой читается: «Вѡ има ѡт(т)ца и снѧ и стѣо дѣа. Бѣжимъ истворѣньемъ оу вѣки аминь. Исталоса подь державою великого крола краковьского Казимира и господара рускоѣ землѣ. Исталоса при державѣ пана Оты старосты рускоѣ з(ем)лѣ»¹⁵³. Титул «старосты русской земли» первым принял Дмитрий Дядько, осуществлявший управление Галицкой землей в качестве наместника литовского князя Дмитрия-Любарта Гедиминовича¹⁵⁴. Однако само определение времени издания акта через упоминание двух «держав» – князя и его наместника – явно воспроизводит ту же модель, что и наша надпись, с той разницей, что в ней «держжава» Мстислава названа княжением.

В «державе» Игната нам кажется наиболее вероятным видеть должность тысяцкого. Тысяча как объект боярского «держания», упоминается уже в статье 1089 г. «Повести временных лет»: «Священа

¹⁵² РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Т. В. *Древнерусские надписи на стенах храмов*, с. 130.

¹⁵³ ПЕЩАК, Марія М. (ed). *Грамоти XIV ст.* Київ 1974, с. 45, № 22.

¹⁵⁴ ШАБУЛЬДО, Феликс М. *Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского*. Киев 1987, с. 39.

бысть церкви печерская святыя Богородица манастыря Федосьева Ивановъ митрополитомъ <...>, при благовѣрномъ князи Всеволодѣ, <...> *воеводство держащу киевской тысящи Яневи*¹⁵⁵. В изложении событий первой трети XIII в. два аналогичных примера содержит Галицкая летопись. В обоих случаях речь идет о перемышльских тысяцких: «Ярунови же тогда *тысащю держащю* в Перемышшли, избѣже передь ними» [1213]; «Юрьеви тогда *тысащюу держащю*, переда Перемышль и бѣжа самъ ко Мъстиславоу» [1226]¹⁵⁶. Игнат, по всей вероятности, был галицким тысяцким при Мстиславе Мстиславиче.

Составить представление о ситуации, в которой «лях» мог быть привлечен к ответу за долг плотников, позволяет датированное 1386–1418 гг. письмо перемышльского судьи Костько польскому королю Владиславу о сборе податей в Перемышльской волости, где среди прочего читаем: «На домъ на медицкии [находящийся в с. Медыка под Перемышлем] приехалъ клепахъ [кузнец] на стго Якуба днь, лежалъ призирая тоѣ работы. Коли имѣлъ 8 теслъ [плотников] на недѣ(л), а коли 6 теслъ. А то на каждую недѣлю каждому теслѣ давалъ по 7 грош широкоихъ и ющи к тому истраву всѣмъ дава(л), и юсти и пити, а то все куповано твоими пѣназми. Взалъ оу мене клепахъ 18 гривень лацкихъ»¹⁵⁷. Кузнец, контролировавший работу плотников и оплачивавший их работу из выданных ему королевских денег, осуществлял, как можно думать, ту же функцию, что и «лях» нашего документа.

Комментария требует термин «выкладное». Трактовка его Т. В. Рождественской исходит из представления, что Лях, привлеченный к суду за вину плотников, заплатил требуемую с него сумму долга, и таким образом конфликт был исчерпан. Но формулировка «искали ... и не нашли» предполагает иное – что иск к Ляху не был удовлетворен и предъявленное обвинение было признано необоснованным. Поэтому под «выкладным» следует, по-видимому, понимать судебную пошлину, выплачиваемую ответчиком при его оправдании. Существование такой пошлины могло бы показаться странным, но оно подтверждается украинскими грамотами XV в., в которых такая выплата упоминается как *помочное*. Так, грамота 1428 г., выданная Мику Дедошицкому и подтверждающая его права на поле и дубраву Сяхову, оспоренные Дмитрием Даниловичем, констатирует: «Микъ Дѣдошицкии правъ ѿ поле и дуброву Сяхово, и *помочное да(л)*, а мы есмо на потвержение

---

¹⁵⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 199.

¹⁵⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 733, 748.

¹⁵⁷ *Грамоти XIV ст.* с. 72, № 38.

тои рѣчи дали свои ли(с) пану Микови Дѣдошицкому и печать свою привѣсили к тому то листу»¹⁵⁸. Ср. похожие клаузулы в других актах того же времени: «и оузали есмы на Янѣ Бѣлецкомъ помочное»¹⁵⁹; «пан Юрьи пра(в) в своихъ границахъ и помочное да(л)»¹⁶⁰. В судной грамоте 1404 г. галицких епископов и бояр по спору между королем Ягеллом и Ядвигой Пелецкой из-за города Тычина и Залесской волости аналогичная формулировка содержит ссылку на местный обычай: «и на большю крѣпость нашего всуженїа *помочное взяли есмы* оу крола подлугъ нашей земли *вбычаа*»¹⁶¹. Тождественность «помочного» этих документов и «выкладного» галицкого акта Мстислава представляется высоковероятной¹⁶².

Приведем текст надписи с современной пунктуацией и перевод:

Въ кнѣжїи Мѣстиславле, въ дережаву Игнатѣву искали Лаха въ плотеники и не нашли; выкладеноє даль.

А тому послуси попове сѣго Пантелѣмона: Лазорь, Семьюнъ, Матѣи, Стефан(ъ), Димитръ, Бгдань.

А коназъ судиль не искати никому(же). (А) [и]же са вслушають ...

Перевод: 'В княжение Мстислава, в управление Игната был иск к Ляху из-за плотников, и не нашли [вины]; [Лях] уплатил «выкладное».

А тому свидетели – попы святого Пантелеймона: Лазарь, Семьон, Матей, Стефан, Димитр, Богдан'.

А князь постановил: [более] никому иска не предъявлять. А кто ослушается, ...'

---

¹⁵⁸ РОЗОВ, Володимі́р. *Українські грамоти. Том перший. XIV в. и перша половина XV в.* Київ 1928, с. 111, № 60.

¹⁵⁹ Там же, с. 94, № 51.

¹⁶⁰ Там же, с. 96, № 52.

¹⁶¹ Там же, с. 70. № 38.

¹⁶² Обозначение данной выплаты словом *выкладное* может опираться на то специальное значение глагола *выложить* которое (в сочетании *выложить въ свободу*) выступает в следующем контексте из статьи Новгородской 1-й летописи (1196 г.): «и взяша миръ межи собою, а Новгородъ выложиша вси князи въ свободу: где имъ любо, ту же собе князя поймають» (НАСОНОВ, А. Н. (ed.) *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, с. 43).

II

Надпись о Ляхе и плотниках – не единственный текст актового характера, сохранившийся на стенах церкви св. Пантелеймона. Опубликованная в 1996 г. статья Володимира С. Вуйцька содержит указание на наличие внутри храма еще двух многострочных кириллических надписей XIII в. Фотография одной из них, находящейся на северной стене и насчитывающей 11 строк, приведена в статье без попытки прочтения; сказано лишь, что надпись «имеет значительные утраты и повреждения, но некоторые буквы читаются хорошо»¹⁶³.

Про вторую надпись В. Вуйчик сообщает следующее: «Другий напис, з 9 рядків, виконано на західній стіні ліворуч від головного порталу, на третьому блоці знизу. Права верхня частина блоку відломана. Як і попередні, він виконаний рильцем. У першому рядку читається слово **ДАНИИЛ**, у третьому – **СОЦКОМ ИМЪА КОПИ**, у шостому – **СЛУСИ КОЛАМАНА**, в сьомому – **БОРЗА ТАСОЦКИИ**, у восьмому – ім'я **РАДОСЛАВ**. Судячи з цього, цей напис має літописний характер і його можна датувати між 1216–1221 рр., тобто часом панування у Галичі угорського королевича Коломана»¹⁶⁴.

В сентябре 2008 г., во время однодневной поездки в Галич, предпринятой совместно с Олегом Михайловичем Иоаннисяном, мы имели возможность познакомиться с надписями *de visu* и сфотографировать их (к сожалению, без необходимого для съемки граффити освещения). Этого знакомства было достаточно, чтобы убедиться в том, что обе упомянутые В. Вуйцьком надписи представляют собой такие же акты, как и надпись на внешней стене церкви, опубликованная Й. Пеленьским. Еще одна надпись, состоящая из 9 строк и, очевидно, также имеющая актовый характер, была обнаружена на западной стене внутри храма, к северу от главного входа.

Не располагая временем и оборудованием, необходимыми для качественной фиксации граффити, мы с О. М. Иоаннисяном вынуждены были отложить ее до следующей поездки, которая, к сожалению, пока не состоялась. Однако и на основе сделанных тогда несовершенных фотографий оказалось возможным достичь некоторого прогресса в прочтении двух из трех названных выше текстов. Наиболее значительным этот прогресс оказался для надписи на западной стене, находящейся

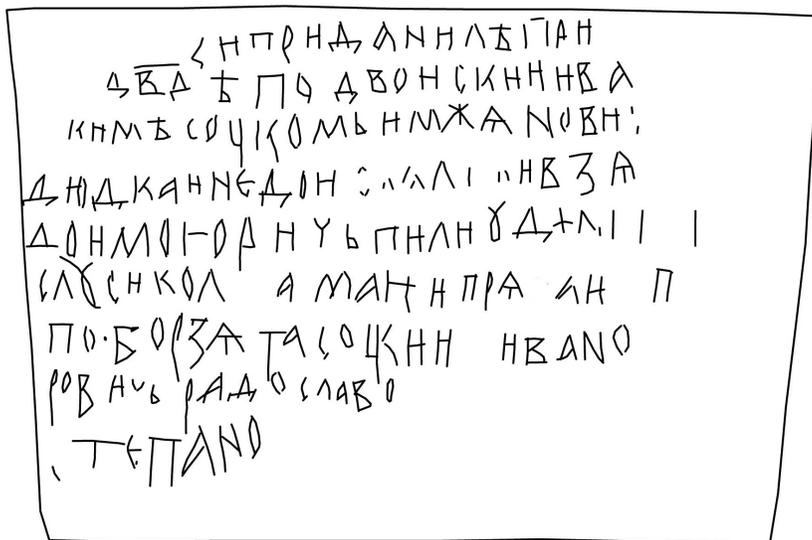
¹⁶³ ВУЙЦИК, Володимир С. Графіті XIII–XIV століть церкви святого Пантелеймона в Галичі. *Записки наукового товариства імені Т. Г. Шевченка*. 1996, 231, с. 189–194.

¹⁶⁴ Там же.

к югу от главного входа¹⁶⁵. Ее предварительное прочтение и комментариев к нему приводятся ниже.

Из составляющих надпись девяти строк полностью утрачены буквы в начале строк с 1-й по 3-ю, а также окончания всех строк.

С учетом длины строк, колебавшейся в пределах 25–29 букв, по имеющимся фотографиям удастся разобрать примерно две трети от общего объема текста.

¹⁶⁵ В надписи на западной стене к северу от входа не удастся пока уверенно прочесть ни одного слова. В надписи на северной стене прочитываются следующие фрагменты текста (большая часть из них читается и по фотографии у В. С. Вуйцика): ... | ... славив- федоров- ... | ...ати дакиловичь [а]ково извъ... | ... (фе)доръ... | ... (коу) зма тивоун- ... | ... васил... | ... (оста)фъичъ федоро... |ю-и -- Федоръ ослоуш...|а-а ми[х]даль григоревъ тивоун... |ны даль кнѣ ѿ далило старецъ црк--- ринъичии. Актовый характер текста выясняется из этих фрагментов с полной определенностью. Центральным персонажем документа выступает Федор, чье имя прочитывается четыре раза. Дважды упоминаются тиуны, в которых, судя по фрагменту ми[х]даль григоревъ тивоун следует видеть боярских слуг. Характерна формула Федоръ ослоуш(аеть ся), переключающаяся с аналогичной формулой в акте Мстислава Мстиславича. В конце можно предполагать сочетание 'церковный ризничий' (если считать, что первое и написано вместо з).

Без конъектур и с неполным разделением на слова прочитанное выглядит так:

----зи при данилѣ при ...
---[Д]ѢДѢ подвоиский ива...
-кимѣ соцкомѣ имжанови...
дюдка и не доиск---- и вз[А]...
до и могоричъ пили 8 д-[Д]ин...
слѣси кол-ама-ипра-а...
по борзата соцкии ивано ...
ровичъ радославо д...
[с]тепано по сто п...

Большинство утрат в первой половине документа удастся восстановить. В начале надписи уверенно реконструируется: (*При кна*)зи при *Данилѣ, при* ----- (*при*) *Дѣдѣ*. Эта парная формула демонстрирует очевидный параллелизм с началом акта Мстислава Мстиславича: *Въ кнѣженѣ Мьстиславле, въ дережзаву Игнатѣву*.

В конце первой строки утрачены 8–9 букв, что, с учетом сказанного выше о «державе» Игната, делает наиболее вероятной реконструкцию: *при (тысацкомѣ)*.

Далее реконструируется: *подвоиский Ива(но¹⁶⁶ при) |(А)кимѣ соцкомѣ Имжанови[ч](и)*.

Далее, по смыслу и с опорой на параллельную конструкцию в акте Мстислава (*искали... и не нашли*) восстанавливается: (*искало*)| *Дюдка и не доиск(алося)*.

Наконец, как параллель к *выкладное даль* акта Мстислава реконструируется: *и вз(ло выкла)до*.

Следующая фраза сообщала, где был выпит магарыч, то есть совершена скрепившая акт ритуальная трапеза. В украинских грамотах XIV в. слово употребляется в составе одинаковых формул: *а питъ могоричъ оу Быбицкого оу дому за копу гроший* (1359 г.)¹⁶⁷, *а питъ моричъ (!) в Олеша оу дому за поль гривны грошовъ* (1378 г.)¹⁶⁸. В нашем тексте слова *в дому* отсутствовали: перед словом (*но*)|*слуси*, которое начиналось в конце строки, для него не остается места. Имя того, у кого пили магарыч, пока уверенно прочесть не удается. Надежно читаются буквы

¹⁶⁶ Реконструкция слова с *о* на конце обусловлена тем, что в надписи, судя по сохранившемуся тексту, был последовательно проведен графический эффект $\bar{y} \rightarrow o$.

¹⁶⁷ *Грамоти XIV ст*, с. 33. № 16.

¹⁶⁸ *Грамоти XIV ст*, с. 56. № 27.

8 Д--ин... Буква перед *н*, возможно, – *д*. Если это так, то магарыч, скорее всего, пили в доме оправданного судом ответчика, который выше фигурирует как Дюдко. Какая конкретно форма имени была здесь употреблена и как вводилось перечисление послухов, неясно. Мыслимы, в частности, варианты: ... 8 Д[юд]и. Н(а то по)слуци ...; 8 Д[юд]ин(ичь. А по)слуци ...

Имена лиц, названных первыми в списке послухов, пока не беремся интерпретировать: последовательность **кол-амл-ипра-а** может члениться по-разному, в зависимости от идентификации букв, обозначенных пропусками, которые на наших фотографиях читаются плохо (заметим также, что третья буква в этой последовательности может быть не *л*, а *м*). Далее, по-видимому, упоминались: поп Борзята, сотский Иван ...рович (Федорович? Петрович? Никифорович?), Радослав ..., Степан .... От интерпретации окончаний восьмой и девятой строк также воздержимся до получения качественных фотографий.

Все сказанное позволяет предложить следующую предварительную реконструкцию текста надписи (для окончания пятой строки условно используем один из приведенных выше вариантов):

(При кнѣзи при Данилѣ, при (тысяцкомъ |при) [Д]ѣдѣ подвоискии Ива(но при) |(А)кимѣ соцкомѣ Имжанови[ч](и |искало) Дюдка, и не доиск(ало са), и вз[А](ло выкла)|до, и могоричъ пили 8 Д[юд]и. Н(а то по)|слѣси: ... (по)|по Борзата, соцкии Ивано ...|ровичъ, Радославо ... , (С)тепано ...

Перед нами, вне всякого сомнения, галицкий акт времени княжения Даниила Романовича. Можно высказать предположение и о личности Давыда, выполняющего при Данииле роль, аналогичную той, какую при Мстиславе выполнял Игнат. Вполне вероятной представляется идентификация его с Давыдом Вышатичем, который в 1232 г. был направлен из Галича Даниилом оборонять от венгров, приведенных «крамольным» боярином Судиславом, город Ярославль и в конце концов сдал его по наущению своей тещи, «верной» Судиславу и, вероятно, состоявшей с ним в родстве¹⁶⁹. Излагая эту историю, галицкий летописец не осуждает Давыда, с пониманием относясь к его вынужденному поступку. Это позволяет думать, что и после утверждения Даниила в Галиче Давыд Вышатич продолжал выполнять в его окружении какую-то заметную

¹⁶⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 765. См. о нем: JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów*, s. 116–118; СТЕФАНОВИЧ, П. С. «Верность» в отношениях князя и дружины на Руси в XI–XIII вв., с. 79.

роль. Ею вполне могла быть роль галицкого тысяцкого, в которой, как мы предположили, выступает Давыд нашего акта.

Кроме князя и, вероятно, тысяцкого, надпись упоминает носителей еще двух административных функций – подвойского и сотского. Особенно информативным оказывается упоминание первого. В отличие от известных до сих пор контекстов, в которых подвойские выполняют ту же роль, что и биричи, донося до народа объявления властей или же, наряду с дворянами, вызывая ответчика в суд¹⁷⁰, в нашем акте подвойский сам выступает в роли судьи. Судебный иск он ведет «при сотском», то есть, очевидно, вместе с ним, в его присутствии (восстанавливаемый – как кажется, безальтернативно – предлог *при* выступает здесь не в том значении, какое он имеет в первых двух употреблениях, где *при* указывает на время издания акта).

Значительный интерес представляет отчество сотского Якима – *Имжанович*. Имя *Имжан* – несомненно, восточное. Поиск в Интернете обнаруживает довольно много его носителей среди народов Средней Азии. Скорее всего, это мусульманское имя, сокращенная форма от *Алим(д)жан* (консультация Анны В. Дыбо). Наличие такого отчества у галицкого сотского середины XIII в. может объясняться по-разному. С одной стороны, отец Якима Имжановича мог быть этническим тюрком, принявшим мусульманство, а сын его – состоять на службе у Даниила Романовича вместе с такими выходцами из кочевого мира, как несомненный половец Актай, упоминаемый в связи с событиями 1243 г.¹⁷¹ Нельзя, однако, исключать и другой возможности: сотский Яким Имжанович мог быть представителем монгольской администрации, то есть татарским сотником. Допуская это, правда, мы должны будем предположить значительно более глубокую, чем принято считать, степень проникновения монголов в социально-политическую организацию Галицко-Волынской Руси середины XIII в. Но следует учитывать, что Галицко-Волынская летопись, на которой базируется традиционное представление об обществе Галицкой Руси, – источник столь же замечательный в литературном отношении, сколь и тенденциозный. Приуменшить степень монгольского влияния на жизнь княжества было, безусловно, в интересах Даниила Романовича. В этом смысле мы вправе ожидать сюрпризов от единственного дошедшего до нас подлинного акта этого времени, каковым и является публикуемая надпись.

---

¹⁷⁰ См.: СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 2, с. 1053; *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, Т. 6. Москва 2000, с. 546.

¹⁷¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 794: «прибѣже к нему Полочинь его именемъ Актай».

Заметим, что имя ответчика – *Дюдко* содержит нехарактерный для восточнославянской фонетики слог [d'ю], позволяющий с известной вероятностью допускать иноязычный источник и для этого антропонима. Правда, прямая необходимость в этом отсутствует: имя может иметь и звукоподражательное происхождение, ср. укр. *дюдя* ‘мороз, холодно’ (из детской речи, с уменьшительными формами *дюдька*, *дюдінька*)¹⁷² и русск. диал. *дюдя* ‘дедушка, дядя’¹⁷³. Но нужно вспомнить и татарского царевича Дюденя («Дюденева рать» 1293 г.), чье летописное имя считается передачей монгольск. *Tudan*¹⁷⁴. Соседство с заведомо неславянским отчеством Якима Имжановича, привлеченного вместе с подвойским Иваном к рассмотрению иска, может быть и неслучайным. Допустимо задаться вопросом: не имеем ли мы дело со своего рода «арбитражем», созданным для рассмотрения иска, в котором истец и ответчик представляли разные общества?¹⁷⁵

Примечательно, что и в акте Мстислава Мстиславича, который – что весьма характерно – посвящен аналогичному казусу, имя ответчика – *Лях* – также выделяется на общем антропонимическом фоне документа своей «этнической» окрашенностью. Хотя имена-прозвища типа *Лях*, *Грьчин*, *Чудин* совсем не обязательно предполагают происхождение их носителей из соответствующих этносов, в данном случае это кажется вполне вероятным. Не этой ли этнической чуждостью ответчика мест-

---

¹⁷² ГРИНЧЕНКО, Борис Д. *Словарь української мови*. Т. 1. Київ 1958, с. 461.

¹⁷³ ФИЛИН Федот. П. (ed.). *Словарь русских народных говоров*. Вып. 8. Ленинград 1972, с. 301.

¹⁷⁴ ВЕСЕЛОВСКИЙ, Николай И. Заметки по истории Золотой Орды. *Известия ОРЯС*. 1916, 21, с. 1–10.

¹⁷⁵ Как на параллель, свидетельствующую о существовании подобной практики на территории Золотой Орды в XIV в., сошлемся на следующий пассаж из ярлыка хана Джанибека венецианским купцам Азова 1342 г.: «Также, если случится, что кто-либо из наших подданных затеет ссору с венецианцем, нанесет ему обиду или же, напротив, поступят какие-либо жалобы на венецианцев от наших людей, пусть тогда правитель Азова и венецианский на совместном заседании установят, внимательно взвесят и разрешат все вышеизложенные жалобы, обиды и оскорбления с тем, чтобы не был нанесен ущерб ни отцу за сына, ни сыну за отца» (ГРИГОРЬЕВ, Аркадий П. – ГРИГОРЬЕВ, Вадим П. *Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции*. Санкт-Петербург 2002, с. 73). Современный исследователь золотоордынского права, характеризующий деятельность этого «международного судебного органа», классифицирует его как «арбитраж ad hoc, поскольку <...>его участники собирались для рассмотрения именно конкретных случаев, а не заседали постоянно». Отмечается также, что «в данном случае мы сталкиваемся с характерным и для современного международного права принципом подведомственности по принципу гражданства (подданства) ответчика» (ПОЧЕКАЕВ, Роман Ю. Суд и правосудие в Золотой Орде. *Правоведение*. 2004, 2, с. 223–224).

ному галицкому обществу, было обусловлено оформление обоих актов в виде надписи, высеченной на стене церкви?

С восточным антропонимическим компонентом акта Даниила невозможно не связать древнейшую фиксацию в нем термина *могоричь*, по меньшей мере на столетие опережающую приведенные выше примеры из украинских грамот второй половины XIV в.¹⁷⁶ Как известно, данное слово было заимствовано в древнерусский язык из арабского (*maḥārīḡ* ‘расходы, издержки’) – как считается, при тюркском посредстве¹⁷⁷. В памятниках XIV в. оно используется уже как устоявшийся термин, вне всякой связи с той первоначальной средой, в какой могло быть сделано это заимствование. Очевидно, однако, что сделано оно могло быть лишь в условиях взаимодействия юридических практик различного этнического происхождения. Носителями традиции, из которой в правовой обиход Юго-Западной Руси была заимствована сама реалья и обозначающее ее арабское слово, как раз и могли быть люди типа сотского Якима Имжановича.

Произошел ли этот контакт еще в домонгольское время или же в первые десятилетия монгольского владычества над Русью, сказать затруднительно: княжение Даниила Романовича, которым датирован наш акт, находится на стыке двух исторических эпох, и в какой из его периодов была сделана надпись, точно установить невозможно.

Так или иначе, две надписи из церкви св. Пантелеймона, рассмотренные в данной статье, представляют собой уникальные памятники актовой письменности Галицкой Руси, лежащие у самых ее истоков. Тот факт, что этот исток имеет форму надписей, высеченных на стенах храма, в высшей степени примечателен. Следует ли объяснять его тем, что в отсутствии развитой канцелярской традиции каменный храм брал на себя функции публичного архива? (В этом смысле определение Й. Пеленьским эпиграфического комплекса церкви св. Пантелеймона как «каменного архива» перестает быть метафорическим). Или же все дело в том, пергаменные акты этого времени просто не дошли до нас, а высеченные в камне – уцелели? Оба объяснения будут по-своему справедливы. С одной стороны, не приходится сомневаться в том, что начатки актовой документации на пергамене существовали в Юго-Западной Руси задолго до времени, к которому относятся первые ее сохранившиеся образцы. С другой стороны, отсутствие в XIV в. и в бо-

¹⁷⁶ Об этом ритуале см.: ГРУША, Аляксандр. Могорич и завод как традиционные процедуры утверждения частных договоров в Великом Княжестве Литовском. *Oriens aliter. Časopis pro kulturu a dějiny střední a východní Evropy*, 2014, 1, s. 11–20.

¹⁷⁷ ФАСМЕР, Макс. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 2. Москва 1987, с. 635.

лее позднюю эпоху памятников «каменного делопроизводства», аналогичных галицким надписям (и в то же время – наличие у них прямого аналога в виде надписи о покупке Бояновой земли из Софии Киевской XII в.), показывает, что мы имеем дело с временным явлением, сопутствующим формированию бюрократической традиции и отмирающим по мере достижения ею зрелости. Правомерно также задаваться вопросом: какие именно публичные акты и почему фиксировались таким образом в эту переходную эпоху? Содержательное и формулярное сходство актов Мстислава Мстиславича и Даниила Романовича в этом отношении очень показательны, и, как мы видели, определенные основания для их особого оформления могут быть указаны. Возможно, более полное прочтение двух других актов, сохранившихся на стенах церкви св. Пантелеймона, прольет дополнительный свет на данный вопрос.

Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями

Ирина Сергеевна Юрьева

Данная глава посвящена языковым различиям между двумя частями Галицко-Волынской летописи – условно «галицкой» (далее ГЛ) и условно «волынской» (далее ВЛ).

Для определения точной границы между ГЛ и ВЛ необходимо совместить три подхода: исторический, текстологический и лингвистический. Чисто исторический подход не даёт окончательного решения: так, по М. С. Грушевскому¹⁷⁸, ГЛ заканчивается рассказом о событиях 1255 г., по Л. В. Черепнину, последняя статья ГЛ – статья за 1260 г.¹⁷⁹ (то есть, учитывая смещение годовой сетки на пять лет из-за автоматической датировки при присоединении к Киевской летописи, это тоже события вокруг 1255 г.); та же датировка и у А. Н. Ужанкова¹⁸⁰. В работе И. П. Еремина¹⁸¹ началом Волынской летописи считается статья за 1259 г. Согласно В. Т. Пашуто, Галицкая летопись доходит до 1263 г.¹⁸²

Текстологический анализ Галицко-Волынской летописи даёт иные результаты и отодвигает границу дальше – до событий, датированных 1265 г., потому что именно до этой статьи включительно в летописи встречаются цитаты из компилятивного хронографа, в котором содержится *Хроника* Иоанна Малалы, библейские книги, *Александрия*, *Хроника* Георгия Амартола, *История иудейской войны* Иосифа Флавия¹⁸³. Позже этой статьи новых цитат из хронографа нет – только повторяющиеся, которые могли быть заимствованы из предыдущего текста.

---

¹⁷⁸ ГРУШЕВЬСКИЙ, Михайло С. *Історія української літератури*. Т. 3. Київ 1993.

¹⁷⁹ ЧЕРЕПНИН, Л. В. Летописец Даниила Галицкого, с. 230.

¹⁸⁰ УЖАНКОВ, Александр Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания. In: ДЕМИН, Анатолий С. (ed.). *Герменевтика древнерусской литературы*, т. 1. Москва 1989, с. 281–282.

¹⁸¹ ЕРЕМИН, Игорь П. Волынская летопись 1289–1290 гг. *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1957, 13, с. 102–117.

¹⁸² ПАШУТО, В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, с. 92.

¹⁸³ ОРЛОВ, Александр С. К вопросу об Ипатьевской летописи. *Известия ОРЯС Академии наук*. 1926, 13, с. 103–123.

В лингвистических работах, посвященных Галицко-Волынской летописи или учитывающих её в исследовании, отмечаются резкие различия между галицкой и волынской её частями, а в качестве границы между ГЛ и ВЛ указаны статьи за 1260 и 1261 гг.¹⁸⁴

Если учитывать все вышеприведённые данные, можно заключить, что именно со статьи 1261 г. начинается активное редактирование окончания Галицкой летописи (записи с 1261 по 1265 г.) волыньским редактором. Яркие особенности статьи за 1261 г., такие как, например, 15 инфинитивных *начати*-конструкций при 14 во всём предыдущем тексте, 8 глаголов на *роз-* (до 1261 г. их всего 10) и под.¹⁸⁵ говорят о том, что с точки зрения языка необходимо разделить Галицко-Волынскую летопись на ГЛ (1201–1260 гг.) и ВЛ (1261–1292 гг.), и именно так граница между летописями проводится в данной работе.

Анализ лингвистических параметров ГЛ и ВЛ даёт представление и об их стилистических различиях. Для сравнения привлекаются данные других древнерусских летописей: книжной и включающей в себя многие архаичные элементы *Повести временных лет* (по Ипатьевскому списку – далее ПВЛ), Новгородской Первой летописи старшего извода по Синодальному списку (далее НПЛ), в которой – хотя и в различных её частях в неодинаковом соотношении – встречаются «новгородизмы»¹⁸⁶, Киевской летописи по Ипатьевскому списку (далее КЛ), существенная часть которой (прямая речь светских лиц) очень близка живому языку¹⁸⁷ и Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку (далее СЛ).

Как уже отмечалось в научной литературе, первая часть Галицко-Волынской летописи до статьи 1261 г. характеризуется ориентацией на высокие книжные образцы, а повествование ВЛ гораздо более свободно включает в себя элементы живой речи.¹⁸⁸ Эти противоположные установки летописцев очень заметны на уровне грамматики.

---

¹⁸⁴ ГЕНСЬОРСКИЙ, Антін І. *Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості)*. Київ 1961, с. 9–10; ВОРТ, Дин. К проблеме датировки Галицко-Волынской летописи. In: ВОРТ, Дин. *Очерки по русской филологии*. Москва 2006, с. 267; ШЕВЕЛЕВА, Мария Н. Вторичные имперфективы с суффиксом -ива/-ива- в летописях XII–XVI вв. *Русский язык в научном освещении*. 2010, 20, с. 216.

¹⁸⁵ ЮРЬЕВА, И. С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи, с. 137.

¹⁸⁶ ЗАЛИЗНЯК, Андрей А. *Древненовгородский диалект*. Москва 2004, с. 12.

¹⁸⁷ ЗАЛИЗНЯК, Андрей А. *«Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста*. Москва 2008, с. 55.

¹⁸⁸ ГЕНСЬОРСКИЙ, Антін І. *Галицько-Волинський літопис*, с. 46–50; 111; 112; 154; 240–241; 262 и др.

1.0. Существенные различия между ГЛ и ВЛ наблюдаются в глагольной системе, в частности, в системе прошедших времён. Представим данные в виде таблицы.

Таблица 1. Система прошедших времён

			ГЛ	ВЛ	ПВЛ	НПЛ	КЛ	СЛ
Аорист	всего		2015 (83%)	1091 (67%)	4320 (80%)	3325 (91%)	5933 (74%)	3807 (84%)
Перфект	всего		63 (3%)	149 (9%)	275 (5%)	109 (3%)	779 (10%)	222 (5%)
	+ связка	1 л.	3	36	20	12	137	16
		2 л.	10	21	51	19	181	34
		3 л.	23	0	124	6	40	20
	б/связки	1 л.	3 (50%)	9 (20%)	5 (20%)	4 (25%)	27 (17%)	5 (23%)
		2 л.	0	7 (25%)	1 (2%)	1 (5%)	8 (4%)	3 (8%)
		3 л.	24 (51%)	76 (100%)	75 (38%)	67 (92%)	386 (90%)	144 (88%)
Плюскв.	всего		76 (3%)	53 (3%)	64 (1%)	56 (2%)	263 (3%)	127 (3%)
	«русский»		0	3 (6%)	0	2 (4%)	18 (7%)	4 (3%)
Имперфект	всего		247 (10%)	236 (14%)	628 (12%)	108 (3%)	769 (10%)	292 (7%)
	нестяж.		25 (9%)	3 (0,4%)	0	0	0	0
<i>Начати</i> + инф.	всего		13 (0,5%)	108 (7%)	171 (3%)	48 (1%)	233 (3%)	70 (2%)

При подсчёте аористов исключены формы от *начати* (*почати*): они приводятся отдельно – и употребления в составе сложных форм.

В скобках в строках «всего» после количества форм прошедшего времени указан процент от общего числа претеритов. Для перфекта, имперфекта и плюсквамперфекта также дополнительно отмечен относительный процент соответственно форм без связки, нестяжённых форм и прошедшего сверхсложного (так называемого «русского плюсквамперфекта») в соответствующих строках.

1.1. Самая высокая частота употребления во всех памятниках сохраняется у аориста – основной повествовательной формы летописного текста; наиболее низкий процент его использования – в ВЛ (67%). Это меньше, чем даже в КЛ (74%), повествование которой в целом из всех летописей, взятых для сопоставления, наиболее близко живому языку. Таким образом, несмотря на то, что аорист остаётся самым частотным претеритом в ВЛ, он употреблён существенно реже по сравнению с другими летописными памятниками и уже уступает часть своих традиционных контекстов живым древнерусским формам прошедшего времени.

1.2. Как видно из таблицы, ГЛ и ВЛ резко различаются по употреблению перфекта (соответственно 3% и 9% от общего числа претеритов). В ГЛ эта живая глагольная форма используется крайне редко. Такой низкий процент даёт ещё только НПЛ, повествование которой – по большей части простая фиксация событий – строится практически из одних аористов. Если взять неокруглённые результаты, то даже и в НПЛ в процентном соотношении всё же несколько больше перфектов – 2,9% при 2,6% ГЛ.

Всё это позволяет предполагать намеренное избегание галицким летописцем древнерусских форм с целью сделать повествование более престижным.

В ВЛ, напротив, перфект активно используется. Как и в случае с аористом, процент перфектов ВЛ (9%) ближе всего к КЛ (10%), и это свидетельствует в пользу того, что волинский повествователь достаточно свободно впускает в свой текст живую форму.

1.2.1. В галицкой и волинской частях Галицко-Волинской летописи различается также употребление форм перфекта со связкой и без связки, особенно в третьем лице: в живом древнерусском языке в третьем лице перфекта связки не было¹⁸⁹.

Распределение форм 3 л. со связкой и без связки в ГЛ (51%) похоже на их соотношение в ПВЛ (38%), при том что в остальных летописях, более ранних по сравнению с Галицкой, употребляются уже практически исключительно формы без связки, – то есть заведомо архаизировано. Соответственно, ГЛ вновь даёт картину более престижного текста по сравнению с ожидаемым.

---

¹⁸⁹ Ср.: ХАБУРГАЕВ, Георгий А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке. *Вестник МГУ, сер. 9. Филология.* 1978, 2, с. 42–53; ШЕВЕЛЕВА, Мария Н. Судьба форм презенса глагола БЫТИ по данным древнерусских памятников. *Вестник МГУ, сер. 9. Филология.* 2002, 5, с. 61.

ВЛ по употреблению форм перфекта без связки похожа на НПЛ, КЛ и СЛ, но если в этих памятниках некоторое количество форм наподобие *пришьль есть* всё же встречается, то волынский летописец вовсе не использует в третьем лице форм со связкой, отражая древнерусский узус.

1.3. Что касается распределения форм плюсквамперфекта, то и в этом отношении ГЛ оказывается похожа на ПВЛ. В ГЛ всего 76 плюсквамперфектов, но при этом ни разу не зафиксировано «русского плюсквамперфекта» – та же картина наблюдается в ПВЛ, где не встречается ни одного употребления живой сверхсложной формы на 64 церковнославянских. Остальные привлекаемые для сравнения летописи совпадают с ВЛ, причём наиболее близка ВЛ здесь к не книжной КЛ.

1.4. Из 247 форм имперфекта в ГЛ 25 (9%) представлены в нестяжённой форме: *спѣашеть* (л. 248 об.), *имѣахоу/имѣахоу* (лл. 245 об., 265, 267, 274 об.) и 18 форм глагола *быти*: *бѣаше* (лл. 254 об., 261, 265, 266, 267), *бѣашеть* (л. 258), *блѣашеть* (л. 262), *бѣаста* (л. 246), *бѣаста* (л. 262), *бѣахоу* (лл. 251 об. х2, 252, 257, 258, 260 об., 265, 271 об., 277 об., 279), *бѣахоуть* (л. 252). В ПВЛ, НПЛ, КЛ и СЛ нет ни одной нестяжённой формы имперфекта, то есть в ГЛ мы снова имеем дело со стремлением соблюсти высокие книжные стандарты. Интересно, что и в ВЛ трижды встречается нестяжённый имперфект, но уже с лексическими ограничениями – только от инфинитива *быти*: *бѣаше* (л. 304), *бѣашеть* (л. 288 об.), *бѣахоу* (л. 287). По всей вероятности, причиной употребления в ВЛ нестяжённых форм – как и повторения цитат из хронографа – служит, в свою очередь, ориентация уже на ГЛ.

1.5. ГЛ и ВЛ заметно различаются по степени представленности в них инфинитивных конструкций с глаголом *начати* (*почати*). Такие конструкции имеют значение ‘(с данного момента времени) ситуация (обозначенная инфинитивом) начнёт/начала существовать’, например: (3) «А иже изломить копье, любо щить, любо портъ, а *начеть хотѣти* (*захочет*/ ‘станет хотеть’) его деръжати оу себе, то приати скота оу него...» (РП, ст. 17); (4) «видивъ бо Лестько се. и *поча имѣти* любовь великоу (*стал проявлять большую приязнь*). ко кнзю Данилоу» (ГЛ, л. 248 об., под 1211 г.); (5) «Въ прежерченем же лѣтъ Миндовгова оубитьа. бы(с) свадьба оу Романа кнзѣа. оу Браньского. и *нача ѿдавати* (‘стал выдавать’) милоую свою дочерь именемъ СѢлгоу. за Володимера кнзѣа снѣа Василкова внука великаго кнзѣа Рома(н) Галичкаго» (ВЛ, л. 287, под 1264 г.).

Начьноу-конструкции характерны для восточнославянских памятников письменности, в источниках южнославянского происхождения их крайне мало¹⁹⁰. Среди же собственно восточнославянских памятников именно в летописных текстах представлено наибольшее количество *начьноу*-оборотов с инфинитивом¹⁹¹. Абсолютное большинство таких конструкций – с претеритами: так, например, в НПЛ нет ни одного оборота с презенсом при 108 претеритных, в ПВЛ оборотов с презенсом и претеритами соответственно 20 и 171, в КЛ 6 и 233, в СЛ 2 и 70. Что касается самой формы претерита, то как правило, это аорист. С имперфектом и перфектом зафиксированы единичные примеры (из всех летописей, взятых здесь в качестве примера, с имперфектом отмечены два случая в ПВЛ, с перфектом – по одному примеру в ПВЛ, НПЛ, КЛ и СЛ).

Как показывают данные летописей, можно считать, что конструкции «(претерит) *начати* + инфинитив» встроены в систему прошедших времён – возможно, на месте исчезнувшего в живом языке имперфекта.

«*Начати* (*почати*) + инфинитив» с претеритами зафиксированы в ГЛ всего 13 раз, при том что в меньшей по объёму почти в полтора раза ВЛ таких сочетаний 108. Если сравнивать даже чисто количественные показатели, ГЛ резко отличается от других древнерусских летописей: так, в ПВЛ *начати/почати* в претеритных формах с инфинитивом встречается 171 раз, в КЛ – 233 раза, в СЛ – 70, в НПЛ – 48. По отношению ко всем формам прошедших времён *начьноу/почьноу*-конструкции составляют в летописях, взятых для сравнения, от 1,5 до 3%: в ПВЛ 3,2%, в КЛ 3%, в СЛ – 1,5%, в НПЛ – 1,3%. По отношению к этим данным процент инфинитивных сочетаний с *начати/почати* в ГЛ необычайно мал (всего 0,5%), а в ВЛ – необычайно велик (6,6%).

Как было сказано выше, рассматриваемая инфинитивная конструкция с прошедшими временами в южнославянских памятниках, где имперфект и аорист являются живыми формами, практически не встречается. В древнерусских же летописях в разной степени отражается проникновение живых форм аналитического прошедшего с *начати* (*почати*). Таким образом, ГЛ демонстрирует скорее отталкивание от живых

¹⁹⁰ О редкости оборотов с презенсом см.: ВАЙАН, Андре. *Руководство по старославянскому языку*. Москва 2004, с. 377; BIRNBAUM, Henrik. *Untersuchungen zu den Zukunftsschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen*. Stockholm 1958, S. 194. О малочисленности конструкций с претеритами см. ПИЧХАДЗЕ, Анна А. *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*. Москва 2011, с. 346.

¹⁹¹ Ср.: ЮРЬЕВА, Ирина С. Инфинитивные конструкции с глаголом НАЧАТИ (ПОЧАТИ). In: *Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса (коллективная монография)*. (В печати).

конструкций и ориентацию на церковнославянские памятники, а в ВЛ, напротив, широко представлены живые древнерусские речевые обороты, причём намного больше, чем в некнижной и тоже южнорусской КЛ.

Анализ системы прошедших времён в ГЛ и ВЛ показывает, что летописец ГЛ следует высоким книжным стандартам и обеспечивает престижность тексту за счёт избегания древнерусских форм в пользу церковнославянских, в то время как волинский позволяет себе употреблять живые формы в среднем даже чаще, чем в других летописях.

2.0. Летописец ВЛ использует также глагольные обороты, которые вовсе не встречаются в других ранних летописях.

Между ГЛ и ВЛ наблюдается чёткое распределение инфинитивных сочетаний с *имамь* и *имоу*: в ГЛ используется только *имамь*, в ВЛ – только *иму*.

2.1. Что касается форм *имамь*, *имаши*, *имать...*, то во всех четырёх контекстах ГЛ это глагол в сочетании с инфинитивом имеет значение долженствования¹⁹², контексты – предсказания или клятвы, обычно насыщенные книжными цитатами¹⁹³, ср.: (5) «рекшю емоу яко не *имать встати(с)* градъ Галичь (*Галичу не выстоять*). нѣ(с) кто избавляа и ѿ роукоу моею» (под 1229 г., л. 257 об.); (6) нынѣ же клатвою кленоу ти(с). яко николи же. вражды с тобою *не имамь имѣти*» ([*ни за что*] *не стану враждовать с тобой* – под 1238 г., л. 264 об.). Подобные обороты были, по всей видимости, маркированно книжными¹⁹⁴. Они крайне немногочисленны в летописных текстах. Из летописей, приводимых для сравнения, конструкции «*имамь* + инфинитив» встречаются в КЛ, СЛ и НПЛ (в первых двух – по одному разу) и употребляются так же, как и в ГЛ: контексты с этими инфинитивными сочетаниями содержат во множестве другие книжные обороты, клише; типы контекстов, как и

¹⁹² Ср. об этом: ПОТЕБНЯ, Александр А. *Из записок по русской грамматике*, т. 1–2, Москва 1958, с. 356; МУСТАФИНА, Эльмира К. *Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»* (канд. дисс.). Душанбе 1984, с. 9; МУСТАФИНА, Эльмира К. – ХАБУРГАЕВ, Георгий А. Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имамь*, *хощу* и *могу* (на материале ПВЛ по спискам XIV–XVI вв.). *Вестник МГУ, сер. 9. Филология*. 1985, 2, с. 20–32; ЮРЬЕВА, Ирина С. Инфинитивные сочетания с глаголами ИМАМЬ и ИМОУ в древнерусских текстах. *Русский язык в научном освещении*. 2011, 22, с. 68–88.

¹⁹³ ЮРЬЕВА, И. С. Инфинитивные сочетания с глаголами ИМАМЬ и ИМОУ в древнерусских текстах, с. 72–74.

¹⁹⁴ Там же, с. 72.

в ГЛ, жёстко определены – клятвы или предсказания. В НПЛ как старшего, так и младшего изводов *имамь*-конструкции встречаются только во вставных текстах, в основном из ПВЛ, и, по всей видимости, вообще нехарактерны для новгородской зоны.

Галицкий летописец, как и во всех представленных выше случаях, ориентируется на высокие церковнославянские образцы.

2.2. Обороты «*имоу* + инфинитив» встречаются только в Волинской летописи. Контексты с *имоу* менее книжные по сравнению с записями, содержащими *имамь*-обороты, описываются обыденные ситуации, никаких специфических контекстных ограничений нет, что говорит об использовании в тексте летописи форм, свойственных именно живому языку¹⁹⁵, ср.: (7) «А кнагини моа. по моемъ животѣ. вже восхочеть в черничѣ поити поидеть. аже не восхочеть ити. а како еи любо. мнѣ не воставши смотреть что кто *иметь чинити (станет делать)*. по моемъ животе» (под 1283 г., л. 299 / 299 об.).

Вновь ГЛ и ВЛ представляют собою два противоположных полюса: в ГЛ фигурирует престижный оборот, ВЛ отдаёт предпочтение живой и, возможно, вообще недопустимой ранее в языке летописей разговорной форме.

3. В ГЛ и ВЛ по-разному оформлены конструкции «частица + индикатив» со значением долженствования.

Таблица 2. Конструкции «частица + индикатив» со значением долженствования

	ГЛ	ВЛ	ПВЛ	НПЛ	КЛ	СЛ
<i>да</i> + индикатив	45	5	186	7	37	38
<i>ать/оть/ато</i> + индикатив	0	6 (55%)	6 (3%)	3 (30%)	49 (57%)	10 (20%)

Как видно из представленных данных, в ГЛ употребляется только церковнославянская частица «да», причём даже в «бытовых» контекстах, например: (9) «Данило посла Костантина. рекомаго Положишила.

¹⁹⁵ О наличии в живом древнерусском языке *имоу*-оборотов см.: КУЗНЕЦОВ, Пётр С. *Историческая грамматика русского языка. Морфология*. Москва 2004, с. 255, а также ГУДКОВ, Владимир П. Параллель из истории форм будущего времени в сербскохорватском и русском языках. In: ГУДКОВ, Владимир П. *Исследование частных вопросов истории славянских языков*. Москва 2007, с. 21.

да побереть на нихъ дань» (под 1257 г., л. 279). В ВЛ из 11 конструкций в пяти (45%) употребляется частица «да», причём имеются ограничения на её использование – «да + индикатив» зафиксированы только в заведомо книжных контекстах: похвальных словах или молитвах – ср.: (10) «вѣтраси сонъ возведи вчи да видиши каковая та ч(с)ти Г(с)ь тамо спо(д)би» (под 1289 г., л. 304 об.). В остальных шести случаях (55%) употребляется «ать», ср.: (11) «Володимѣрь же... р(ч)е княгинѣ своей иди же повѣсти с нимъ. та вѣради и ать поѣдетъ прочь» (под 1287 г., л. 301).

ГЛ по отношению к приведённым оборотам отражает «крайнюю» степень книжности: даже в ПВЛ имеются 6 конструкций с «ать» (3%) на 186 примеров с «да».

В ВЛ соотношение книжных и живых конструкций ближе всего к КЛ. Как и в других рассмотренных ранее точках сопоставления двух частей Галицко-Волынской летописи, из всех сравниваемых текстов ГЛ и ВЛ максимально несхожи между собою.

4.0. Общий вектор деятельности галицкого и волынского книжников хорошо виден также на примере использования причастий.

Таблица 3. Особенности употребления причастий

		ГЛ	ВЛ	ПВЛ	НПЛ	КЛ	СЛ
ДПНВ	суффикс с -ч-	4 (1%)	23 (20%)	29 (5%)	47 (37%)	234 (36%)	28 (7%)
	суффикс с -щ-	365	93	538	80	410	394
Dativus abs./ причастия		720/1601 (45%)	103/625 (16%)	376/2335 (16%)	47/750 (6%)	287/3133 (9%)	294/2050 (14%)

В скобках в первой и третьей строке приводится соответственно процент действительных причастий настоящего времени (ДПНВ) с древнерусскими суффиксами от общего количества ДПНВ и процент оборотов «дательный самостоятельный» от общего количества причастий.

4.1. Действительные причастия настоящего времени с древнерусскими суффиксами *-ач-(-ач-)* и *-оуч-(-юч-)* в ГЛ встречаются всего 4 раза (1% всех употреблений действительных причастий настоящего времени). Это крайне мало: даже в архаичной и очень книжной *Повести временных лет* 29 таких форм (5%) имеют суффиксы с «ч».

4.2. Что касается обособленных причастных оборотов *dativus absolutus* («дательный самостоятельный», далее ДС), то в ГЛ очень частотны конструкции с ним – их в процентном отношении почти в три раза больше максимального количества (16%) и почти в восемь раз больше минимального количества (6%) ДС в других ранних летописях. Как пишет М. Н. Шевелева, ДС – «основная нарративная стратегия летописца»¹⁹⁶.

Причастий, входящих в ДС, в ГЛ 720, то есть 45% от всех форм причастий. ДС в Галицкой летописи часто идут друг за другом в ходе повествования, например: (12) *Татаром же бѣгающимъ. Данилови же избиваючи (!) ихъ своимъ полкомъ. и Гдгови Коурьскомоу крѣпко бившимся. инѣмъ полкомъ. сразившимся с ними грѣхъ ради нашихъ. Роускимъ полкомъ побѣженнымъ бывшимъ. Даниль видивъ яко крѣпциши брань належить. в ратны(х). стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляющимъ крѣпциѣ вбрати конь свои на бѣгъ. оустрѣмления ради противныхъ бѣжающю же емоу. и вжада воды (под 1224, л. 253); (13) «Мьстиславоу же пришедшоу на рать. приде на Лысоую Гороу. Данилови же поѣхавшоу в лахы. и возведшоу княза Лыстка и поиде противоу емоу. Мьстиславоу же помочь пославишоу Гдлександрови срѣтившимъ же имъ рать вогнаша и в гра(д) Белзь. и за мало города не взяша. наоутреѣ поидоша противоу имъ. Мьстиславоу же не стерпѣвишоу и возвратисѣ в Галичь. Данилоу же князю воевавишоу с лахы землю галичскоую...» (под 1225 г., л. 253 / 253 об.); (14) «Кондратови же ставшоу. кде нынѣ гра(д) Холмъ. стоить. пославишоу емоу. ко Червьноу воевать. Василковичем же срѣтившимъ е. и бившимся с ними. поимаша ладьские боаре. приведоша е. пере-Данила. во Городокъ Михаилови же стоящоу на Подъгораи. хотащю снятисѣ с Кондратомъ. и вжидающю половець со Изаславомъ» (под 1235 г., л. 262); (14) «...бывшоу же межю ими. ввогда мироу. ввогда рати. ишедшоу же Ростиславоу во поле. Боуѣ же постѣвишоу приде вѣсть Данилоу. во Холмѣ боудущю емоу. яко Ростиславъ сошелъ есть на Литвоу со всеми боары. и сноузники семоу же прилоучившоусѣ. изииде Даниль со воии. со Хольма. И бывшоу емоу. третии днѣ оу Галичи. любяхоуть же и гражане. подѣхавшоу же емоу подъ городъ» (под 1235 г., л. 262 об.) – и т. п.*

Интересно, что в ВЛ неожиданно мало причастий с древнерусскими суффиксами (20%), при том что, например, в Киевской летописи, которая по многим количественным показателям с ВЛ сопоставима, их 36%. То же касается и оборотов «дательный самостоятельный» – их в ВЛ,

¹⁹⁶ ШЕВЕЛЕВА, М. Н. Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/ива- в летописях XII–XVI вв. *Русский язык в научном освещении*. 2010, 20, с. 215.

напротив, неожиданно много (16%), что сближает её в этом отношении с архаичной ПВЛ и достаточно книжной СЛ. Возможно, здесь волинский повествователь в некоторой степени следует за галицким, хотя, конечно, всё равно его текст оказывается гораздо ближе даже к самым некнижным раннедревнерусским летописям, чем к соседней Галицкой.

5. Различия между Галицкой и Волинской летописями заметны, разумеется, не только в грамматике. Одна из ярких заметных черт – отражение рефлексов праславянских сочетаний с плавными. Если исключить личные имена типа *Володимирь* (поскольку в летописи нет неполногласных вариантов), географические названия и слова, встречающиеся только в виде TRAT / TLAT (*владыка*) или только в виде TOROT / TOLOT (*король*), всего в ГЛ неполногласных форм 452, форм с начальным ра / ла – 52, в волинской соответственно 46 и 24, при том что галицкая часть в полтора раза больше. Соотношение полногласных форм обратное: в галицкой части их 219, форм с начальным ро / ло – 13, в волинской – 445 и 43¹⁹⁷.

Если посмотреть по конкретным корням, как распределяются отдельные лексемы в ГЛ и в ВЛ, то получается следующее:

Таблица 4. Полногласные и неполногласные сочетания

		ГЛ	ВЛ	ПВЛ	НПЛ	КЛ	СЛ
корни							
	Волост- / власт	4/5 (44%)	1/0 (100%)	13/25 (34%)	38/8 (83%)	174/6 (97%)	44/20 (69%)
	Ворог- / враг-	3/11 (21%)	6/1 (86%)	3/24 (11%)	2/0 (100%)	29/11 (73%)	12/19 (39%)
	Ворот- / врат-	31/27 (53%)	21/13 (62%)	17/12 (68%)	32/15 (68%)	119/97 (55%)	66/91 (42%)
	Голов- / глав-	6/6 (50%)	6/2 (75%)	13/26 (33%)	27/4 (87%)	27/7 (79%)	13/8 (62%)
	Голод- / глад-	1/4 (20%)	3/0 (100%)	5/13 (28%)	3/7 (33%)	3/1 (75%)	3/2 (60%)

¹⁹⁷ В работе ГЕНЬСОРСКИЙ, Антін І. *Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості)* статистические данные немного отличаются от приведенных здесь: по всей видимости, критерии, по которым исключались отдельные формы, в указанной работе были несколько иными.

	Город- / град-	73/188 (28%)	197/3 (99%)	181/121 (60%)	173/81 (68%)	457/70 (87%)	278/139 (67%)
	Заборол- / забрал-	2/22 (8%)	9/0 (100%)	1/1 (50%)	2/0 (100%)	2/0 (100%)	0/0
	Золот- / злат-	3/14 (18%)	14/6 (70%)	19/28 (40%)	0/7 (0%)	36/38 (49%)	24/15 (62%)
	Коромол- / крамол-	1/4 (20%)	6/0 (100%)	0/1 (0%)	1/3 (25%)	0/0	0/3 (0%)
	Молод- / млад-	2/17 (10%)	5/1 (83%)	3/7 (30%)	2/2 (50%)	8/6 (57%)	6/10 (38%)
	Сторож- / страж-	10/1 (91%)	2/0 (100%)	10/2 (83%)	14/2 (88%)	26/1 (96%)	20/1 (95%)
	Съдоров- / съдрав-	0/2 (0%)	11/0 (100%)	1/2 (33%)	7/12 (37%)	17/2 (89%)	3/2 (60%)
	Хоробр- / храбр-	2/8 (20%)	4/0 (100%)	3/6 (33%)	0/1 (0%)	3/3 (50%)	1/4 (20%)
приставки	Роз(с)- / раз(с)-	10/27 (27%)	36/7 (84%)	6/204 (3%)	28/49 (36%)	59/105 (36%)	29/83 (26%)

В скобках указан процент полногласных вариантов.

В целом данные ГЛ скорее близки к ПВЛ, а данные ВЛ – остальным летописям. Но некоторые особенности употребления полногласных / неполногласных корней в ГЛ необычны. Можно предположить, что в ГЛ мы имеем дело в искусственным «окнижнением» корней (ср. данные по корням «город-/град-», «золот-/злат-», «молод-/млад-», «хоробр-/храбр-»), соотношение которых резко отличается от всех остальных летописей. В пользу такого намеренного повышения престижа текста говорит также слово *странник* в значении ‘сторонник’, созданное, по всей видимости, искусственно¹⁹⁸.

Языковые особенности первой и второй частей Галицко-Волынской летописи рисуют «портрет» каждой из них. ГЛ – престижная придворная хроника, летописец ориентируется на самые высокие книжные стандарты, используя ради этой цели даже искусственно «окнижнен-

¹⁹⁸ ЮРЬЕВА, И. С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи, с. 143–144.

ные» формы. ВЛ – гораздо более «вольные» записи: текст этой летописи достаточно близок к живому языку.

Эти два памятника, традиционно объединяемые общим названием, как правило, оказываются по языковым характеристикам гораздо меньше похожими друг на друга, чем по отдельности – на другие раннедревнерусские летописные памятники. Такими «сёстрами», как показывают приведённые выше данные, обычно оказываются для ГЛ – *Повесть временных лет*, для ВЛ – Киевская летопись.

Жанр Галицко-Волынской летописи в типологической перспективе

Йитка Комендова

С самых начал изучения истории и литературы Древней Руси центральное место отводится летописям, жанр которых был признан уникальным, не имеющим аналогов ни в византийской, ни в западно-европейской литературе¹⁹⁹. Летописи получили высокую оценку как «самые обширные и развернутые памятники светского характера среди церковной по преимуществу древнерусской литературы»²⁰⁰, а их жанр – как ярко отражающий основные художественные тенденции своего времени (Яков С. Лурье, например, говорит о летописях как о «художественной лаборатории для древнерусской литературы»²⁰¹).

Эти характеристики древнерусского летописания стали основополагающими на многие десятилетия. Основной акцент ставился на специфичность, оригинальность древнерусского летописания, в то время как изучение жанровых связей древнерусского летописания с другими европейскими литературами оставалось за пределами интереса ученых. Исследования в этой области стали появляться только в последнее время, в том числе предпринимаются попытки соотнести жанры древнерусской и европейской средневековой литературы.

Древнерусское летописание настолько обширно и разнообразно, что четко определить его жанровые рамки и исследовать типологические связи с другими жанрами литературного наследия средневековой Европы представляется непростой задачей. Важным шагом в этом направлении стала работа Тимофея В. Гимона, посвященная сравнительному анализу историописания раннесредневековой Англии и Древней Руси.

В отличие от распространенного мнения о жанровой уникальности древнерусского летописания, невозможности отнесения его ни к жанру анналов, ни к жанру хроники, автор приводит ряд аргументов в пользу

---

¹⁹⁹ ГИМОН, Тимофей В. *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование*. Москва 2012, с. 89.

²⁰⁰ ЛУРЬЕ, Яков С. К изучению летописного жанра. *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1972, 27, с. 93.

²⁰¹ Там же, с. 93.

сближения древнерусского летописания с жанром анналов²⁰². При этом Т. В. Гимон определяет следующие наиболее важные отличительные черты, присущие и анналам и летописям:

1. система погодных записей
2. дискретность текста внутри погодной статьи
3. «открытость» для переработок и дополнений
4. невыраженность индивидуального авторства²⁰³.

Галицко-Волынская летопись стоит особняком среди памятников письменности Древней Руси и по своим характеристикам не может быть отнесена к жанру анналов. Многие известия Галицко-Волынской летописи: и краткие, лаконичные записи, и обширные повествования, такие как «воинская повесть», традиционны для древнерусского летописания, однако отсутствие строгой хронологической структуры, несоблюдение не только абсолютной, но иногда и относительной хронологии, несовместимо с анналистическим жанром. За рамки древнерусского летописания выходят также необычайно яркие литературные портреты Даниила Романовича и Владимира Васильковича, описывая деяния которых автор касается событий, значимых для всего княжества.

Уникальность Галицко-Волынской летописи обращала на себя внимание источниковедов, предпринимались попытки определить ее жанровые особенности и найти сравнительный материал как среди древнерусских, так и западноевропейских средневековых памятников. Исследования такого рода чрезвычайно осложняют три обстоятельства: во-первых, отсутствие первоначального текста Галицко-Волынской летописи, во-вторых, неоднозначность классификации жанров западноевропейского историописания и, в-третьих, сложность в поисках определения жанра для древнерусской литературы.

Было сделано несколько предположений о том, какому жанру близка Галицко-Волынская летопись. Она была охарактеризована как свод повестей о князьях²⁰⁴, в контексте соотнесения с византийской литера-

²⁰² ГИМОН, Т. В. *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси*, с. 90–91; ГИМОН, Тимофей В. – ГИПШИУС, Алексей А. Русское летописание в свете типологических параллелей. In: ИВАНОВА, Юлия А. (ed.). *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*. Москва 2005, с. 174–200.

²⁰³ ГИМОН, Т. В. *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси*, с. 91.

²⁰⁴ КОТЛЯР, Николай Ф. Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики Галицко-Волынской летописи. In: КОТЛЯР, Николай Ф. (ed.). *Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование*, с. 30–60; КОТЛЯР, Николай Ф. Галицко-Волынский свод: летопись или собрание повестей? *Средневековая Русь*. 2006, 6, с. 119–137; КОТЛЯР, Николай Ф. О возможной природе нетрадиционной структуры и формы Галицко-Волынской летописи. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2006, 2, с. 36–54.

турой ее сближают с жанром хронографа²⁰⁵ или с жанром деяний²⁰⁶, при сравнении с западноевропейскими источниками Галицко-Волынская летопись оказывается наиболее близкой к жанру хроники (прежде всего, придворной хроники)²⁰⁷, жанру жития в его светском варианте²⁰⁸ или *gesta*²⁰⁹.

В каждом из вышеперечисленных жанров есть особенности, близкие чертам Галицко-Волынской летописи, однако ни один из них не отражает характер этого произведения настолько полно, чтобы мы могли отказаться от традиционного названия *Галицко-Волынская летопись* и заменить его новым, более точно определяющим жанровую специфику того текста (например, *Галицко-Волынская хроника*, *Житие Даниила Романовича* и др.)²¹⁰.

Схожие трудности появляются не только при изучении древнерусских летописей, но и при попытках жанровой классификации многих средневековых европейских текстов – рамки различных жанров оказываются проницаемыми. Разница между анналами, хроникой и жанром *gesta* вполне очевидна лишь при изучении сравнительно небольшого ко-

²⁰⁵ ВИЛКУЛ, Татьяна. Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии. *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. 2009, 17, p. 83.

²⁰⁶ Возможность литературного влияния Девгениева деяния на Галицко-Волынскую летопись допускает ГИМОН, Т. В. *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси*, с. 242, ссылаясь на главу ТВОРОГОВ, Олег В. Девгениево деяние. In: ЛИХАЧЕВ, Д. С. (ed.) *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, т. 1, с. 115–116.

²⁰⁷ Ср. DĄBROWSKI, Dariusz. Kronika halicko-wołyńska jako źródło do studiów nad kulturą materialną średniowiecznej Rusi. Charakterystyka ogólna i postulaty badawcze. *Kwartalnik historii kultury materialnej*. 2013, 61, s. 63–74; JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów*, s. 24; ГИМОН, Т. В. – ГИППИУС, А. А. Русское летописание в свете типологических параллелей, с. 193; KLATÝ, Marek. Uhri, Uhorsko a Spiš v haličskej kronikárskej tradícii: Kultúrno-antropologická analýza „Haličsko-volynského letopisu“. In: GLADKIEWICZ, Ryszard – HOMZA, Martin (eds.). *Terra Scepusiensis. Stav bádania o dejinách Spiša. Stan badaň nad dziejami Spisza*. Levoča – Wrocław 2003, s. 251–268. Несмотря на то, что галицко-волынский памятник часто определяется как хроника, до сих пор не появилось ни одного исследования, в котором детально рассматривалась бы связь данного памятника с этим жанром.

²⁰⁸ ФОНТ, Марта. «Житие» Даниила Романовича. *Княжа доба: історія і культура*. 2008, 2, с. 98–108; TSCHİŻEWSKI, Dimitrij. Zum Stil der Galizisch-Volynischen Chronik. *Südostforschungen*. 1953, 12, S. 104–107.

²⁰⁹ FONT, Márta. *Geschichtsschreibung des 13. Jahrhunderts an der Grenze zweier Kulturen*; TSCHİŻEWSKI, D. Zum Stil der Galizisch-Volynischen Chronik, S. 108.

²¹⁰ Обзор дискуссий о связи Галицко-Волынской летописи с конкретными жанрами древнерусской и нерусской письменности ср. KOMENDOVÁ, Jitka. Хроника, житие, *gesta*? К вопросу жанровых особенностей Галицко-Волынской летописи. *Die Welt der Slaven*. 2016, 61, S. 38–47.

личества классических хрестоматийных текстов, между тем как многие средневековые европейские памятники имеют смешанный характер²¹¹.

В качестве примера можно привести близкие по времени создания к Галицко-Волынской летописи памятники чешского историописания. В XII–XIII веках в Чехии был создан ряд текстов, которые трудно вписать в традиционное понимание летописи или хроники. Произведение Каноника Вышеградского, первого продолжателя Козьмы представляется классической пространной летописью (*annales*), продолжение Монаха Сазавского является летописью, текст которой испытал на себе значительное влияние жанра жития. Пражский каноник Винценций строго соблюдает хронологию в своем труде, но несмотря на это, мы не можем отнести его работу ни к жанру летописи, ни к жанру хроники: текст, описывающий правление Владислава II, близок жанру *gesta*, другие части этой хроники по характеру близки к жанру мемуаров. Монах Ярлох, продолжатель Винценция, также использует структуру анналов, однако результат его работы не похож ни на летопись, ни на хронику, ни на *gesta*, ни на биографию, хотя признаки всех этих жанров можно найти в тексте. Компиляция историографических текстов XIII века – Второе продолжение Козьмы, генологически еще более сложна, так как составитель не смог преодолеть глубокую разницу между характером и стилем использованных их текстов²¹².

При всей сложности классификации историографических жанров европейского средневековья и определения жанровой специфики конкретных текстов, в качестве основных критериев анализа любого средневекового историографического произведения можно назвать, во-первых, наличие хронологии в тексте, во-вторых, роль персонажа (в первую очередь правителя) при изложении исторических событий, и, в-третьих – невыраженность авторской точки зрения в тексте и авторского замысла, наличие или отсутствие цельной авторской концепции.

Эти вопросы остаются нерешенными, а, может быть, и нерешаемыми окончательно при рассмотрении Галицко-Волынской летописи.

Хотя отсутствие хронологии является чертой, благодаря которой Галицко-Волынская летопись резко отличается от древнерусского летописания, в источниковедении нет единого мнения, можно ли считать ее

---

²¹¹ BLÁHOVÁ, Marie. Klasifikace předhusitských narativních pramenů české provenience. In: VEBR, Lubomír (ed.). *200 let pomocných věd historických na Filozofické fakultě UK v Praze*. Praha 1988, s. 169; NECHUTOVÁ, Jana. *Latinská literatura českého středověku do roku 1400*. Praha, 2000, s. 65.

²¹² BLÁHOVÁ, M. Klasifikace předhusitských narativních pramenů české provenience, s. 176–177.

доказательством сознательного желания книжника написать свой труд в нетрадиционном для древнерусской литературы жанре.

Важнейшую роль в данном вопросе играет «хронологическая ремарка»: «...хронографоу же, ноужа есть писати все, и вса бѣвшая, вѣгда же писати впередная, вѣгда же востопати в задная, чѣгьи моудрыи разоумѣеть. Число же лѣтомъ здѣ не писахомъ – в задная впишемъ по Антивохиискимъ Соромъ алоумьпиадамъ, Грьцкими же численицами, Римьскы же висикостомъ, такоже Свьсѣвии и Памфильво, иннии хронографи списаша, ѿ Адама до Хрѣстоса, вса же лѣта спишемъ, роцетьше во задьныя».²¹³

В научном мире ведутся споры о смысле этого высказывания, которое, с одной стороны, провозглашает право книжника на несоблюдение хронологии, с другой стороны, говорит о наличии замысла дать тексту погодную сеть, причем в системе, намного более сложной, чем использовалась в древнерусском летописании.

Алексей П. Толочко предполагает, что летописец, заимствовавший цитату из Хроники Иоанна Малалы, только пытался «блеснуть знанием своих образцов, но едва ли имел серьезные намерения» создать в своем труде подобную хронологическую сеть.²¹⁴ При этом А. П. Толочко polemизирует с тезисом о том, что галицкие и волынские летописцы не имели намерение полностью абстрагироваться от временного определения событий. «Автор, называющий самого себя хронографом, – продолжает А. П. Толочко – составлял свое произведение как подражание византийским хроникам, для которых погодная сеть и точные даты были не обязательны».²¹⁵

В науке распространено мнение, что текст Галицко-Волынской летописи, изначально цельный и высокохудожественный, пал жертвой работы позднего редактора, который, столкнувшись с произведением, имевшим непривычную для него структуру, сделал для него летописную сетку и разбил повествование по годам, не обращая внимания на содержание и прагматические связи повествования, чем резко понизил изначально высокий литературный уровень произведения.²¹⁶

Недавно было высказано и противоположное мнение. По утверждению В. Ю. Аристова, незавершенность некоторых сюжетов, интерпо-

---

²¹³ ПСРЛ, т. 2, стб. 820.

²¹⁴ ТОЛОЧКО, А. П. Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи, с. 84.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Ср. обзор историографии по данной теме: КОТЛЯР, Н. Ф. Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики, с. 30–33.

ляции, «обещания» и оговорки, встречающиеся в Галицкой летописи, могут свидетельствовать о том, что книжник по ходу работы столкнулся с трудностями, которые отразились в особенностях текста. Созданный им «исторический» текст не оправдал его ожиданий: автор предполагал составить последовательный рассказ, но его замысел не удался²¹⁷. В. Ю. Аристов сделал предположение, что «текст не был завершён в чистовом виде, он представляет собой своего рода «first draft», переписанный почти в том же виде, в каком по неизвестным причинам был оставлен где-то в 1260-х гг.»²¹⁸.

Данную гипотезу трудно назвать необоснованной. В европейском средневековом историописании известны такие случаи, когда переписывался оставленный автором незаконченный текст – черновик. Произведение чешского автора XII века Винценция было задумано и создавалось как прославление чешского короля Владислава II, и после отречения короля от престола Винценций просто бросил работу²¹⁹, текст остается в виде черновика и обрывается в середине предложения. В этой форме им воспользовался Ярлох, продолживший историописание Винценция²²⁰, но и он не закончил этот труд в цельном виде. Именно в этой незавершенной форме оба произведения сохранились в Милевской рукописи, дошедшей до наших дней²²¹.

Итак, Галицко-Волынская летопись представляет собой или произведение, которое было искажено поздним переписчиком, пожелавшем оформить в рамках традиционного летописания необычный для него текст, или же незавершенный труд. Как при рассмотрении хронологии Галицко-Волынской летописи, так и при попытках выявить авторский

---

²¹⁷ АРИСТОВ, Вадим Ю. Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.). *Slavia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013, 1, с. 120.

²¹⁸ АРИСТОВ, В. Ю. Свод, сборник или хроника?, с. 121. Ср. Адриан Юсупович в настоящем издании.

²¹⁹ WIHODA, Martin. *Dědictví opata Jarlocha*. In: MORAVOVÁ, Magdaléna (ed.). *Milevský letopis. Zápisky Vincencia, Jarlocha a Anšberta*. Praha 2013, s. 20.

²²⁰ Возможные причины, почему Ярлох предпочел Винценция Козьме – там же, с. 19–22.

²²¹ О характере данной рукописи см. там же, с. 6–9. Издатели чешского перевода целенаправленно обратились к сохранившейся до наших дней редакции рукописи, между тем как издатели латинского текста в XIX веке искусственно разбили текст по частям, пытаясь таким образом реконструировать «первоначальные» произведения и отделить их от разного рода глосс и вставок. Аналогично издатели работали с текстом Второго продолжения Козьмы: в основе чешского издания стоит компиляция в том виде, в котором ее отражает Дражицкая рукопись, а не латинское издание, искусственно разбившее памятник на гипотетические самостоятельные тексты. См.: BLÁHOVÁ, Marie (ed.). *Pokračovatelé Kosmovi*. Praha 1974, s. 7, 214.

замысел творцов его отдельных частей, мы неизменно задаемся вопросом о том, существовали ли данные черты уже в первоначальном тексте и были утрачены в процессе последующей редакции, или же они были представлены непоследовательно и фрагментарно уже в оригинальном тексте.

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заглавие работы, мы можем констатировать, что отнести данный памятник к жанру хроники, *gesta* или другому возможно лишь на основе предположений о том, каким должен бы быть окончательный вариант текста с точки зрения самого создателя. Если автор изначально не имел намерения полностью отказаться от хронологической сетки и предполагал разместить описания событий по годам, то его окончательный текст приобрел бы черты хроники. Если в его планы не входило разбивать текст по погодным статьям, а основной целью было написание повествования о событиях сквозь призму деятельности правителя, то результат был бы наиболее близок жанру деяния – *gesta*. Однако оба утверждения являются гипотезами, для доказательств которых нет достаточных оснований.

Можем ли мы в наших поисках жанрового определения Галицко-Волынской летописи рассматривать ее как единое целое, или необходимо различать галицкую и волынскую части как два самостоятельных произведения, учитывая это в генологическом исследовании? На индивидуальный характер этих двух текстов указывают результаты лингвистического анализа, проведенного Ириной С. Юрьевой.²²² Выводы ее работы согласуются с заключениями Вадима Ю. Аристов, по мнению которого Галицко-Волынская летопись как таковая не была единым самостоятельным сочинением. Согласно В. Ю. Аристову, для объединения ее «галицкой» и «волынской» частей существует не больше оснований, чем для объединения Повести временных лет с Киевской летописью. Точно так же, как Повесть временных лет постепенно переходит в Киевскую летопись, не имеющую формального начала и конца, к Киевской летописи была присоединена Галицкая летопись, и после нее – Волынская летопись. В качестве сравнения В. Ю. Аристов приводит некоторые латинские произведения, где к авторским хроникам таким же образом присоединялись продолжения (*continuationes*).²²³

Итак, в поиске жанра, который мог бы наилучшим образом охарактеризовать Галицко-Волынскую летопись, мы сталкиваемся с основной проблемой – отсутствием первоначального текста памятника, следстви-

---

²²² См. Ирина С. Юрьева в настоящем издании.

²²³ АРИСТОВ, В. Ю. Свод, сборник или хроника?, с. 112–114.

ем которой является множество гипотетических и неверифицируемых предположений. Должно ли нас это смущать?

Между тем как исследователи Галицко-Волынской летописи стремятся найти точное генеалогическое определение данного памятника, в литературоведении сегодня подвергаются реинтерпретации сами основы жанровой классификации древнерусской литературы. Все чаще можно встретить предложения отказаться от жесткой жанровой системы текстов Древней Руси и сделать акцент на многофункциональности, отсутствии строгих структурных признаков отдельных литературных текстов. Темой для отдельной дискуссии становится и сама применимость термина «жанр» по отношению к средневековой литературе.²²⁴

Елена Л. Конявская, определяя «границы» древнерусской литературы, пишет, что на протяжении процесса развития литературы «должны существовать некие неизблемые категории, объединяющие литературный процесс». Такие категории «присущи искусству слова по самой природе этого феномена»²²⁵. Категория жанра в этом отношении довольно непроста, и его определение, сформулированное античной литературой или даже литературой классицизма, вряд ли можно считать универсальным для всей истории литературы²²⁶.

В то время как литературное творчество средневековой Европы ощутило сильное влияние аристотелевского понимания жанра и других литературных категорий, в Древней Руси отсутствовали как классические литературно-теоретические труды, так и сама мысль о литературе такого рода. В результате мы сталкиваемся с отсутствием как цельной жанровой системы древнерусской письменности, так и строго отделенных друг от друга жанров. Древнерусская литература в этом смысле вполне соответствует аверинцевскому определению «дореклексивной литературы»: литературные каноны в дореклексивной литературной среде «не

---

²²⁴ ЛЕВШУН, Любовь В. Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2006, 26, с. 101–116; КОНЯВСКАЯ, Елена Л. «Границы» древнерусской литературы и проблема жанров. In: ИВАНОВА, Юлия А. (ed.). *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*. Москва 2005, с. 248–260; ЖИВОВ, Виктор М. *Разыскания в области истории и предистории русской культуры*. Москва 2002, с. 73–115; КОНЯВСКАЯ, Светлана В. Дискурс и жанр в диахроническом исследовании. In: ИВАНОВА Ю. А. (ed.). *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*, с. 261–269; LENHOFF, Gail. Toward a Theory of Protophenes in Medieval Russian Letters. *The Russian Review*. 1984, 43, pp. 31–54.

²²⁵ КОНЯВСКАЯ, Е. Л. О «границах» древнерусской литературы (летопись: писатель и читатель), с. 77.

²²⁶ КОНЯВСКАЯ, Елена Л. О «границах» древнерусской литературы (летопись: писатель и читатель). *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2003, 12, с. 255.

были фиксированы усилиями литературной теории. В этих областях действует скорее “неписанный закон”, литературный аналог обычного права, нежели кодифицированные правила поэтики или риторики»²²⁷.

Если мы говорим о Галицко-Волынской летописи как о хронике – значит мы предполагаем независимое возникновение в древнерусской письменности того же жанра, что и в западноевропейской литературе, или же знакомство с ним и его заимствование. Между тем как довольно простые историографические формы типа анналов могли возникнуть независимо друг от друга в разных культурных и языковых средах²²⁸, трудно предположить, что в древнерусской среде независимо возник аналог той уже довольно сложной формы историописания, какую представляет собой хроника. Второй путь – заимствование жанра – невозможен в абстрактной форме (тем более в «дорефлексивной» литературной среде), а только после того, как автор детально познакомится с конкретным текстом данного жанра, который он затем воспроизведет в своем труде.

Князья Романовичи были знакомы с особенностями жизни при дворах польских князей и венгерских королей, но у нас нет никаких доказательств того, что галицкие книжники были настолько знакомы с местной литературной традицией, чтобы затем приблизиться в своем собственном литературном творчестве к изученным при иностранных дворах образцам.

Хотя поиски типологических параллелей отдельных текстов древнерусской письменности, в том числе и Галицко-Волынской летописи, важны для выявления отдельных характерных черт данного памятника, прямое указание на жанр, характерный для иноязычной литературы (хроника, *gesta* и др.), вряд ли оправдано, так как тем самым оно включает данный текст в русло литературной традиции (истории определенного жанра), с которой данный памятник не имеет прямых связей.

Итак, Галицко-Волынскую летопись можно охарактеризовать как генологически гибридный текст, в котором представлены характерные черты различных жанров, и ни один из них «не выступает в полноте и чистоте своей “сущности”»²²⁹.

---

²²⁷ АВЕРИНЦЕВ, Сергей С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. Москва 1996, с. 212.

²²⁸ ГИМОН, Т. В. – ГИППИУС, А. А. Русское летописание в свете типологических параллелей, с. 192.

²²⁹ АВЕРИНЦЕВ, С. С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*, с. 197–198.

Галицко-Волынская летопись не может быть рассмотрена в рамках конкретного историографического жанра, но не стала она и исходным пунктом новой традиции, зарождением нового жанра. Она осталась смелым, одиночным экспериментом в европейском средневековом историописании, и именно эта позиция вне постоянных жанровых традиций является наиболее важной чертой этого уникального памятника древнерусской письменности.

III.
Романовичи и Центральная Европа

Даниил Романович «Галицкий» и Венгерское Королевство

Марта Фонт

Князь юго-западной Руси, Даниил Романович, в литературе часто называется «Галицким»²³⁰, хотя Галичем он не владел постоянно, а в роли центра его княжества выступали и другие города-крепости. На наш взгляд, «Галицким» он назван по отцу, который действительно присоединил к своим волыньским владениям Галич с прилегающей областью (т.е. как волость), и этот важнейший город стал плацдармом для дальнейшего продвижения по нижнему течению Днестра. Оттопонимический эпитет «Галицкий» при присоединении к имени Даниила Романовича указывает на желаемое отцовское наследие, «отчину». Несмотря на то, что Даниил много лет прожил на территории Волыни, и она также считалась его владением²³¹, его имя не связывается с этой волостью. Но почему Даниилу не пришлось долго бороться за Волынь и какие у него были отношения с братом Василько? Как они владели «отчиной» вместе? Эти вопросы ведут к более фундаментальным аспектам политического развития Древней Руси, нашедшим отражение, в первую очередь, в терминологии, которая в литературе приводится без специального объяснения.

К данным вопросам относятся следующие: от чего зависит «право на княжение» (господство), на чем основана власть князей, какими доходами владеют князья, сказывается ли влияние устоев, характерных для Венгерского Королевства на Галицко-Волыньскую Русь в XIII веке?

---

²³⁰ См. КОТЛЯР, Микола Ф. *Данило Галицький. Біографічний нарис*. Київ 2002; ГОЛОВКО, Олександр Б. *Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державо-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя*. Київ 2006.

²³¹ По мнению Владимира Т. Пашуто, князь Даниил передал город Владимир-Волынский брату только после основания Холма. См. ПАШУТО, В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, с. 20.

«Право на княжение» (господство)

Княжеские династии раннего средневековья оказались у власти ещё в дохристианский период, процесс укрепления их позиций происходил одновременно с военным противостоянием племенных предводителей, а сами они представляли собой элиту одного из таких племён²³². Сохранились общие права, согласно которым главой племени, рода, а позже и династии, считался старший по возрасту мужчина. При наследовании власти (господства / княжения) наиболее существенным вопросом была принадлежность к династии. Единичные описания конфликтов (по словам летописи: «распрей») в летописных текстах свидетельствуют о том, что на Руси все члены правящей династии пользовались правом на часть общего наследия рода, которое распределялось по старшинству (*senioratus*). Глава династии на основе права старшинства имел право делить имущество рода и принимал решение в всех делах, которые касались повседневной жизни общества.

Особый вопрос – кому должно принадлежать право старшинства? – осложнялся от поколения к поколению, не в последнюю очередь благодаря тому, что у русских князей было необычайно много детей. В основном, все члены династии имели право по порядку старшинства получить киевский стол²³³. Но довольно скоро появляется стремление ограничить круг тех, на кого порядок старшинства распространяется, – это, прежде всего, «завещание» Ярослава Мудрого 1054 г.²³⁴, и последовавший за ним «триумvirат» Ярославичей 1054–1073 гг. Княжеские съезды на рубеже XI–XII вв. представляли собой попытку ввести определённую стабильность в системе княжеского правления: «...кождо да держит ѿтчину свою»²³⁵.

Иногда старшинство было фиктивным, но если оно получало признание, то становилось настоящим. Например, в середине XII в. бездетный Вячеслав Владимирович, сын Владимира Мономаха, выступил вместе со своим племянником, Изяславом Мстиславичем, против младшего брата, Юрия Владимировича Долгорукого, Вячеслав усыновил Изяслава и тем самым утвердил за ним старшинство.²³⁶ Нарушением старшинства считается поступок галицкого князя Ярослава Владимировича

²³² О наследовании династической власти см. FONT, Márta (ed.). *Dinasztia, hatalom, egyház. Régiónk formálódása Európa közepén 900–1453*. Pécs 2009, o. 95–115.

²³³ FONT, Márta. A kijevei (nagy)fejedelmi hatalom jellegéről. *Aetas*. 1999, 14, o. 22–33.

²³⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 161.

²³⁵ Любеч, г. 1097, ПСРЛ, т. 1, стб. 256–257.

²³⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 430.

Осомысла (1153–1187), когда перед смертью он назначил наследником младшего сына, рождённого от наложницы: «...приказываю мѣсто свое Улгови, сынови своему меншему...»²³⁷. Иногда и бояре выражали свое желание касательно того, какого князя они хотят видеть в своем городе, но непосредственный выбор князей осуществлялся лишь в Великом Новгороде.

К сожалению, нам известно слишком мало о женской линии династии Рюриковичей, хотя нередко родственные связи по матери служили основанием для территориальных требований. Именно это обстоятельство использовали черниговские Игоревичи, когда они выступили с претензией на Галич: их мать, Евфросиния, была дочерью галицкого князя, Ярослава Осмомысла²³⁸. Отец Даниила, Роман Мстиславич²³⁹, выдал свою дочь замуж за старшего сына галицкого князя Василия²⁴⁰ и использовал это, прежде чем занять Галич: «Роман же слашеть без опасы к моеужемь Галичким...»²⁴¹. Итак, династическая политика играла важную роль и в отношениях между русскими князьями, служила обоснованием для выдвижения требований и повышала военный потенциал.

После смерти отца у Даниила и Василько по обычным правам Руси не было шансов сохранить за собой Галицко-Волынскую землю поскольку они были малолетними, неспособными к управлению волостью, а также к командованию войсками. У Романа не было братьев (они умерли раньше) или других близких родственников, и вот появляются черниговские Игоревичи. Вдова Романа пыталась оказаться у власти, поэтому обратилась за помощью к венгерскому королю, Андрашу II-му (1205–1235). Эта просьба также была основана на родственных отношениях: «...по смрти Романовѣ снималса король со ѡтровью своею во Саноцѣ»²⁴². Ни имя, ни происхождение второй жены Романа не упоминается в летописи. Пытаясь найти ее происхождение, Дариуш Домбровский и Леонтий В. Войтович предположили, что она родом из Византии²⁴³. Александр

---

²³⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 657.

²³⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 633. (имя не упоминается); ВОЙТОВИЧ, Леонтий. *Княжа доба на Русі: портрети сліти*. Біла Церква 2006, с. 349.

²³⁹ Князь волынский: 1170–1199, галицко-волынский: 1199–1205. См. РАПОВ, Олег М. *Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в.* Москва 1977, с. 176–177.

²⁴⁰ DĄBROWSKI, D. *Rodowód Romanowiczów*, s. 45–48; ВОЙТОВИЧ, Л. *Княжа доба на Русі*, 491.

²⁴¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 660.

²⁴² ПСРЛ, т. 2, стб. 717.

²⁴³ DĄBROWSKI, D. *Rodowód Romanowiczów*, s. 34–44; ВОЙТОВИЧ, Л. *Княжа доба на Русі*, с. 481–487.

В. Майоров отождествил ее с дочкой византийского императора, Исаака II Ангела (1185–1195) от брака с венгерской принцессой, Маргаритой, сестрой короля Андраша; исследователь пытался вычислить и ее имя²⁴⁴. Гипотеза А.В. Майорова безусловно совпадает с информацией, известной по летописи, и если он прав, то венгерский король приходился родным дядей вдовы. На наш взгляд, эта гипотеза нуждается в дальнейшем обосновании. Из детей этого брака известны лишь сыновья²⁴⁵, но также предполагается, что у Даниила была старшая сестра, что трудно согласовать с возрастом княгини. К сожалению, не было учтено,²⁴⁶ что у короля Андраша были родственные связи с Византией и по матери²⁴⁷. Средневековое понимание родства имело более широкое значение, чем в современном мире, а просьба о помощи не обязательно предполагала тесные родственные связи. Византийское происхождение второй жены Романа подчеркивается политикой, направленной на расширение подвластной территории в южном направлении. Важную информацию содержат и имена, полученные сыновьями в этом браке. Имя младшего – Василий / Василько принадлежит семейному обиходу Рюриковичей²⁴⁸, но имя Даниил ранее встречалось только в церковных кругах²⁴⁹.

Сам Даниил активно использовал родственные связи в своей политике. Он женился два раза: его первой женой была Анна Мстиславна, дочь князя Мстислава Мстиславича Удачного²⁵⁰, одной из наиболее влиятельных политических фигур 1210–1220-х гг. Сам Мстислав был заинтересован в участии в галицких делах, так как был связан с этим

---

²⁴⁴ МАЙОРОВ, Олександр В. *Єфросинія Галицька. Дочка візантійського імператора в Галицько-Волинській Русі. Княгиня і черниця*. Біла Церква 2013, с. 21.

²⁴⁵ WERTNER, Mór. *Az Árpádok családi története*. Nagy-Becskerekén 1892. (reprint: Budapest 2010), о. 387–388.

²⁴⁶ КОТЛЯР, Н. Ф. (ed.). *Галицко-Волынская летопись*, с. 184–189. (комментарий к летописному тексту)

²⁴⁷ Матерью Андраша была Анна из Антиохии, дочь византийской принцессы Констанции и Регинальда из Шатийона, пришедшего в Антиохию во время второго крестового похода. Сестрой матери была Мария – императрица, вторая жена Мануила (1143–1180). См. ANGOLD, Michael. *The Byzantine empire 1025–1205. A Political History*. London – New York 1984, pp. 184–185; KMTL 47; ZSOLDOS, Atila. *Az Árpádok és asszonyaik*. Budapest 2005, о. 189.

²⁴⁸ ЛИТВИНА, Анна Ф. – УСПЕНСКИЙ, Федор Б. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях. In: НАЗАРЕНКО, Александр В. (ed.). *Религии мира. История и современность*. Москва 2002, с. 36–109.

²⁴⁹ PODSKALSKY, Gerhard. *Christentum und theologische Literatur in der Kiewer Rus' (988 – 1237)*. München 1982, S. 195; FONT, M. (ed.). *Dinasztia, hatalom, egyház*, о. 296–297.

²⁵⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 732.; DĄBROWSKI, D. *Rodowód Romanowiczów*, с. 67.

городом по линии своей матери²⁵¹. После смерти первой жены (между 1241 и 1246 гг.) Даниил женился на племяннице литовского правителя Миндовга (1246/1248). От первого брака у него родилось девять детей, из которых двое сыновей (Гераклий и Мстислав) погибли во время татаро-монгольского набега 1240 года, и также умерла одна из дочерей, имя которой неизвестно (она была рождена еще до 1240 г.). Сыновья Лев и Роман играли роли в венгерской политике Даниила; старший сын, Шварно, женился на дочери литовского князя, Миндовга. Из дочерей, Переяслава вышла замуж за Шемовита Мазовецкого, Анастасия (?) в 1250 г. – за Андрея Ярославича, владими́ро-суздальского князя, а Софья (?) – за Генриха Шварцбургского. Сын Мстислав родился у него от второго брака²⁵².

Княжеские доходы

У нас мало сведений о княжеских доходах: в летописях содержатся лишь косвенные данные, более подробную информацию можно получить из Уставов великих князей Владимира и Ярослава Мудрого²⁵³ и статей Русской Правды²⁵⁴. Эти документы свидетельствуют о том, что князья пользовались движимым имуществом: данью (в том числе – разными видами меха), гривнами, полученными в результате торговли и княжеской судебной деятельности²⁵⁵. Галицкие князья получали значительные доходы благодаря очень интенсивной торговле по Днестру в XII в.²⁵⁶ Князь Владимир Володаревич в 1150 г. заплатил большую сумму за заключение мира: «... домолился и вда золото много»²⁵⁷; а его внук, Владимир Ярославич, в 1189 г. обещал императору Фридриху еже-

---

²⁵¹ Она была дочерью Ярослава Осмомысла см. ВОЙТОВИЧ, Л. *Княжа доба на Русі*, с. 349.

²⁵² DĄBROWSKI, D. *Rodowód Romanowiczów*, s. 99–180, 346–347 (генеалогическая таблица).

²⁵³ ЩАПОВ, Ярослав Н. *Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв.* Москва 1976.

²⁵⁴ ЗИМИН, Александр А. *Правда Русская*. Москва 1999.

²⁵⁵ HELLER, Klaus. *Russische Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Die Kiever und Moskauer Periode*. Darmstadt 1987, S. 17–76; FONT, Márta. *Oroszország, Ukrajna, Rusz*. Budapest 1998, o. 70–76; FRANKLIN, Simon – SHEPARD, Jonathan. *The Emergence of Rus 750–1200*. London – New York 1996, pp. 324–339.

²⁵⁶ NOONAN, Th S. The Monetary History of Rus'. *Harvard Ukrainian Studies* 1987, 11, pp. 384–443.

²⁵⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 406.

годно платить две тысячи гривенъ: «...аъль бо са башь давати цареви по ̄в гривенъ себра до года»²⁵⁸.

Наиболее существенным ресурсом для обеспечения княжеского уровня жизни была волость. В отличие от сложившегося в русской историографии определения волости как земельного владения, мы придерживаемся другого мнения: волость – это определенные земли с укрепленным пунктом в центре (детинцем, замком), откуда князь имеет право собирать налоги (движимое имущество, о котором упоминалось выше). Такие сборы обеспечивают потребности самого князя, людей его княжеского двора и дружины. Волость считалась равноценной доходом: «...а мнѣ любо иноую волость в тое место даси, лоубо кунами за нее...»²⁵⁹.

У членов династии, если они лишались волости, не было иного выбора, кроме как стать членом дружины другого князя, даже несмотря на их собственное княжеское происхождение. Использование дохода с земель называлось «кормлением»²⁶⁰. Конечно, волости не были одинаковы с точки зрения качества и количества доходов. Какую волость получит князь – зависит от порядка старшинства, но трактовать его можно было по-разному во многочленной династии. Означенные явления привели к так называемой раздробленности, а в конечном счете – непрочности древнерусского государства, из чего следовало длительное бытование таких явлений как старшинство и обычные права²⁶¹. В связи с этим князья старались получить как можно более значительных волостей, увеличить тем самым свои доходы, военную силу и престиж. Превращение волостей в отчины происходит не в XIII веке, а позже²⁶². Однако волость не обеспечивала достаточных доходов для поддержания постоянной военной мощи, поэтому время от времени была необходима военная добы-

---

²⁵⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 666.

²⁵⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 684–685.

²⁶⁰ Это налог с населения, собран в натуральном или денежном виде см. ÁGOSTON, Magdolna. *Az orosz történelmi források terminológiája*. Szombathely 2004, о. 58; указание на дискуссию о кормлении см. JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi Halickiej i Wołyńskiej w czasach Romanowiczów*, s. 57–59.

²⁶¹ См. FONT, M. *Oroszország, Ukrajna, Rusz*, о. 52–63; FONT, Márta – SASHALMI, Endre. *Állam, hatalom, ideológia. Tanulmányok az orosz történelem sajátosságairól*. Budapest 2007, о. 65–113.

²⁶² HALBACH, Uwe. *Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert*. Wiesbaden 1985, S. 219.

ча и обращение за помощью к соседям. Поведение Даниила Романовича соответствовало всем упомянутым выше порядкам²⁶³.

Взаимодействие Даниила с Венгерским Королевством

Даниил Романович (1201–1264) был одним из самых активных деятелей на политической арене Восточной и Центральной Европы на протяжении XIII-ого века. Был он и выдающимся деятелем своего времени, не удивительно, что его жизненному пути посвящено несколько монографий. Однако события, связанные с Даниилом Романовичем, трактуются учеными различно: в каждом исследовании выбирается новый аспект. Монография Николая Ф. Котляра²⁶⁴ написана в рамках историографического подхода, Александр Б. Головко²⁶⁵ расширяет понятие «короны» (в значении «королевство») на всю галицко-волынскую территорию с самых начал ее существования. Владимир С. Александрович и Леонтий В. Войтович²⁶⁶ построили свое исследование в соответствии с хронологическим порядком. Дариуш Домбровский²⁶⁷ детально рассмотрел жизненный путь Даниила и установил определенную периодизацию. Мариус Бартниcki²⁶⁸ и Виталий Нагирный²⁶⁹ фокусируют свое внимание на внешней политике, у М. Бартницкого говорится лишь о деятельности Даниила, В. Нагирный обращается к истории всей Галицко-Волынской Руси.

Князю Даниилу посвящены и многие главы в трудах об истории юго-западной Руси. Классическая монография Владимира Т. Пашуто²⁷⁰ основана на анализе летописного текста, Иван П. Крипякевич²⁷¹ большое внимание уделяет территориальной структуре. Последняя рабо-

²⁶³ См. перечисление волостей Даниила в DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 467.

²⁶⁴ КОТЛЯР, М. *Данило Галицький*.

²⁶⁵ ГОЛОВКО, О. *Корона Данила Галицького*.

²⁶⁶ АЛЕКСАНДРОВИЧ, Володимир – ВОЙТОВИЧ, Леонтий. *Король Данило Романович*. Біла Церква 2013.

²⁶⁷ DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 21–449.

²⁶⁸ BARTNICKI, Mariusz. *Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264*. Lublin 2005.

²⁶⁹ NAGIRNYJ, Witalij. *Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264*. Kraków 2011.

²⁷⁰ ПАШУТО, В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*.

²⁷¹ КРИПЯКЕВИЧ, Иван П. *Галицько-Волинське князівство*. Київ 1984. (Книга была написана в 1957–1958 гг.)

та об истории Галицко-Волынской Руси принадлежит Александру В. Майорову²⁷², выбравшему социально-политический аспект в качестве определяющего. В монографии Адриана Юсуповича²⁷³ уделяется наибольшее внимание руководящей элите данного региона.

Мы же придерживаемся того мнения, что применительно к эпохе средневековья целесообразнее говорить о династической, а не о внешней политике. Ведь в основном интересы династий определяли союзные отношения, согласно которым организовались походы и бракосочетания. Если обратить внимание на способы ведения политики представителями обеих династий и их возможности, то можно увидеть особый паттерн²⁷⁴.

Обращаясь к участию венгерских королей в делах Галицких земель, можно увидеть значительную разницу между политикой Андраша II и его сына, Белы IV. Андраш II намеревался захватить хотя бы какую-то часть галицкой территории, в то время как Бела IV занял противоположную позицию в этом вопросе. Летом 1230 г. он принимал участие в походе на Галич лишь по повелению отца: «*de mandato et voluntate patris*»²⁷⁵. В период правления обоих королей Даниил был один раз союзником Венгрии, другой раз – ее противником.

В 1205 г. король Андраш II увидел хорошую возможность для вмешательства в галицкие дела под предлогом поддержки малолетнего Даниила. Годы юности Даниила (до 1217 г.) проходили то при венгерском королевском дворе, то в Кракове, и это длительное пребывание²⁷⁶ в землях, граничащих с его родной землей, прервалось попытками вернуться на галицко-волынское княжение. Мать малолетних сыновей в 1205–1206 гг. пыталась удержаться у власти при помощи венгерского короля. С 1210 г. прилагались усилия к тому, чтобы посадить Даниила на галицком столе, с участием и польско-венгерского войска, но они были безрезультативны.

Безусловно, в период с 1205 г. по 1213 г. малолетний Даниил оказался в подчиненном положении, помогая политике короля Венгрии. Около 1213 г. становится понятно, что юный князь мало подходит для проведения экспансионистской политики, однако неудачи на этом направлении объяснялись еще и тем, что польские и венгерские интересы

---

²⁷² МАЙОРОВ, А. В. *Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община.*

²⁷³ JUSUPOVIĆ, A. *Elity ziemi Halickiej i Wołyńskiej w czasach Romanowiczów.*

²⁷⁴ FONT, Márta. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek.* Szeged 2005, o. 9–15.

²⁷⁵ CD IV/1. 21–27.

²⁷⁶ «Трудные годы» в кн. DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 33–93.

вступали в противоречие. Осознав, что проводимая политика не приносит желаемого результата, Андраш и Лешек встречаются в Венгрии, в Спишской крепости. После того, как они приходят к соглашению, начинается выступление на юго-западную Русь и ее территориальный раздел. Гарантией соблюдения договора между правителями служил «брак» шестилетнего сына Андраша, Кальмана, и двухлетней дочки Лешка, Саломеи.

Это соглашение поставило Даниила в тяжелое положение, он вынужден был искать поддержку на Руси, и нашел ее, заключив союз с Мстиславом Мстиславичем. Решение о браке Даниила с дочерью Мстислава, Анной, было принято в 1213 г., но бракосочетание произошло в период между 1215–1220 гг.²⁷⁷. Благодаря этому соглашению Даниилу, а вернее – его матери с двумя сыновьями, удалось получить волость на Волыни в Каменце над Случем²⁷⁸.

Достигнув совершеннолетия, Даниил стал самостоятельным князем и ярым противником венгерского и польского присутствия в галицких и волынских землях. Ему с трудом удалось получить всю Волынь, и, укрепившись на этой позиции, он продолжил борьбу за Галич²⁷⁹. С 1218 по 1234 г. он противостоял сыновьям Андраша II: до 1221 Кальману, с 1224 по 1234 г. – Андрашу²⁸⁰. Можно установить, что король Андраш II с самого начала (а именно – с 1205 г.) хотел распространить венгерскую власть на галицкие земли. Очевидно, что на протяжении десятилетий у Андраша менялись лишь способы достижения своей цели, среди которых поддержка Даниила был лишь одним из многих. Другим таким способом было польско-венгерское сотрудничество, в котором преобладал венгерский военный потенциал. С середины 1220-х гг. венгерские устремления пресекались встречными попытками Даниила достичь галицкого княжения, а также намерениями черниговского Михаила укорениться в Галицком княжестве и вторжениями половцев на эту территорию²⁸¹.

После смерти короля Андраша II на венгерский трон взошел новый король, что сопровождалось полным изменением отношения к Галицкому княжеству. Король Бела IV начал проведение политики, противоположной отцовской: он прекратил военные походы на Галич. Намерение

---

²⁷⁷ DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 67–68.

²⁷⁸ ПСРЛ, т. 2, стр. 729.

²⁷⁹ DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 93–139, 139–217.

²⁸⁰ FONT, M. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, o. 206–214, 217–223.

²⁸¹ KOVÁCS, Szilvia. *A kunok története a mongol hódításig*. Budapest 2014, o. 140–149.

нового короля в корне поменять политику в этом направлении проявилось уже во время коронационной церемонии 14-ого октября 1235 г., в которой Даниил принимал активное участие: он вел коня короля: «Colomano duce fratre eiusdem ensem regalem ad latus ipsius honorifice tenente, Daniele vero duce Ruthenorum equum suum ante ipsum summa cum reverentia ducentem»²⁸².

Даниилу была нужна поддержка Белы IV в борьбе с черниговским князем, поэтому он был готов к подчинению²⁸³. Бела IV стал новым союзником Даниила и сразу же оказал ему помощь, хотя и не предоставил в его распоряжение весь военный потенциал страны. Даже во время татарских нападений на Русь, когда черниговский князь Михаил со своей семьей бежал в Венгрию²⁸⁴, Бела IV настаивал на союзе именно с Даниилом, и не выдавал дочь замуж за Ростислава Михайловича, очевидно, ему не хотелось устанавливать родственную связь с князьями-изгнанниками. Даниил со своим сыном также бежали в Венгрию, но скоро они поехали в Польшу, где уже были и другие члены семьи²⁸⁵.

Татаро-монгольское нашествие, начавшееся осенью 1240-ого года, после взятия Киева, 6-ого декабря²⁸⁶, продолжилось в западном направлении, в Польшу и Венгрию. Краков, Силезия и Венгерское Королевство стали жертвами татаро-монгол²⁸⁷. Король Бела IV писал в письме к римскому папе: «...когда татары боролись против нас на территории нашей страны, мы обратились за помощью к трем высочайшим дворам христианства – но помощи не получили – лишь слова...»²⁸⁸. Однако, так называемое «татарское письмо» Белы IV свидетельствует о том, что он

---

²⁸² Chronici Hungarici compositio XIV saeculi, SRH I. 467; Chronicon Poseniense, SRH II. 42.

²⁸³ ВОЛОЩУК, Мирослав. Вассальная зависимость Даниила Романовича от Белы IV (1235–1245 гг.): актуальные вопросы реконструкции русско-венгерских отношений второй четверти XIII в. *Specimina Nova. Pars Prima. Sectio Mediaevalis. III.* Pécs 2005, o. 83–113.

²⁸⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 782.; ПАШУТО, В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, с. 220; DIMNIK, Mikhail. *Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224–1246*. Toronto 1981, pp. 82–83.

²⁸⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 787.

²⁸⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 785–786.

²⁸⁷ О поражении польских князей под Легницей и о венгров под Мухи см. KORTA, Waclaw (ed.). *Bitwa Legnicka: Historia i tradycja*. Wrocław – Warszawa 1994; NAGY, Balázs (ed.). *A tatárjárás*. Budapest 2003.

²⁸⁸ THEINER, Augustinus (ed.). *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*. tom I. Roma, 1859, pp. 232–234; SENGA, Toru. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett «tatár-levele» *Századok* 1987, 121, o. 606–609; FONT, M. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, o. 250–253.

хотел найти союзников и за восточными границами страны, поэтому на сей раз был готов выдать замуж одну из дочерей за вновь появившегося в Венгрии Ростислава Михайловича. Брак состоялся в 1243 г.²⁸⁹, и тем самым Бела IV взял на себя обязанность поддерживать своего зятя так, чтобы Ростислав получил желаемую волость на Руси. Однако решение Бела IV сделало его противником Даниила, ведь обеспечить «отчину» для Ростислава было возможно только на территории Галицко-Волынской Руси – Чернигов полностью попал под власть татар²⁹⁰.

В битве под Ярославом на реке Сан 17-ого августа 1245 г.²⁹¹ Ростислав и венгры потерпели поражение. В дальнейшем Бела IV отказался от походов на Русь и хотел найти для Ростислава подходящие земли в Венгрии. В 1247 г. Бела IV назначил Ростислава баном Славонии, но титул «бан» был изобретен для обозначения человека из руководящей элиты, а не для члена королевской семьи. Скоро, уже весной 1248-го года титул бана Славонии получил Иштван из рода Гуткелед²⁹², т. е. Ростислав провёл в этой позиции меньше года.

О деятельности Ростислава у нас мало сведений, но вероятно, что уже с 1247 г. ему было поручено восстановить венгерское господство в южных, разоренных татарами, районах по обеим берегам реки Сава, в обоих Сремах (Sirmium, Sirmium ulterior). В регионе Sirmium ulterior развивалась так называемая «Мачва», которой и управлял Ростислав до самой смерти²⁹³.

---

²⁸⁹ Разные мнения о датировке см. ПАШУТО, В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, с. 230; DIMNIK, M. *Prince of Chernigov*, pp. 121–123; DĄBROWSKI, Dariusz. Slovak and Southern Slavic Threads in the Genealogy of the Piast and Rurikid Dynasties in the Thirteenth Century. In: HOMZA, Martin – LUKAČKA, Jan – BUDAK, Neven (eds.). *Slovakia and Croatia. Historical Parallels and Connections (until 1780)*. Bratislava – Zagreb 2013, p. 111; WŁODARSKI, Bronisław. *Polska i Rus': 1194–1340*. Warszawa 1966, s. 123–124.

²⁹⁰ MARTIN, Janet. *Medieval Russia 980–1584*. Cambridge 1995, pp. 145–157; FENNELL, John. *The Crisis of the Medieval Russia*. London 1983, pp. 76–78; DIMNIK, M. *Prince of Chernigov*, pp. 82–83.

²⁹¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 795; DŁUGOSZ VII. 297–299.; ПАШУТО, В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, с. 230–231; WYROZUMSKI, Jerzy. *Dzieje Polski Piastowskiej VIII w.–1340*. Kraków, 1999, s. 226; NAGIRNYJ, W. *Polityka zagraniczna*, s. 219.

²⁹² ZSOLDOS, Attila. *Magyarország világi archontológiája 1000–1301*. Budapest 2011, o. 48.

²⁹³ Там же, о. 50; ХАРДИ, Ёура. Господари и банови ононостраног Срема и Мачве у XIII веку. *Споменици Историчког Архива «Срем»* 2009, 8, с. 71; АЧИМ, Viorel. *Politica sud-estică a regatului ungar sub ultimii Arpadieni*. București: Encyclopedica, 2008, p. 143, 190; ХАРДИ, Ёура. О Мачванској титулатури Ростислава Михайловича. *Извори о историју и культури Војводине* 2010, 2, с. 57–64; HARDI, Djura. Der Status von Matschwa in der Zeit Rastislav Michailowitschs. In: HOMZA, M. – LUKAČKA, J. – BUDAK, N. (eds.). *Slovakia and Croatia. Historical Parallels and Connections*, Bratislava – Zagreb 2013, pp. 128–134.

После поражения под Ярославом венгерскому королю пришлось обеспечивать оборону восточных границ другим способом. В следующем году он отправил послов к Даниилу с предложением о заключении мира²⁹⁴. Даниил также был заинтересован в мирных отношениях с Венгрией, поскольку он начинал антитатарскую кампанию, в которой ему были необходимы западные союзники. В августе 1247 г. в Венгрии появились Даниил с сыном и митрополитом Кириллом²⁹⁵. Местом заключения мира и соглашения о браке Льва Даниловича с Констанцией²⁹⁶, дочерью Белы IV, стала крепость Зойом. Король так писал об этом в «татарском письме»: «Мы пользовались средствами, которые были доступны: в интересах христианства мы дошли до такого унижения, что двух из наших дочерей дали в жены двум русским князьям, а третью – принцу Польши, что у них получили известия о татарах»²⁹⁷. Слово «унижение» указывает на неравное положение правителей: территория и доходы венгерского короля были намного больше, чем у галицкого князя.

После этого Даниил опять становится союзником Белы IV, в том числе и в западных походах, в борьбе за Бабенбергское наследие²⁹⁸. Даниил хотел получить западную помощь против татар, и с этой целью он вступил в переговоры с Папой Римским, о чем свидетельствует их переписка²⁹⁹. Их результатом стало сближение Даниила с западным («латинским») миром, и он был коронован папским послом в 1253 г.³⁰⁰ Но и это не освободило Даниила от укрепления на Галицкой земле татарского влияния. Он мог и не опасаться татар лично (и укрыться в Венгрии), но его брат, Василько, и сын, Лев, в 1260 г. были вынуждены принимать участие в походе татар против Польши³⁰¹.

---

²⁹⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 809; ГРУШЕВСКИЙ, М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи, с. 33; ПАШУТО, В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волинской Руси*, с. 236.

²⁹⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 809; FONT, M. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, o. 250.

²⁹⁶ Vita Beatae Kyngae. In: GOMBOS III: 2452; по венгерски: Szent Kinga krakkói hercegnő élete és csodái. In: MADAS, Edit – KLANICZAY, Gábor (eds.). *Legendák és csodák*. Budapest 2011, o. 123.

²⁹⁷ THEINER I., pp. 232–234.

²⁹⁸ FONT, M. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, o. 261; MIKA, Norbert. *Walka o spadek po Babenbergach 1246–1278*. Racibórz 2008, s. 64.

²⁹⁹ WELYKYJ, Athanasius G. (ed.). *Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia*. I. (1075–1700). Rom 1953, pp. 30–43.

³⁰⁰ В Дрогоичине 24-ого ноября 1253 г.: МРН III., р. 63, 132; FONT, M. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, o. 258.

³⁰¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 850.

Можно установить, что отношения Даниила с королем Белой IV в основном характеризуются сотрудничеством, за исключением 1243–1245 гг., когда король Бела IV выступил против Даниила Романовича, действуя в интересах Ростислава. С 1240-х гг. потенциальная опасность со стороны татар повлияла на политику обеих сторон, о чем свидетельствуют стремительно заключенное соглашение и мирный договор.

Вопрос о венгерском влиянии

Даниил немало времени провел в Венгрии: он находился там большую часть детства и затем регулярно посещал эту страну. Безусловно, у него сложились собственные впечатления о Венгрии, о которых у нас нет никаких сведений. Даниил, согласно средневековым правилам, всегда ездил в сопровождении своей элиты, члены которой также набирались опыта, о чем опять же молчат источники. С уверенностью можно сказать, что и у галицкой элиты, и у самого князя было довольно много информации о внутреннем положении Венгрии. Из-за отсутствия источников это высказывание остается лишь предположением.

В последней монографии о Галицко-Волынской Руси, Александр В. Майоров выдвинул гипотезу о том, что получение привилегий венгерской знатью по Золотой булле 1222 г. может послужить хорошей параллелью для описания элиты галицкого общества³⁰². «К подобным отношениям с княжеской властью стремились и городские общины Древней Руси. Прежде всего, это было стремление поставить взаимоотношения с князьями на договорную основу...»³⁰³.

Мы не склонны согласиться с гипотезой Александра В. Майорова, в первую очередь из-за того, что он неверно интерпретирует понятие *servientes regis*, не делая различий с *servus* (несвободный слуга) и простой *serviens* (свободный человек при дворе землевладельцев): «...к числу «королевских слуг» относили в том числе и способных к военной службе крестьян ... королевские дружинники, постоянно жившие в укрепленных замках, были в то же время членами крестьянских общин...»³⁰⁴.

Понятие *serviens regis* обозначает мелких землевладельцев, которые имеют свое *predium*, они служили в отрядах королевских войск. Слои

---

³⁰² МАЙОРОВ, А. В. *Галицко-Волынская Русь*, с. 482–491.

³⁰³ Там же, с. 491.

³⁰⁴ Там же, с. 489.

servientes regis был союзником короля против ведущей элиты, стремящейся одновременно к ограничению королевской власти и подчинению мелких землевладельцев. В Золотой булле 1222 г. *servientes regis* получают *libertas nobilium*, они становятся равноправными с элитой. Интерпретация А.В. Майорова является следствием использования неверного перевода Золотой буллы и комментариев к ее тексту, а также использованием устаревшей литературы об истории Венгрии³⁰⁵. В настоящее время имеется современный английский перевод³⁰⁶ и публикации на доступных иностранных языках³⁰⁷. Хочется упомянуть также о формирующейся в последнее время переоценке деятельности короля Андраша II³⁰⁸.

Несмотря на то, что мы не согласны с позицией А.В. Майорова, мы не можем исключить определенное социокультурное венгерское влияние, например, при решении вопроса о коронации. На наш взгляд, для Даниила коронация была не просто формальным актом, она имела важное значение и влекла существенные последствия. Благодаря коронации светская власть правителя получала определенный священный статус (*Dei gratia*), что имело существенное влияние на отношения короля с подданными, и, в первую очередь, с элитой. Коронация считалась признанием законности власти со стороны представителей других династий и утверждения коронованного правителя равноправным с другими обладателями короны. Не случайно Даниил не отверг корону от Папы и был склонен к согласию на церковную унию, в отличие от владимирского князя, Александра Невского³⁰⁹.

В конечном итоге можно предположить, что венгерское влияние нашло отклик и в окружении князя, на княжеском дворе. Его можно найти, с одной стороны, в образе мышления (например, в готовности

---

³⁰⁵ Используется Хрестоматия С. Д. Сказкина 1963 г. и интерпретация М. А. Павлушковой 1957 г. Об истории Венгрии применяется монография Х. Марцали, из 1910 г. и Б. Хома-на, из 1935 г. см. МАЙОРОВ, А. В. *Галицко-Волынская Русь*, с. 489.

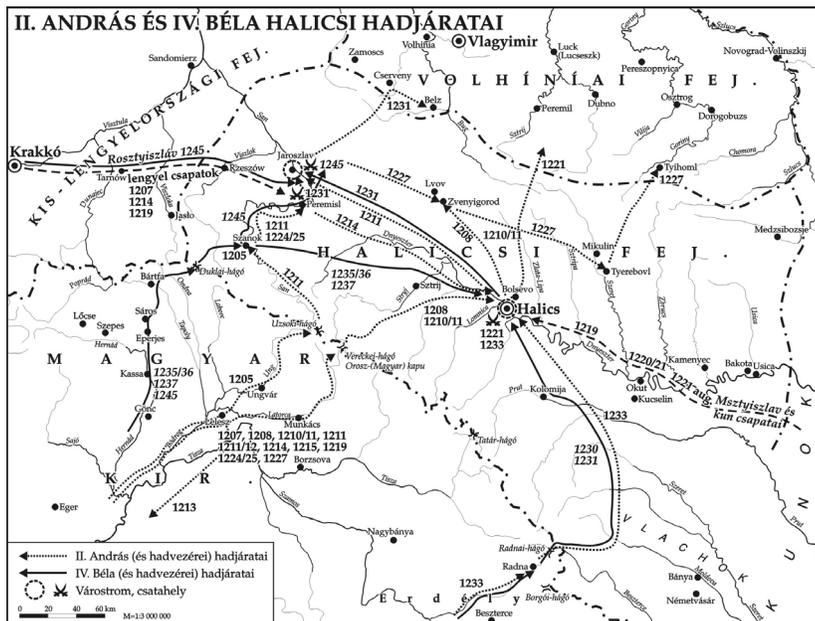
³⁰⁶ BAK, János – BÓNIS, György – SWEENEY, James R. – CSIZMADIA, Andor (eds.). *The Laws of the Medieval Kingdom of Hungary. I. (1000–1301)*. Idyllwild, California 1999, pp. 32–35; BESENYEI, Lajos – ÉRSZEGI, Géza – PEDRAZZA, Gorlero Maurizio (eds.). *De Bulla Aurea Andreae II regis Hungariae MCCXXII*. Verona 1999.

³⁰⁷ KRISTÓ, Gyula. *Die Arpadendynastie. Die Geschichte Ungarns von 895 bis 1301*. Budapest 1993; KRISTÓ, Gyula – MAKK, Ferenc. *Die erste Könige Ungarns*. Herne 1999; ENGEL, Pál. *The Realm of Saint Stephen: A History of Medieval Hungary 895–1526*. London 2000.

³⁰⁸ ZSOLDOS, Attila. Egy új II. András kép felé. In: KERNY, Terézia – SMOHAY, András (eds.). *II. András és Székesfehérvár*. Székesfehérvár: Egyházmegyei Múzeum, 2012. 21–35.

³⁰⁹ ISOAHO, Mari. *The Image of Aleksandr Nevsky in Medieval Russia. Warrior and Saint*. Leiden–Boston: Brill, 2006. p. 88–100.

к принятию церковной унии), а с другой – в элементах княжеского строительства (например, в архитектуре западного и южного порталов храма св. Пантелеймона в Галиче). Влиянию на территориальную организацию, правовые нормы или институты управления препятствовали частые изменения в составе подвластных князю земель. При рассмотрении отношений между галицкими боярами и венгерскими правителями наблюдается и стремление венгерской стороны учесть и использовать местные традиции³¹⁰.

*Походы Андраша II и Бела IV на галицкие земли.
По плану М. Фонт нарисовал Б. Надь*

³¹⁰ FONT, M. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, o. 182.

Свадьба в королевской крепости Зволен: к вопросу о региональном взаимодействии в венгерско-галицких отношениях

Павол Малиняк

История политического взаимодействия Венгрии и Галиции уже длительное время находится в кругу интереса ученых. По-преимуществу венгерские, но также польские и украинские историки уделяют особое внимание сообщению о событии, помещенному в Галицко-Волинской летописи под 1250 г., где говорится о примирении между венгерским королем Белой IV и галицким князем Даниилом Романовичем, а также о свадьбе их детей в Изволине³¹¹. В тексте можно найти также краткое перечисление событий, предшествующих заключению мирного договора. Одна из существенных проблем интерпретации текста касается записи, которая в летописи датируется 6758 г. (1250 г.). Анализ описанных событий приводит нас к тому же выводу, что и Марту Фонт: заключение мира между Белой IV и Даниилом, а также свадьба дочери Бельи, Констанции, со Львом Даниловичем произошли, вероятнее всего, в августе или сентябре 1247 г.³¹² Денис И. Зубрицкий уже в XIX в. отождествил упомянутый Изволин со словацким городом Зволен (нем. Altsohl, венг. Zólyom)³¹³, причем это отождествление принимают в целом и современные авторы.

Процитируем этот летописный отрывок:

«Въ тоꙗкъ лѣто присла король Оугорьскыи вицькаго, река: “Поими дщерь ми за сна своего Лва”. Бояше бо са его тако былъ бѣ в Татарѣхъ, побѣдою побѣди Ростислава и Оугры его. Помыслив же си с братомъ,

³¹¹ Выбор текущих публикаций: FONT, M. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, o. 248–250, 262–263; DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 271–272; NAGIRNYJ, W. *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej*, s. 234–237. Словацкая историография: MALINIÁK, Pavol. K sobášnej politike Bela IV. Dynastická svadba vo Zvolene a jej reflexie v historiografii. *Historický časopis*. 2008, 56, s. 125–135; МАЛИНЯК, Павол. О венгерско-галицкой брачной политике в XIII веке: Династический брак в Зволене и его отражение в средневропейской историографии. *Былые годы*. 2015, 35, с. 36–40.

³¹² SENGA, T. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett „tatár levele“, o. 593; FONT, M. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, o. 249–250, 263.

³¹³ В пояснительной записке: КОТЛЯР, М. Ф. (ed.) *Галицько-Волинський літопис. Дослідження, текст, коментар*, с. 263.

глюо его не оуа вѣры: древле бо того измѣнили бѣ ѡбѣщавъ дати дщерь свою. Коуриль бо митрополить идаше, посланъ Даниломъ и Василкомъ на поставление митрополье Роуской. Бывшоу же емоу оу корола, оубѣди и король словесы многими, дары оувѣщова, ѡко “Проведоу тѡ оу Грькы с великою чѣтью, аще створить [Даниль] со мною миръ”. Унь же ре^а: “Клатвою клени ми^с, аще не премѣниши слова свое^с азъ шедъ приведоу и”. Пришедъ же митроп^лить и ре^а емоу: “Хотение твое оу тебе есть поими дщерь его с^ноу си женѣ”. Василкови рекшоу: “Иди к нему ѡко кр^стъанъ есть”. Утоуда же Даниль поиде поемъ с^на свое^с Лва и митрополита иде к королеви и во Изволинъ, и поа дщерь его с^ноу си женѣ, и ѡдасть емоу ѡтыа боары, еже Бѣ вдасть в роуцѣ е^с, ѡдолѣвшоу емоу с брато^м [у] Йрославлѡ. И створи с нимъ миръ, и воротиса в землю свою.»³¹⁴

Встречи государей как социокультурный феномен, в том числе в средневековой центральной Европе, неоднократно привлекали внимание исследователей, например, они были рассмотрены в фундаментальном труде Геральда Шведлера. Основное внимание при изучении этого явления уделяется организации, процессу встречи, составу ее участников, их коммуникации, сопровождающим встречу ритуалам и церемониям. Один из наиболее существенных для нашей работы выводов – за всю историю средневековья ни одна из правительственных встреч не была идентична другой и невозможно подобрать две из них так, чтобы у них полностью совпал церемониал, его порядок и символическое значение³¹⁵. В Галицко-волинской летописи можно найти не менее 12 свадеб, которые были проведены или только запланированы. Записи о них обычно носят краткий, лаконичный характер³¹⁶, поэтому вышеприведенный летописный отрывок, содержащий описание хода переговоров, предвещающих свадьбу, относится к редким исключениям. В тексте можно выделить следующие интересные моменты.

Венгерское послание Даниилу принес человек, обозначенный в летописи как *вицький* («присла... вицькаго, река...»). По всей видимости,

³¹⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 809. Некоторые другие издания и переводы: КОТЛЯР, М. Ф. (ed.) *Галицко-Волинський літопис*, с. 110; PERFECKY, George A. (ed.) *The Hypatian Codex Part Two: The Galician-Volynian Chronicle*. München 1973, p. 59; KOMENDOVÁ, Jitka. (ed.) *Haličsko-volyňský letopis*. Praha 2010, s. 84–85; HODINKA, Antal (ed.). *Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai*. Budapest 1916, o. 430–433.

³¹⁵ SCHWEDLER, Gerald. *Herrschartreffen des Spätmittelalters. Formen – Rituale – Wirkungen*. Ostfildern 2008, S. 21–23, 405–413. С акцентом на раннее средневековье см. KOLB, Werner. *Herrscherbegegnungen im Mittelalter*. Bern – Frankfurt am Main – New York – Paris 1988, S. 51–62.

³¹⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 723, 731, 748, 758, 787, 794, 809, 821, 848, 861, 884, 904.

это слово не имело широкого распространения в древнерусском обществе той поры, а так как речь идет о заместителе венгерского государя, происхождение этого термина следует искать в западноевропейском словарном обиходе³¹⁷. Венгерский король послал своего человека на княжеский двор, уже после того, как узнал о возвращении Даниила из Золотой Орды.

В связи с этим посланием вызывает интерес документ, вероятно возникший в 1244 году, по которому король дарит Николаю, сыну Обецка из деревни Судовце, крепость Гонт. При перечислении его заслуг упоминается также участие Николая по поручению короля в дипломатической миссии на Русь, а именно к князю Даниилу, после того, как последний вернулся от татарского государя³¹⁸.

Исследователи предполагают что этот документ возник не ранее 1247 г. Венгерский историк Тору Шенга считает очень вероятным, что Николай лично участвовал в миссии, о которой упоминает летопись, и не исключает возможности его отождествления с заместителем венгерского короля, обозначенным словом *вицький*³¹⁹. Впрочем, нужно добавить, что Николай принадлежал к мелкому дворянству северной Венгрии, где получили широкое распространение славянские языки, поэтому, очевидно, выходец из этого региона и был выбран для посольства в славянскую страну, а знание одного из славянских языков увеличивало его потенциальные коммуникативные возможности.

Летопись повествует о невыполненном обещании Белы IV еще до достижения договоренности о свадьбе. Это обещание, вероятно, имело место уже в 1240 или 1241 г., когда Даниил и Лев находились в Венгрии. По данным Галицко-Волынской летописи, целью их поездки в Венгрию было достижение договоренности о браке, но она не привела к поло-

---

³¹⁷ Издание Ипатьевской летописи объясняет термин в значении *witeczny, witez*. ПСРЛ, т. 2, 1843, с. 185. Польское происхождение слова с оговорками принимает КОТЛЯР, М. Ф. (ed.) *Галицько-Волинський літопис*, с. 262. Более вероятным можно считать происхождение из латинского *vice*- в общем значении заместитель, в данном случае посланник, представитель короля. HODINKA, A. (ed.) *Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai*, С. 430–431; SENGА, Т. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett „tatár levele“, о. 590.

³¹⁸ MARSINA, Richard (ed.). *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae*. Т. 2. Bratislava 1987, p. 101, col. 150.

³¹⁹ SENGА, Т. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett “tatár levele”, о. 590; FONT, M. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*, о. 113–114. Действие Николая в Киеве, где должен был получить информации о татарах, предполагает KOSZTOLNYIK, Zoltan J. *Hungary in the Thirteenth Century*. New York 1996, p. 201.

жительному результату³²⁰. Через десять лет летопись упоминает, что во время боев за земли Австрии венгерский король не выполнил некое серьезное обещание, данное Роману, сыну Даниила. И вот перед нами вопрос о наличии / отсутствии доверия между государями.

В летописном тексте говорится о том, что герцог Австрии и Штирии Пржемысл Отакар II обратился к Роману с следующими словами: «Венгерский король много обещает, но обещания не выполняет».³²¹ В данном случае речь идет об исключительном и эмоционально окрашенном восклицании во время военного конфликта.

Одним из социальных инструментов, способствующих возникновению доверия во время переговоров, была присяга. Ввиду явных сомнений в искренности намерений, ее потребовал от венгерского короля и митрополит Кирилл, который пребывал в тот момент на королевском дворе. Король убедил его, подкрепив свои слова дарами и предложением организовать для него сопровождение в Грецию (Византию) с большими почестями.

Обмен дарами – одна из расхожих форм политической коммуникации. Этот ритуал происходил, как правило, публично, в присутствии свидетелей, и имел характер обмена – то есть взаимного дарения. Упоминания о подарках можно найти и в Галицко-волинской летописи. Сообщения о них, к сожалению, не конкретны. Известно, что князь Даниил неоднократно получал от своего тестя, Мстислава Удатного, в качестве подарка, великолепных лошадей³²². Летопись также упоминает, что Даниил принес с собой прямо из Венгрии чашеобразный сосуд из красного мрамора, с головами драконов на его поверхности, и передал его в только что построенный Собор Пресвятой Богородицы в Холме, где из него сделали купель. По мнению Йитки Комендовой, в стилистическом отношении эта чаша относилась к романской каменной пластике³²³.

Кроме подарков эксклюзивного характера, значительную часть в политической коммуникации представляли символические обряды. К ним относятся такие практики, как церемониальный прием и сопровождение высокопоставленного гостя, обычно с пышным шествием многочисленных всадников или процессией священников. В эту категорию можно включить и «большие почести», с которыми король Бела IV обещал сопровождать митрополита Кирилла в Византию. Почеть (лат. *exaltatio*),

³²⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 787.

³²¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 836–837.

³²² ПСРЛ, т. 2, стб. 735, 746. Лошадь (разные цвета) была частым подарком. См. SCHWEDLER, G. *Herrschertröffen des Spätmittelalters*, S. 365–367, 382.

³²³ ПСРЛ, т. 2, стб. 845–846; KOMENDOVÁ, J. (ed.) *Haličsko-volyňský letopis*, s. 21, 102.

обозначала не только проявление уважения и гостеприимство домашних, но и демонстрацию власти по отношению к должностным лицам, с которыми их связывают отношения подчинения³²⁴. Участники церемонии соблюдали иерархию и придерживались предписанных способов ведения переговоров. Известны данные о коронации Белы IV в 1235 г, во время которой Даниил, упомянутый как князь Руси, вел лошадь короля. Важнейшая роль во время этого церемониала досталась младшему брату Белы – Коломану, который нес королевский меч³²⁵.

В других случаях нарушение проведения ритуала происходило, как правило, ради демонстрации превосходства одной из участвующих сторон, что могло привести к недоразумениям и несогласиям. В летописи под 1245 годом читается сообщение о поездке Михаила Черниговского в Венгрию, где венгерский король Бела IV и сын Михаила, Ростислав Михайлович, не оказали ему подобающую честь, поэтому Михаил разозлился на своего сына и вернулся в Чернигов³²⁶. Особняком стоят сообщения о непонятных, чуждых, плохих и безбожных «почестях» татар. В летописи говорится об очень различных социокультурных практиках, в том числе символических, таких как, например, питье кумыса³²⁷.

В середине XIII века, вопреки культурным и языковым отличиям, католическая церковь не воспринималась как принципиально чуждая древнерусскому культурному пространству. На это указывают и слова, которыми Василько Романович убедил своего брата Даниила поехать к королю в Венгрию: «потому что он христианин». Религиозная состав-

³²⁴ SCHWEDLER, G. *Herrschartreffen des Spätmittelalters*, S. 345–350; ZUPKA, Dušan. *Rituály a symbolická komunikácia v stredovekej strednej Európe (Arpádovské Uhorsko 1000–1301)*. Prešov 2011, s. 55, 104–105, 119–128.

³²⁵ SZENTPÉTERY, Emericus (ed.). *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum I.* (далее SRH 1) Budapestini 1937, p. 467. Эта роль не была тождественной с официальной функцией мечаосца (лат. *ensifer*). ZSOLDOS, A. *Magyarország világi archontológiája 1000–1301*, o. 254.

³²⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 795. Старшие сообщения упоминают прием ссыльного польского короля Болеслава II в Венгрии (1079 г). Венгерский король Ласло I., вышел на встречу Болеславу, причем спешил. Польский король отказал спешиться, за что венгерский король обиделся. ZUPKA, D. *Rituály a symbolická komunikácia*, s. 122; BAGI, Dániel. *Królowie węgierscy w Kronice Galla Anonima*. Kraków 2008, s. 102–103.

³²⁷ KLATÝ, Marek. Vnímание pohanských etník Tatarov (Mongolov), Polovcov, Litovcov a Jatviagov na juhozápadnej Rusi v XIII. storočí. *Acta historica Posoniensia*. 2004, 3, s. 104; KOMENDOVÁ, Jitka. *Středověká Rus a vnější svět. Obraz cizích kultur v písemnictví Rusi II. – 14. století*. Olomouc 2005, s. 16–17, 55–56; URBAŃSKI, Robert. *Tartarorum gens brutalis. Trzynastowieczne najazdy mongolskie w literaturze polskiego średniowiecza na porównawczym tle piśmiennictwa łacińskiego antyku i wieków średnich*. Warszawa 2007, s. 235; СЕЛЕЗНЁВ, Юрий В. *Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XIV веках*. Воронеж 2013, с. 68–69.

ляющая (помимо политической) являлась важнейшей частью диалога между Западом и Востоком, и широкая контактная зона Галиции и Владимирского княжества предоставляла собой богатую почву для этого диалога. Межконфессиональному сближению активно способствовал и брак короля Белы IV с Марией, дочерью основоположника Никейской империи Феодора I Ласкариса³²⁸.

По данным Галицко-Волынской летописи, князь Даниил и митрополит Кирилл поехали к венгерскому королю в Зволен. Точный маршрут их пути не известен, можно только предполагать, это был один из традиционных путей, например, через Угорские ворота, недалеко от Санока. Очевидно, что путь из княжеской резиденции в Галиции через карпатские перевалы к королю в Венгрию продолжался несколько дней. Иногда Карпатские горы выступают в летописи под названием Угорские горы, это словосочетание в переносном значении обозначало границу, и во время конфликтов оно приобретало негативные коннотации.

Путь через Угорские горы могла осложнить буря или полноводная река, в которой могли утонуть лошади, как об этом сообщается в позднейшем описании поездки Белы IV в Галицию. Во время похода татарского полководца Тула-Буги в Венгрию его войско проходило через горы, которые можно было пройти в течение трех дней, но Тула-Буга заблудился и поэтому его путь, вероятно, длился 30 дней³²⁹. По описанию похода русских и поляков против ятвягов мы можем понять потенциальные сложности такого похода. Князь Даниил тогда вдохновлял солдат, говоря, что для них пространство – это крепость: «кр^станомъ пространство есть кр^спость», но для язычников – теснина (т^снота), потому что они привыкли сражаться в лесах.

В этом примере находит отражение универсальная бинарная оппозиция в пространстве. Пространство – знак христианства, света и добра. Теснина – знак язычества, духовной пустоты и тьмы. В другом случае, образ леса выступал в качестве символа угрозы и большой численности войска. Летопись многократно сравнивает русские и польские войска

---

³²⁸ ФЛОРЯ, Борис Н. *У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в)*. Санкт-Петербург 2004, с. 161–162, 169; KOMENDOVÁ, J. *Středověká Rus a vnější svět*, s. 58–59; KOSZTOLNYIK, Z. J. *Hungary in the Thirteenth Century*, p. 203; ZSOLDOS, A. *Az Árpádok és asszonyaik. A királynéi intézmény az Árpádok korában*, o. 125; DE VRIES, Wilhelm. Innozenz IV. (1243–1254) und der christliche Osten. *Ostkirchliche Studien*, 1963, 12, S. 115–118; FUHRMANN, Joseph T. Metropolitan Cyril II (1242–1281) and the Politics of Accommodation. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1976, 24, S. 163–164.

³²⁹ ПСРЛ, т. 2, стрб. 760, 890–891.

с могучим сосновым лесом («аки боровѣ величѣи»)³³⁰. С другой стороны, нельзя забывать, что изображение леса средневековыми летописцами несет отпечаток внутреннего страха перед лесом и диким краем. На основе широкого круга источников было установлено, что самые отдаленные средневековые лесные массивы не только не были пусты и необитаемы, но и могли быть спорадически или постоянно использованы населением.

Летопись упоминает о конкретных местностях Венгрии в исключительных ситуациях, при описании частых путешествий Даниила Романовича обычно говорится, что Даниил пошел «в Венгрию» («во Оугры»). Летопись упоминает о Зволене только один раз, поэтому неизвестно, был ли Даниил в этом замке еще когда-либо, но и исключать этого нельзя.

Планирование упомянутых в источниках путей передвижения венгерского короля Белы IV и его преемников недавно проанализировал Фердинанд Уличны. Исходя из свидетельств источников можно сказать, что, начиная со вступления на престол в 1247 году (за исключением времени нашествия татар), король Бела IV пребывал почти каждый год в Зволене или в его окрестностях. Главная причина того, что король со своей свитой посещал Зволен, скрывается в географическом положении региона, где находился этот замок³³¹. При стремлении точнее определить место проведения мирных переговоров и свадьбы, можно предположить, что этим местом была сама крепость Зволен, которая ныне именуется Пусты Град, недалеко от города Зволен. При выборе места встречи для представителей двух влиятельных династических домов решающее значение сыграло ее положение – Зволен находится на расстоянии нескольких дней пути от пограничного города Санок и центральных частей Венгрии³³².

Кроме Даниила и его сына Льва в Зволен приехал также митрополит Кирилл. Присутствие митрополита на встрече можно объяснить его активной деятельностью во время прежнего пребывания в Венгрии. Его

³³⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 812, 866, 885; KOMENDOVÁ, J. *Středověká Rus a vnější svět*, s. 94–95; KLATÝ, M. *Vnimanie pohanských etník Tatárov (Mongolov)*, Polovcov, Litovcov a Jatviagov na juhozápadnej Rusi v XIII. storočí, s. 114–115; KLATÝ, Marek. *Uhri, Uhorsko a Spiš v haličskej kronikárskej tradícii*, s. 259.

³³¹ ULICHNÝ, Ferdinand. *Dejiny Slovenska v 11. až 13. storočí*. Bratislava 2013, s. 49–54. См. также MARSINA, Richard. *K najstarším dejinám Zvolena*. *Historický časopis*, 1989, 37, s. 796; SENGA, T. IV. *Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett „tatar levele“*, o. 593–594.

³³² DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 271; ULICHNÝ, F. *Dejiny Slovenska v 11. až 13. storočí*, s. 53–54.

участие в церемонии свадьбы, на территории относительно отдаленной от Галиции, было чрезвычайным событием, учитывая его положение в иерархии русского духовенства. Известно, что митрополит принимал участие и в церемонии бракосочетания дочери Даниила Романовича с владимирским князем Андреем Ярославичем. Важный с политической точки зрения брак был заключен между двоюродным братом и двоюродной сестрой, что было нарушением канонического права³³³. Свадебная церемония в княжеской семье обычно проводилась в великие праздничные дни, как это известно по описанию таких обрядов у польских правителей. Если день бракосочетания выпадал на церковный праздник, во время которого проводилось торжественное богослужение, то шумный пир с музыкой мог состояться и на следующий день³³⁴.

Вероятно, свадьба Льва Даниловича с Констанцией, дочерью Белы IV, произошла в Зволене, в королевской часовне Св. Николая, которая была построена в романском стиле и находилась на месте нынешнего Зволенского замка. Местом проведения свадебного пира, вероятнее всего, была королевская крепость, построенная на холме над городом Зволен³³⁵. Как уже говорилось, в летописи отсутствуют детали и подробности при описании других свадеб. В летописном рассказе о замужестве дочери Василько Романовича, брата Даниила, перечисляются по именам некоторые гости этой свадьбы, а также делается замечание: «и бывшоу же веселью не малоу»³³⁶. Известно, что пир мог продолжаться и несколько дней. Символическое значение свадебной процедуры включает различные аспекты: от восхваления правителя до публичной демонстрации власти, ритуалов, символизирующих мир между правителями. Присутствие на пире для средневекового человека было столь же важно, как и выполнение ритуала заключения договора или принесения прися-

---

³³³ ФЛОРЯ, Б. Н. *У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII. в)*, с. 163–164.

³³⁴ SKIERSKA, Izabela. Terminy koronacji, ślubów, chrztów i pogrzebów polskich władców w średniowieczu. In: JUREK, Tomasz – SKIERSKA, Izabela (eds.). *Fontes et historia. Prace dedykowane Antoniemu Gąsiorowskiemu*. Poznań 2007, s. 206–217; SCHWEDLER, G. *Herrscherreffen des Spätmittelalters*, S. 331–334; KOLB, W. *Herrscherbegegnungen im Mittelalter*, S. 71–73.

³³⁵ MARSINA, R. K najstarším dejinám Zvolena, s. 797; BELJAK, Ján et al. *Pustý hrad vo Zvolene. Dolný hrad 2009 – 2014*. Zvolen – Nitra 2014, s. 38–39; FELD, István. Az erdőispánságok várai az Árpád-kori Magyarországon. In: BÁRÁNY, Attila – DRESKA, Gábor – SZOVÁK, Kornél (eds.). *Arcana tabularii. Tanulmányok Solymosi László tiszteletére I*. Budapest – Debrecen 2014, o. 373–376, 389.

³³⁶ ПСРЛ, т. 2, стрб. 848–849.

ги. Участие в пире обязывало к дружеским поступкам и в будущем³³⁷. Вероятно, расслабленная пиршественная атмосфера позволяла уладить споры и частично устранить различия в общественной иерархии, так, например, в летописи говорится, что когда князь веселился во время пира, один из бояр плеснул ему в лицо чашу вина, но он стерпел это³³⁸.

Кроме церемонии бракосочетания, свадебного пира и сопутствующих забав, летопись повествует о таких мероприятиях, как освобождение бояр, например, захваченных в плен при Ярославском сражении (ученые сходятся на датировке: 17 августа 1245 г.) и об эпизодах заключения мира. Захват пленников, прежде всего высокопоставленных, вместе с богатыми военными трофеями усиливал политические выгоды победителя. С точки зрения летописца право всегда было на стороне князя, события происходили по Божьей воле, поэтому он показывает события так, что пленников передал в руки Даниила сам Бог. Освобождение пленников было подчас изображено как жест доброй воли, когда между прежними врагами наступало примирение, одновременно это действие подчеркивало власть тех, кто захватил их в плен³³⁹.

Сам акт заключения мира обычно осуществлялся публично, его существенной частью была присяга, обмен дарами или поцелуй мира (лат. *osculum pacis*). Место встречи при примирении государей также сыграло важную роль. Политическое преимущество одного из участников, в нашем случае – короля Белы, подчеркивалось и тем, что встреча происходила на его территории³⁴⁰. Также символическое значение имело место проведения свадьбы, если она предшествовала заключению мира. Свадьбы обычно устраивались на территории, принадлежащей семье невесты, в данном случае, дочери Белы IV.

И перед тем как подвести итоги, я хотел бы уделить внимание такому специфическому аспекту личных встреч государей в средневековье, как совместный досуг. Местность, где проходила встреча – Зволен и его окрестности, изобилует королевскими лесами и угодьями, охота здесь известна со времен первых правителей династии Арпадов и позже. Привольные леса предоставляли богатые возможности для охотных дел, которые для государя обеспечивала развитая организация охотников,

³³⁷ ZUPKA, D. *Rituály a symbolická komunikácia v stredovekej strednej Európe*, s. 51–52; SCHWEDLER, G. *Herrschertrreffen des Spätmittelalters*, S. 368–378.

³³⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 763.

³³⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 809, 857, 880, 937. О решениях и воли князей ЛИХАЧЕВ, Дмитрий С. *Человек в литературе Древней Руси*. Москва 2006, с. 54–56.

³⁴⁰ KOLB, W. *Herrscherbegegnungen im Mittelalter*, S. 51–62; ZUPKA, D. *Rituály a symbolická komunikácia v stredovekej strednej Európe*, s. 79–95, 115–117.

лесников и стражи заповедника. Совместная охота была обычным времяпровождением во время политических визитов. Многодневной охотой в венгерских лесах наслаждались в 1189 г. Фридрих I Барбаросса с королем Белой III³⁴¹. Об охоте, как об увлечении Даниила Романовича, сообщает летопись, когда упоминает, что он вместе со своими дружинниками охотился на диких кабанов. Галицко-волынская летопись воспевае смелость русских воевод и князей не только во время боев, но и во время охоты. Даниил будто увидел во время охоты покрытое лесом место в Холме, где велел построить городище и храм. Верно, не случайно и первое письменное упоминание о Зволене XIII века в *Gesta Hungarorum*, описывает легендарное основание крепости Зволен именно после охоты на благородных оленей.

Эти сообщения содержат характерный легендарный топос основания крепости, города или храма государем во время охоты, часто после какого-то неожиданного события³⁴². Такие мотивы характерны для поликультурной среды, сложившейся при дворе правителей династии Арпадов в Венгрии, также они были распространены и в Древней Руси. Регион Зволена, как и регион Спиша,³⁴³ благодаря близости к пограничью являл собой контактную зону и длительное время выполнял функцию пространства, на котором происходила активная коммуникация польского и русского общества, что увеличивало его социальный и политический потенциал.

---

³⁴¹ ZUPKA, D. *Rituály a symbolická komunikácia v stredovekej strednej Európe*, s. 54, 135–136. На встречу прямо в лесу обращает внимание SCHWEDLER, G. *Herrschartreffen des Spätmittelalters*, S. 335, 440, 479.

³⁴² ПСРЛ, т. 2, стб. 830, 842, 890, 905–906, 921; SRH 1, C. 76; FRANZ, Leonie. Im Anfang war das Tier. Zur Funktion und Bedeutung des Hirsches in mittelalterlichen Gründungslegenden. In: OBERMAIER, Sabine (ed.). *Tiere und Fabelwesen im Mittelalter*. Berlin – New York 2009, S. 266–271.

³⁴³ HOMZA, Martin. K niektorým vzťahom stredovekého Spiša a Malopoľska v rokoch 1241–1270. In: ŠTEVÍK, Miroslav (ed.). *K stredovekým dejinám Spiša*. Stará Ľubovňa 2003, s. 65–66, 72–74.

«Хронографу же нужа есть писати все», или как Даниил Галицкий не взял Оломоуц, а летописец превратил поражение в победу*

Алексей Викторович Мартынюк

Статья 6762 года Галицко-Волынской летописи³⁴⁴ давно привлекает к себе внимание исследователей, поскольку содержит редкое для древнерусской литературы рассуждение о методе работе автора с историческим материалом: «В та же лѣта времени минуоушоу хронографу же . нужа есть писати все . и вса бѣвшаа . вбогда же писати в переднаа . вбогда же востоупати в заднаа . чьтыи моудрыи ж разоумѣть...»³⁴⁵. Непосредственно за этим рассуждением следует рассказ о походе князя Даниила Романовича Галицкого на моравский город Опава в 1253 г., который фактически является его наглядной иллюстрацией³⁴⁶. Автор разворачивает перед своим читателем возвышенную нарративную, построенную по лучшим риторическим образцам. В этом рассказе есть все, что было нужно древнерусскому читателю и что любят современные историки: лестные сравнения (Даниил Галицкий ставится в один ряд со Святославом Храбрым и Владимиром Святым), описания военных подвигов и речей к воинам («Если муж умирает на войне, что за диво?»), искусно вплетенное в ткань повествования объяснение причин неудачи (нерадение союзников-ляхов и болезнь Даниила) и, наконец, эффектное завершение с королевским венцом от папы римского, снимающее все вопросы об итогах похода (если таковые у читателя все-таки возникнут). Неудивительно, что яркий и насыщенный подробностями рассказ о походе в «Чешскую землю» прочно вошел в историографию и стал неотъемлемой частью монументального образа князя Даниила Романовича – воина и политика.

---

* Текст подготовлен при поддержке Фонда Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung).

³⁴⁴ Закрепившееся в научной литературе наименование «летопись» не в полной мере отражает жанровую специфику данного памятника. Заслуживает внимания предложение польским исследователем Д. Домбровским наименование «Галицко-Волынская хроника», тем более, что данное словоупотребление имеет опору в тексте памятника, где автор именуется «хронографом». См. также статью Й. Комендовой в настоящем издании.

³⁴⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 820.

³⁴⁶ Там же, стб. 820–826.

Война за «наследство Бабенбергов»

Поход очень подробно (в буквальном смысле слова по дням) был проанализирован недавно Д. Домбровским³⁴⁷, на выводы которого мы будем опираться в данном очерке. Отдельную статью Опавскому походу посвятила Й. Комендова, показавшая различное восприятие похода в российской и украинской историографиях (следующих за изложением Галицко-Волынской летописи) и в чешской историографии (опирающейся на независимые источники)³⁴⁸. Однако для понимания хода и значения моравского похода князя Даниила необходимо рассмотреть его в более широком военно-политическом контексте, а именно в контексте борьбы за Австрийское герцогство в середине XIII века. Толчком к завязыванию «австрийского узла» в политике государств Центральной и Восточной Европы послужила гибель герцога Фридриха Воинственного в битве на реке Лейте 15 июня 1246 г.³⁴⁹ Со смертью герцога пресеклась династия Бабенбергов, и в борьбу за корону «осиротевших» герцогств Австрия и Штирия активно включились Империя, Чехия, Венгрия, Бавария и другие соседние государства³⁵⁰.

К 1252 г. определились два главных соперника в борьбе за «наследство Бабенбергов»: маркграф моравский Пржемысл (будущий чешский король Пржемысл Оттокар II³⁵¹) и венгерский король Бела IV. В декабре 1251 г. Пржемысл занял Вену и добился признания себя австрийским герцогом со стороны местной знати. 11 февраля 1252 г. для закрепления своих прав он женился на Маргарите Бабенберг, сестре Фридриха Воинственного, одной из двух наследниц династических прав Бабенбер-

---

³⁴⁷ DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 336–347.

³⁴⁸ КОМЕНДОВА, Йитка. Опавский поход Даниила Романовича: чешский взгляд. *Colloquia Russica*. 2014, 4, s. 185–192.

³⁴⁹ МАРТЫНЮК, Алексей В. Князь Ростислав в битве на реке Лейте: «русский эпизод» австрийской истории. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013, 52, с. 49–55.

³⁵⁰ См. монографию польского исследователя Норберта Мики, специально посвященную этой войне: MIKA, N. *Walka o spadek po Babenberbergach*. Не утратила своего значения и обобщающая работа австрийского исследователя Карла Лехнера по династии Бабенбергов в целом: LECHNER, Karl. *Die Babenberger. Markgrafen und Herzoge von Österreich 976–1246*. Wien–Köln–Weimar 1994.

³⁵¹ По проблематике «Пржемысл Оттокар и Австрия» в целом, а также о политике Оттокара по отношению к отдельным землям (Нижняя и Верхняя Австрия, Штирия, Зальцбург и др.) см. коллективную работу австрийских историков: WELTIN, M. – KUSTERING, A. (eds.). *Ottokar-Forschungen. Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich. Neue Folge*, 1978/79, 44/45.

гов по женской линии³⁵². Уже 6 мая 1252 г. папа римский Иннокентий IV подтвердил права Пржемысла и Маргариты на герцогства Австрия и Штирия³⁵³. Вторая наследница, Гертруда Бабенберг, племянница герцога Фридриха Воинственного, обратилась в этой ситуации за помощью к венгерскому королю Беле IV³⁵⁴. Нуждаясь в союзниках, Бела способствовал заключению брака Гертруды Бабенберг с князем Романом, сыном Даниила Галицкого. Летом 1252 г. Роман прибыл в Австрию и предпринял попытку с помощью сторонников Гертруды среди австрийской знати и венгерских войск овладеть Веной и замками вокруг города. Данные события нашли свое отражение в Галицко-Волынской летописи, кратко, но весьма выразительно рассказавшей об осадном сидении Романа и Гертруды в «граде Неперце»³⁵⁵ и частых битвах с «герцоком» (Пржемыслом)³⁵⁶. Развернувшиеся военные действия затронули не только Австрию и Штирию, но и Моравию, которая уже в 1252 г. подверглась нападению венгерских отрядов³⁵⁷.

Таким образом, в 1252 г. начался новый виток борьбы за «наследство Бабенбергов», в которую оказался вовлечен и Даниил Галицкий. Опавший поход князя Даниила в 1253 г. необходимо рассматривать в тесной связи с событиями в Австрии, где в это время находился его сын Роман, а также в контексте борьбы между венгерским королем Белой IV и Пржемыслом, маркграфом моравским и герцогом австрийским, в целом.

---

³⁵² По т.н. «Малой привилегии» (*Privilegium minus*) 1156 г., герцоги из династии Бабенбергов получили право наследования по женской линии. Подробный обзор проблематики наследования и последовавшей борьбы за корону Австрийского герцогства см.: LECHNER, Karl. *Die Babenberger*, S. 299–307.

³⁵³ ŠEBÁNEK, Jindřich – DUŠKOVÁ, Sáša (eds.). *Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae*, t. 4/1: 1241–1253. Praeae 1962, s. 416–417.

³⁵⁴ Наиболее полным изложением биографии Гертруды продолжает оставаться статья Германна Мейера: MEIER, Hermann. Gertrud Herzogin von Österreich und Steiermark. *Zeitschrift des Historischen Vereins für Steiermark*. 1927, S. 5–39.

³⁵⁵ По-видимому, в замке на горе Каленберг севернее Вены, а не в замке Гимберг южнее города, как это традиционно представляется в историографии. Данный вопрос был рассмотрен нами в отдельной публикации: МАРТЫНЮК, Алексей В. «Австрийский стол» князя Романа Даниловича. *Colloquia Russica*. Series II, vol. 3 (в печати).

³⁵⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 836–838.

³⁵⁷ MIKA, N. *Walka o spadek po Babenbergach*, s. 38–39.

Состав коалиций и планы сторон

Нет сомнений, что обе стороны серьезно готовились к военной кампании 1253 г., которая должна была решить вопрос о «наследстве Бабенбергов». Галицко-Волынская летопись рассказывает о «частых» попытках Пржемысла вытеснить Романа и Гертруду из их замков под Веной, которые следует отнести к периоду осень 1252 г. – весна 1253 г. Примечательно свидетельство Галицко-Волынской летописи о предложении разделить «Немецкую землю», которое Пржемысл сделал Роману. Это говорит о том, что Пржемысл не был уверен в своих силах и был готов вести переговоры и идти на уступки. Венгерский король, напротив, делал ставку на военную победу и решение вопроса «острием меча». К весне 1253 г. Беле IV удалось создать впечатляющую коалицию против Пржемысла, в состав которой вошли князь Даниил Галицкий, польские князья Болеслав Краковский и Владислав Опольский, сын баварского герцога Генрих (осенью этого же 1253 г. он после смерти своего отца стал герцогом Баварии) и князь Ростислав Михайлович из династии черниговских князей, в это время правивший Мачвой – пограничным княжеством в составе Венгерского королевства.

Венгерскую коалицию 1253 года можно обозначить как «коалицию четырех зятьев короля»: Болеслав был женат на дочери Белы Кунигунде, Генрих – на Елизавете, Ростислав – на Анне, Лев – на Констанции³⁵⁸. Как пятого зятя можно рассматривать и Романа, мужа Гертруды, поскольку она находилась под опекой венгерского короля. В коалиции 1253 г. хорошо просматривается характерное для Средневековья переплетение государственно-политических и династических факторов.

Силы Пржемысла были значительно более скромными, фактически ему не удалось привлечь на свою сторону ни одного влиятельного союзника. Чрезвычайно важным является тот факт, что войну за Австрию и Штирию Пржемысл вел, опираясь только на ресурсы Моравского маркграфства и своих сторонников в этих герцогствах. У короля Чехии Вацлава I были непростые отношения с сыном (в 1248 г. Пржемысл возглавлял восстание чешской знати против отца) и, насколько можно судить, он дистанцировался от борьбы Пржемысла за корону Австрийского герцогства. Об этом прямо говорят источники (например, Гарс-

³⁵⁸ Роль женщин в событиях 1253 г. подчеркивает Галицко-Волынская летопись, говоря о том, что Болеслав выступил в поход под влиянием своей жены «Киньки» (Кунигунды). Неожиданно активно ведет себя и Гертруда, обращаясь к Роману со словами «Княже, поиди к отцу!» после неудачи их попыток овладеть Веной. Образ женщин в ГВЛ не соответствует распространенным представлениям об их пассивной роли в средневековом обществе и заслуживает, на наш взгляд, отдельного исследования.

тенские анналы³⁵⁹), а также подчеркивает австрийский исследователь Макс Вельтин в своем анализе взаимоотношений герцога Пржемысла с австрийской знатью³⁶⁰.

Попытаемся представить составы коалиций в виде сводной таблицы:

Король Бела Венгерский	Маркграф Пржемысл Моравский
партия Гертруды: меньшая часть австрийской и большая часть штирийской знати	партия Пржемысла: большая часть австрийской и меньшая часть штирийской знати
князь Даниил Романович Галицкий, его сын Лев, полки Василько Романовича	
князя Болеслав Краковский и Владислав Опольский	
Генрих, сын герцога баварского	
князь Ростислав Михайлович, правитель Мачвы	
варварские союзники: куманы (в составе войска Бела), литовцы (в составе войска Даниила), «боснийские еретики» (среди контингентов Ростислава) и др.	

Систематизированные таким образом данные наглядно показывают подавляющий перевес венгерской коалиции над моравской. На этом основывался стратегический план короля Бела: нанесение удара со всех направлений, чтобы использовать перевес в силах и распылить силы противника. Военные действия развернулись летом 1253 г. сразу на нескольких театрах военных действий, главными из которых были австрийский и моравский (географически они были тесно связаны между собой). На первом из них продолжалась борьба за обладание Веной и замками вокруг нее, в одном из которых претерпевали нужду и «глад» Роман и Гертруда³⁶¹. Чтобы отвлечь Пржемысла от Вены, король Бела нанес удар в сердце его моравских владений – на город Оломоуц. Цель венгерского короля была очевидной: создать экзистенциальную угрозу

³⁵⁹ *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. T. IX. Hannoverae, 1851, p. 600.

³⁶⁰ WELTIN, Max. Landesherr und Landherren. Zur Herrschaft Ottokars II. Přemysl in Österreich. In: WELTIN, M. – KUSTERING, A. (eds.). *Ottokar-Forschungen*. In: *Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich. Neue Folge*. 1978/79, 44/45, S. 170.

³⁶¹ Подробнее см.: МАРТЫНЮК, Алексей В. «Австрийский стол» князя Романа Даниловича (в печати).

домениальным владениям маркграфа Пржемысла и заставить его отступить из Австрии и Штирии. Очевидно, что отступление Пржемысла вызывало бы ослабление его позиций в среде австрийской и штирийской знати. Таким образом, именно в Австрии и Моравии разворачивались основные военные и политические события кампании 1253 г. Второстепенное значение имели другие театры военных действий, которые можно обозначить как северный (Опава), западный (баварско-австрийское пограничье) и южный (Штирия). При крайнем недостатке сил Пржемысла союзники могли рассчитывать на то, что ему не удастся организовать полноценную оборону всех угрожаемых участков. Это открывало перспективу для локальных успехов коалиции, которые затем могли стать предметом дипломатического торга.

Следует отметить, что автор рассказа Галицко-Волынской летописи сознательно дезинформирует читателя, приписывая королю Беле IV желание «идти в Опаву своим путем». Разумеется, не отдаленные владения Пржемысла в Моравской Силезии были главной целью похода: движение венгерского короля от центра (Оломоуц) к периферии (Опава) Моравского маркграфства не имело ни военного, ни политического смысла. Некритичное восприятие сведений придворного летописца князя Даниила приводит современных исследователей к непониманию логики кампании 1253 г. и действий Даниила Галицкого в составе анти-моравской коалиции³⁶².

В событиях начала лета 1253 г. был чрезвычайно важен фактор времени и места. Кому удастся нанести удар первым и захватить инициативу? Кто будет вынужден оставить реализацию своего замысла и отражать внезапное нападение врага? Чьи вассалы и союзники окажутся в нужное время и в нужном месте? Ответы на эти вопросы должны были решить итоги кампании и войны за «наследство Бабенбергов» в целом.

5 июня источники фиксируют пребывание герцога Пржемысла в Кремсе³⁶³, в двух переходах (около 70 километров) от Вены. Вероятно, он снова готовился лично подступить к «Неперцу», где был заперт Роман. В это время венгерское войско начало наступление на Моравию и вышло к Оломоуцу. Пражские анналы сообщают: «25 июня 1253 г.

³⁶² См., например, характерное недоумение Н.Ф. Котляра: «Из нашей летописи и иноземных источников неясно, почему венгерский король, планировавший лично двинуться на Опаву, ограничился опустошением Моравской земли. Там он осадил город Оломоуц»: КОТЛЯР, Н. Ф. (ed.). *Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование*, с. 289.

³⁶³ ŠEBÁNEK, J. – DUŠKOVÁ, S. (eds.). *Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae*, p. 585.

куманы и с ними иные разбойники, ворвавшись из Венгрии, убили в Моравии около Оломоуца многие тысячи христиан, многие же другие утонули, спасаясь от них. Также и король Венгрии прибыл в это время с бесчисленным множеством своих воинов и воинов из других народов и произвел большое опустошение в Моравии, многих убил мечом, других взял в плен и увел на чужбину, при этом он не щадил ни пола, ни возраста и опустошил почти всю Моравию»³⁶⁴. Таким образом, в то время, как герцог Пржемысл пытался сломить сопротивление Романа под Веной, король Бела подступил к Оломоуцу. Битва за «наследство Бабенбергов» вступила в свою решающую фазу. Именно в это момент князь Даниил Галицкий и его польские союзники Болеслав Краковский и Владислав Опольский вторглись в Моравскую Силезию и приступили к «пленению» земли Опавской³⁶⁵.

В глубинах «Чешского леса»

Рассказ об Опавском походе дан с перспективы Даниила и насыщен живыми подробностями. Вероятно, автор Галицко-Волынской летописи строил свое повествование на рассказе непосредственного очевидца и участника событий (что, разумеется, не исключает его пристрастности). Событийная канва похода, очищенная от прославлений князя Даниила, может быть описана кратко: бои под Опавой (город не взят), захват «града» Насилье (*Nassiedel*) – вероятно, неукрепленной деревни (см. ниже), попытка захватить замок Глубичич (*Glubczyce, Leobschütz*) – неудачна, несмотря на отмеченные летописцем слабые деревянные укрепления «града». Рассказав об этих более чем скромных успехах и посетовав на «ложь вожей» (проводников) и «страх в ляхах», хронограф поведал об

³⁶⁴ EMLER, J. (ed.). *Fontes rerum Bohemicarum*. Т. 2, p. 291: „Chomani etiam erumpentes de Ungaria, seu alii latrunculi cum eisdem VII Kal. Julii multa millia christianorum occiderunt in Moravia circa Olomucz, infinitique sunt submersi fugientes a facie eorum. Rex etiam Ungariae eodem tempore superveniens cum infinita multitudine suorum et aliarum nationum, multa damna intulit Moraviae, quosdam occidens gladio, quosdam captivans misit in exilium, nulli sexui vel aetati parcens, fere totam Moraviam rapinis et incendiis vastavit. Munitiones etiam plerasque, quas obtinere potuerunt, vastaverunt et incenderunt, campanas ecclesiarum et reliquias de altaribus fractis rapuerunt et secum asportaverunt, ecclesiis in favillam redactis, sacramenta ecclesiae profanaverunt, homines plures crucifixerunt in opprobrium crucifixi. Interea legatus domini papae superveniens ad regem Ungariae, compescuit eum et ad propria redire coegit.”

³⁶⁵ Одновременность (конец июня – начало июля) и вероятную скоординированность действий венгерских и русско-польских войск обосновал DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 344–345.

«изъявлении покорности» Гербортом, местным вассалом оломоуцкого епископа Бруно – смутный эпизод, вызывающий сомнение у историков³⁶⁶. В целом военные результаты похода оцениваются историками как скромные, но не умаляющие полководческого таланта князя Даниила: такое мнение высказали М. Грушевский³⁶⁷, В. Т. Пашуто³⁶⁸, Д. Домбровский³⁶⁹, Н. Мика³⁷⁰ и др. Как правило, на этом историки и завершают рассказ об Оповском походе – полностью следуя в этом вопросе за логикой автора Галицко-Волынской летописи.

В этом месте необходимо посвятить несколько строк исторической географии Моравской Силезии в XIII веке – тому театру военных действий, на котором разворачивались события похода князя Даниила. Развитие культурного ландшафта Оповской земли в период Средневековья стало предметом специального исследования немецкого ученого Эльмара Зайдля³⁷¹. Вывод исследователя (не связанный с проблематикой военных действий 1253 г.) может быть представлен следующим образом: бедная страна, единственный полноценный городской центр – сама Опава³⁷², большинство иных «градов» – это либо неукрепленные сельские поселения, либо в лучшем случае т.н. *Turmhügelburgen* (жилая башня мелкого феодала на краю сельского поселения, иногда окруженного палисадником: видимо, таковыми и были упомянутые в Галицко-Волынской летописи Насилье и Глубичич)³⁷³. Строительство городов и замков началось только в правление Пржемысла Оттокара как короля Чехии (т.е. после 1253 г.), катализатором этого строительства как раз и стало разорение Оповской земли русско-польским войском³⁷⁴. Население всей Оповской земли до массовой колонизации второй половины XIII

---

³⁶⁶ Анализ данного эпизода был дан недавно Й. Комендовой, показавшей на его примере проблему некритичного восприятия текста Галицко-Волынской летописи многими историками: КОМЕНДОВА, Йитка. Оповский поход Даниила Романовича, с. 188–190.

³⁶⁷ При общей сдержанной оценке результатов похода, украинский историк почему-то считал, что Даниил взял Опаву: ГРУШЕВСЬКИЙ, Михайло. *Історія України-Руси*. Том III. До року 1340. Львів 1905, с. 75.

³⁶⁸ Советский историк считал возможным отметить «большое политическое значение похода»: ПАШУТО, В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, с. 256–258.

³⁶⁹ DĄBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 346–347.

³⁷⁰ МИКА, N. *Walka o spadek po Babenbergach*, s. 45–46.

³⁷¹ SEIDL, Elmar. *Die Entwicklung der mittelalterlichen Kulturlandschaft im Troppauer Schlesien und im angrenzenden Nordostmähren*. Frankfurt am Main 1993.

³⁷² Там же, с. 183.

³⁷³ Там же, с. 396–397.

³⁷⁴ Там же, с. 187–188, 231.

века Э. Зайдль оценивает в 20–25 тысяч человек³⁷⁵. Конечно, у нас нет данных, позволяющих оценить количество воинов в русско-польских полках, однако, учитывая весьма представительный состав коалиции (князя Даниил, Болеслав, Владислав, Лев, полки Василько, дружины литовских князей Товтивила и Эдивиды), их число едва ли было сильно меньшим, чем все население Опавской земли! Собственно, даже из рассказа летописи видно, что противостоять Даниилу и его союзникам было просто некому: Андрей из рода Бенешовичей, Герборт – это имена отдельных рыцарей, местных ленников маркграфа Пржемысла и оломоуцкого епископа Бруно, многие из которых (например, Герборт) лишь совсем недавно получили владения в этих краях³⁷⁶. Наблюдения Э. Зайдля подтверждают и современные чешские археологи: на месте упомянутых при описании похода Даниила «градов» они обнаруживают только следы сельских поселений³⁷⁷.

«Опавский поворот» князя Даниила

Обращение к исторической географии необходимо нам для оценки военной ситуации в июне 1253 г. Разорение Опавской земли не было и не могло быть целью похода представительной коалиции князей – Даниила Галицкого, Болеслава Краковского и Владислава Опольского. Как уже говорилось выше, военный исход кампании 1253 г. решался южнее – в Моравии и Австрии³⁷⁸. Придворный хронограф Даниила Галицкого не обмолвливается об этом ни единым словом: даже сюжет об осаде Романа в «Неперце» и его последующем уходе на Русь он (в полном соответствии с продекларированным в начале статьи 6762 года принципом своей работы) вынес «в заднее» – т.е. рассказал в другом месте³⁷⁹, чтобы читатель не связал это с результатами похода под Опаву. Однако, современный исследователь имеет право задаться вопросом: могли ли быть результаты этого похода иными – более успешными?

---

³⁷⁵ Там же, с. 382.

³⁷⁶ Там же, с. 235, 238–239.

³⁷⁷ Ср. WIHODA, Martin – KOUŘIL, Pavel – PRÍX, Dalibor. *Hrady českého Slezska*, Praha 2000, s. 426; KOLÁŘ, František (ed.). *Opavské hradby*. Opava – Ostrava 2013, s. 53.

³⁷⁸ В качестве главной цели кампании 1253 г. видит город Оломоуц и Д. Домбровский, при этом польский исследователь склонен оправдывать отказ Даниила от движения к нему упорством защитников Опавы и опасением оставить их в тылу: DAŃBROWSKI, D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, s. 341–342.

³⁷⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 836–838.

Для того, чтобы наглядно представить ситуацию обратимся к замечательному картографическому памятнику – карте Силезии (включая Моравскую Силезию) работы Маттеуса Мериана Старшего, которая была опубликована в томе «*Topographia Bohemiae, Moraviae et Silesiae*» (1650 г.) из серии «*Topographia Germaniae*» (рисунок 1)³⁸⁰. При нанесении на карту передвижения войск в июне 1253 г. в нужном нам регионе представляется следующая картина (рисунок 2). Венгерские войска выходят к Оломоуцу с юга, в это же время русские и польские отряды соединяются на Одере у летописного «града Козлия» и подходят к Опаве с севера. В этот момент союзников разделяют два дневных перехода (около 70 километров). Между Опавой и Оломоуцем нет серьезных географических препятствий или крупных укрепленных городов и замков, воинские контингенты Моравского маркграфства либо находятся вместе со своим сюзереном под Веной, либо отчаянно пытаются удерживать основные города (Оломоуц, Опава) перед превосходящими силами противника. Кажется, что ничто не препятствует Даниилу двинуть полки на юг, на соединение со своим венгерским союзником.

В своем рассказе о походе русско-польского войска к Опаве летописец сетует на «вожей», неявно создавая у читателя впечатление, что Даниил, опытный полководец, мог опасаться движения по незнакомой ему стране. Это хорошее объяснение для *древнерусского читателя* в Холме или Галиче. Однако *современный историк* легко установит, что дорога из Опавы на Оломоуц через Моравские ворота – это хорошо известный торговый путь, столетиями связывавший Польшу с Моравией и Дунайским регионом. В конце концов, десятилетием раньше (в 1241 г.) этой дорогой без проблем прошли монгольские отряды, направлявшиеся после битвы при Легнице на соединение с основным войском хана Бату в Венгрии. Не подлежит сомнению, что монголы имели значительно большие сложности с ориентировкой во враждебном и культурно чуждом окружении, чем Даниил и его польские союзники. Таким образом, путь на юг был открыт: его не закрывали ни вражеские полки, ни стены замков, ни какие-либо логистические трудности.

В этой ситуации решительное движение русско-польского войска на юг и соединение с венграми под Оломоуцем, в сердце моравских владений Пржемысла, могло решить исход кампании. Даже если бы союзникам не удалось взять Оломоуц, то они могли надеяться на заключение

---

³⁸⁰ *Topographia Bohemiae, Moraviae et Silesiae*, das ist Beschreibung vnd eigentliche Abbildung der vornehmsten vnd bekandtesten Stätte und Plätze in dem Königreich Boheim und einverleibten Landern Mähren vnd Schlesien. An tag gegeben vnnndt verlegt durch. Matthaëum Merian. In Franckfurt 1650, S. 117.

выгодного для себя соглашения. Напомним, что по свидетельству Галицко-Волынской летописи Пржемысл был готов вести переговоры с Романом о разделе владений. Даже взятие Опавы (а это было, безусловно, по силам объединенному русско-польскому войску) могло стать серьезным аргументом при переговорах с Пржемыслом.

Но под Опавой князь Даниил принимает иное решение: поворот на север (прямо в противоположную от Оломоуца сторону), разорение нескольких ничтожных «градов», принятие «меча и покорности Герборта» и отступление. «Никакой другой князь русский не воевал землю Чешскую...», – велеречиво завершает свой рассказ придворный панегирист Даниила и тут же переходит к «повести про королевскую корону», закрывая перед читателем занавес перед дальнейшими событиями войны за «наследство Бабенбергов».

Заключение первое: «Аустерлиц» князя Даниила Романовича

«Опавский поворот» стал переломной точкой кампании 1253 г. Не дождавшись союзников, отступил король Бела. Летом этого же года покинул Австрию и молодой князь Роман (по-видимому, вместе с отступающими венгерскими отрядами), оставив надежду на герцогскую корону и беременную жену (за что удостоился нелестных оценок в австрийских хрониках³⁸¹). Баварцы ограничились разорением верхнеавстрийского пограничья, что уже не имело никакого влияния на ход событий. В целом кампанию 1253 года можно было считать проигранной.

За провалом военной кампании 1253 года последовал и распад анти-Пржемысловой коалиции. 3 апреля 1254 г. в Буде был заключен мирный договор между Пржемыслом и Белой, предусматривающий раздел между ними «наследства Бабенбергов»: первый получил Австрию и небольшую часть Штирии, второй – оставшиеся штирийские земли. В соглашении были оговорены интересы герцогини Гертруды (она получила два городка в венгерской части Штирии), но ни о каких притязаниях Даниила или Романа речь уже не шла и не могла идти.

В исторической перспективе это означало провал «австрийского вектора» внешней политики Даниила Галицкого, что навсегда перечеркнуло его честолюбивые планы играть какую-либо серьезную политическую роль в этом регионе Центральной Европы. В истории уже давно стали нарицательными наименования некоторых исторических событий: сражений, мирных договоров и т.п. Так и Опавский поход

³⁸¹ См.: МКА, N. *Walka o spadek po Babenberbergach*, s. 50–51.

может быть охарактеризован как «Аустерлиц» князя Даниила: неверное военное решение, приведшее к поражению широкой коалиции от значительно более слабого противника. Использование наименования «Аустерлиц» тем более уместно, что этот город (современное чешское название: Slavkov u Brna) находится также в Моравии, совсем недалеко от Оломоуца и Опавы.

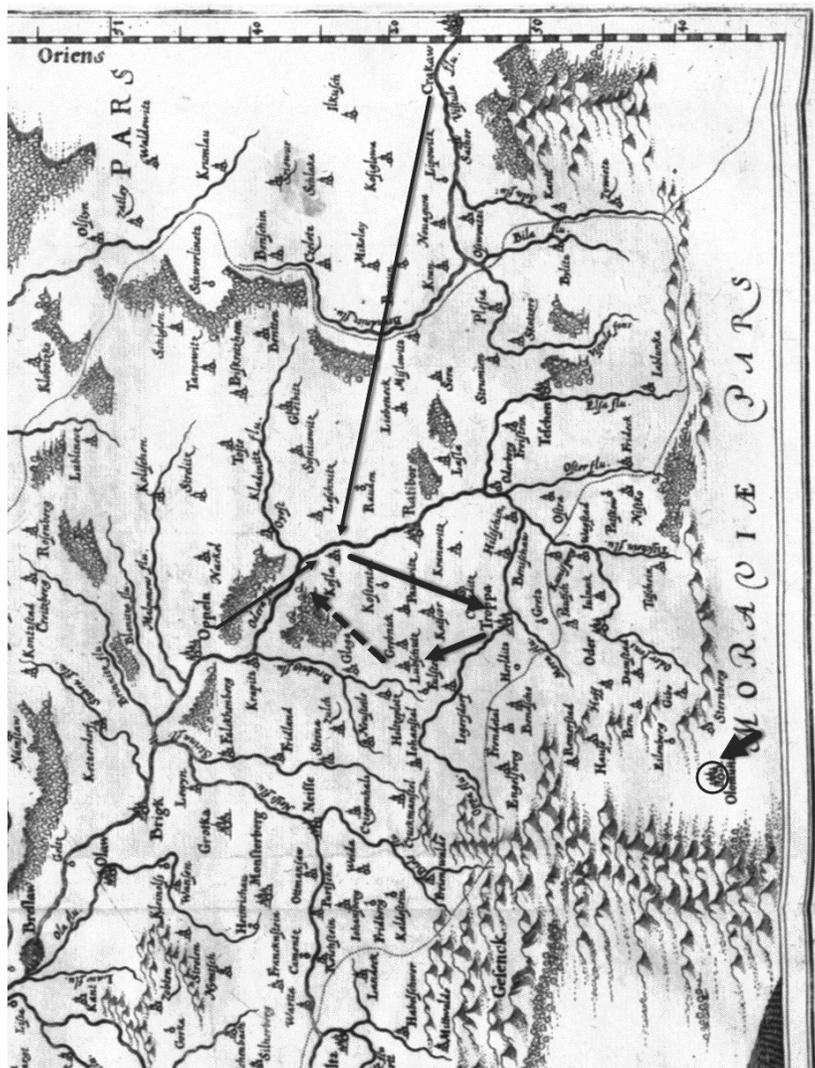
Заключение второе: искусство панегириста и доблести князя

Превратив Даниила в главу коалиции и предводителя военной кампании 1253 г. хронограф выполнил свою задачу придворного панегириста – но поневоле и обнажил его роль как виновника поражения. Анализ военно-политических событий 1253 г. и сопоставление их с текстом Галицко-Волынской летописи показывают, как хронограф трансформировал крайне неудачный с военной точки зрения поход Даниила Галицкого в панегирическое повествование о доблестях своего князя. Далекий от реальности, но талантливый с литературной точки зрения рассказ летописца был некритично воспринят историками XIX–XX вв. и продолжает оказывать сильное влияние на современную историографию. Данный пример заставляет нас снова обратиться к вопросу о жанровой природе Галицко-Волынской летописи: действительно ли перед нами летопись – или же панегирическое произведение, основанное на совершенно иных принципах?

Современный историк не может не подвести некоторые итоги внешней политики князя Даниила: провал на западном направлении, провал на восточном (неспособность организовать хоть какое-то сопротивление нашествию Бату в 1240 г. и Бурундая в 1259 г.), провал на северном (многолетние войны и разорения на русско-литовско-явтяжском пограничье лишь ускорили экспансию Литовского государства в этом регионе)... Может быть, уместно поставить вопрос о «феномене Даниила Галицкого»: талантливый ритор при весьма посредственном военачальнике и правителе? Фактически все отличия Даниила Галицкого от любого другого современного ему князя можно свести к одной фразе: при нем был панегирист, который описывал каждый его шаг – и поэтому мы знаем о действиях Даниила, и ничего не знаем о других князьях. Почти двести лет историки заворожено следовали за рассказом панегириста, как за летописной «нитью Ариадны», но ведь когда-то она должна закончиться?

Герцогство Силезия. Карта Матвеуса Мерциана Старшего (1650 г.)

Театр военных действий в 1753 г. Фрагмент карты Маттеуса Мериана Старшего

Summary

The significance of the Galician-Volhynian Chronicle as a historical record far exceeds the boundaries of a source on the history of one of the principalities in the fragmented Kievan Rus'. The chronicle has been intensively studied since the beginning of the nineteenth century, and the vast majority of scholars use the source as the means to reconstruct the events of political history on the borders of Eastern and Central Europe in the thirteenth century A.D. and to study the ecclesiopolitical issues, primarily related to the Church union and the coronation of Daniel Romanovich. However, this historical record attracts the interest of scholars not only due to its outstandingly broad horizon, which includes Rus', the Baltic region, Poland, Hungary, Bohemia, Austria and the Holy Roman Empire.

The Galician-Volhynian Chronicle also contains valuable information about social life, the spiritual and material culture of south-western Rus'. Some of its most important records depict secular architecture and town planning, which are rarely mentioned in Old Russian sources. Furthermore, the authors of the Galician-Volhynian Chronicle do not confine themselves to outlining the events which were taking place in their principality. They were interested in the culture of Catholic countries of Central Europe; one can find there unique information on the Tatarian rituals, pagan gods and everyday life of Baltic tribes, etc. Moreover, the chronicler does not only depict other nations from the perspective of the Galician scribes, but tries to capture the other nations' perception of the Galician-Volhynian culture.

The great significance of the Galician-Volhynian Chronicle in the context of intercultural relations of Medieval Eastern and Central Europe is proved by the fact that the text is being intensively studied by scholars from Russia, Ukraine, Belarus, Poland, Slovakia, Hungary and the Czech Republic, which is also indicated by the international character of the present collective study.

The book can be divided into three main thematic parts.

The first chapter of our work presents a genealogical research carried out by Dariusz Dąbrowski. The study is based on the data from the Galician-Volhynian Chronicle, which, however, differs from traditional descriptions of genealogy. The author traces mechanisms for recording information, studies the functioning of the questionnaire for genealogical records, as well as the problem of distortion of facts in different copies of the Galician-Volhynian Chronicle. The analysis is based on the critically important and unique passage for Russian medieval chronicles, which describes the marriage of

Daniel Romanovich with Anna Mstislavovna and the birth of children in that wedlock.

The work of Adrian Jusupović is focused on the manner in which the chronicler captures the relationships between the nobility and the prince. Carefully analyzing individual fragments of the chronicle, the author demonstrates the specific character of each of the local elite groups (the citizens of Halych and Volodymyr-in-Volhynia) and their attitude to the representatives of different branches of the Rurikids. The author arrives at the conclusion that the perception of the Romanoviches by the boyar elites was changing over time. That transformation depended on the situation, and the Mongol invasion of Rus', which shifted the balance of power in Daniel and Vasilko Romanoviches' favour, became the deciding factor for the change.

Maria Lavrenchenko studies the metaphorical use of terms of kinship in the oldest Russian chronicles. Addressing such terms as 'father', 'brother' and 'son' to the Rurikids and their allies is typical for two texts of the Hypatian Codex – the Kiev Chronicle and the Galician-Volhynian Chronicle. The author traced the unique and common features in the use of terms of kinship as a form of address in the dialogues of rulers in the Kiev and Galician-Volhynian chronicles. The actively performed textual analysis includes the comparison between rhetorical forms which accompanied the use of terms of kinship, and the dynamics of the political situation. Due to its focus on philological issues, this article becomes a connecting link between the first part of the book and the chapters devoted to philological studies of the chronicle.

The second part of the book is devoted to philological problems.

Aleksey Gippius studies two inscriptions on the walls of the church of St. Pantaleon in Halych dated back to the thirteenth century. They represent unique examples of official legal epigraphy of the Galician-Volhynian principality. The inscriptions contain the texts of judicial decrees, issued under the rule of Mstislav Mstislavich and Daniel Romanovich. The act of Prince Mstislav is very well known and has been widely studied; the author specifies the interpretation of that act and reconstructs the situation of its issuing. The act of Prince Daniel is introduced into academic use for the first time. The inscriptions unveil the mechanism of judicial procedure in Halych and serve as an important addition to the picture of administrative structure of Galicia-Volhynia reflected in the Galician-Volhynian Chronicle.

Irina Yuryeva performs a linguistic analysis which shows distinguishable differences between the Galician and Volhynian parts of the Chronicle, arguing that the Chronicle does not have two parts, but there are two texts, the Galician and the Volhynian chronicles. The Galician Chronicle has a high

degree of bookishness and attempts to achieve the highest literary standards, while the Volhynian Chronicle contains colloquial constructions and has a lower literary level of narration. The chronicles are compared through the analysis of the system of verbal past tense, the specific uses of different verbal forms, the analytical constructions with *начати/почати* and *имѣти/ати*, the relation between fully vocalized and non-vocalized roots, etc. The data obtained from the Galician and Volhynian chronicles are then compared with corresponding indicators from other Old Russian chronicles, such as the Primary Chronicle, the Novgorod First Chronicle, the Kiev and Suzdal' Chronicles.

Jitka Komendová looks into the problem of genre of the Galician-Volhynian Chronicle in its typological perspective. The importance and complexity of this problem is proved by the fact, that several authors of our team of contributors treated this subject differently in their previous works. The source was defined as annals, chronicle, 'gesta' and as two independent chronicles. The author of the chapter devoted to the genre of the Galician-Volhynian Chronicle does not attempt to smooth away the differences and does not insist on the only 'correct' genre definition; on the contrary, she relates this problem to philological discussions about a multifunctional character of genres and the absence of strict genre limitations in Old Russian literature.

The third part of the book deals with intercultural relations of the Principality of Galicia-Volhynia and Central Europe through the prism of the content of the Galician-Volhynian Chronicle.

Marta Font explores the relations of the Kingdom of Hungary and Daniel Romanovich in terms of the 'right to rule', the problem of princely revenue, and the issue of Hungarian influence on the Principality of Galicia-Volhynia. The author is critical about the idea of direct influence of Hungary on south-western Rus', especially about the hypothesis of immediate influence of the Golden Bull of 1222, which privileged the Hungarian nobility, on social relations in the Principality of Galicia-Volhynia. On the contrary, the author believes that traces of Hungarian influence can only be found in the mindset of the prince and his suite (particularly in the readiness to accept the Church union), as well as in some elements of material culture, such as sacred architecture, rather than in territorial organization, legal rules or institutions of governance. The process can be described as a reverse one: it was the Hungarian leaders who tended to use the local traditions of Galician lands.

Pavol Maliniak analyzes the part of the Galician-Volhynian Chronicle which informs about the wedding of Lev Danilovich and Constance, the daughter of King Béla IV. The paper is focused on the history of medieval

ceremonies and rituals, the way of communication of the participants and the role of the place of the wedding, i.e. the town and castle of Zvolen in the context of cultural relations in a wide contact area on the border of Central and Eastern Europe.

The paper of Aleksey Martyniuk looks into the circumstances of the campaign of Prince Daniel Romanovich of Galicia and his allies that took place in Moravia in 1253. The author shows how the chronicler transformed the record of the largely unsuccessful military campaign into a panegyric narrative about the valor of the prince. It is pointed out that despite being historically inaccurate, this record, cleverly written by a talented chronicler, was uncritically accepted by historians of the nineteenth and twentieth centuries and still keeps its influence on modern historiography.

The present work is the first and unique attempt of an international collective of authors to study the Galician and Volhynian literary texts as extraordinary valuable sources on the cultural history of medieval Europe. We offer the book to readers not as a final conclusion on the topic, but rather as an impetus for discussion and further studies.

Использованные источники

Рукописные источники и старопечатные книги

Ипатьевский список. Библиотека Российской академии наук (= БАН) в Санкт-Петербурге, шифр 16.4.4.

Список 1819 г. БАН в Санкт-Петербурге, шифр 17.11.9.

Список Я. В. Яроцкого. БАН в Санкт-Петербурге, шифр 21.3.14:

Ермолаевской список. Российская национальная библиотека (= РНБ) в Санкт-Петербурге, шифр F.IV.231.

Погодинский список. РНБ в Санкт-Петербурге, шифр собр. М. П. Погодина, № 1401.

Хлебниковский список. РНБ в Санкт-Петербурге, шифр F.IV.230.

Topographia Bohemiae, Moraviae et Silesiae, das ist Beschreibung vnd eigentliche Abbildung der vornehmsten vnd bekantisten Stätte und Plätze in dem Königreich Boheim und einverleibten Landern Mähren vnd Schlesien. An tag gegeben vnnndt verlegt durch. Matthaeum Merian. In Franckfurt 1650.

Изданные источники

КОТЛЯР, Микола Ф. (ed.). *Галицько-Волинський літопис. Дослідження. Текст. Коментар*. Київ: Наукова думка, 2002. ISBN 966-00-0780-9.

КОТЛЯР, Николай Ф. (ed.). *Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. ISBN 5-89329-756-3.

НАСОНОВ, Арсений Н. (ed.). *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук, 1950.

Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Москва: Языки славянской культуры, 1997. ISBN 5-8405-0083-6.

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. Москва: Языки славянской культуры, 1998. ISBN 5-94457-011-3.

Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва: Языки славянской культуры, 2000. ISBN 5-7859-0126-9.

Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. ISBN 5-86007-200-7.

Русская Правда Краткой редакции (по Академическому списку сер. XV в.) и *Пространной редакции* (по Троицкому списку второй половины XIV в.). In: ТИХОМИРОВ, Михаил Н. *Пособие для изучения Русской правды*. Москва: Издательство Московского университета, 1953, с. 75–85, 87–112.

СОФОНОВИЧ, Феодосий. *Хроника з літописців стародавніх*. Київ: Наукова думка, 1992. ISBN 5-12-002045-3.

BAK, János – BÓNIS, György – SWEENEY, James R. – CSIZMADIA, Andor (eds.). *The Laws of the Medieval Kingdom of Hungary. I. (1000–1301)*. Idyllwild, California: Charles Schlacks Jr. Publisher, 1999.

BESENYEI, Lajos – ÉRSZEGI, Géza – PEDRAZZA, Gorlero Maurizio (eds.). *De Bulla Aurea Andreae II regis Hungariae MCCXXII*. Verona 1999.

BLÁHOVÁ, Marie (ed.). *Pokračovatelé Kosmovi*. Praha: Svoboda, 1974.

CD = FEJÉR, Georgius (ed.). *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*. I – XI. Buda 1829–1844.

DŁUGOSZ = Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae, Liber septimus (1241–1294). Varsaviae, 1975.

EMLER, Josef (ed.). *Fontes rerum Bohemicarum, t. II: Cosmae Chronicon Boemorum cum continuatoribus*. Praha: Museum Království českého, 1874.

GAŚSIOROWSKI, Antoni (ed.). *Urządnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku*, t. 4, Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1990. ISBN 8304018144.

GOMBOS, Albin F. (ed.). *Catalogus fontium historiae Hungaricae*. 1–3 vol. Budapestini 1937–1938.

HODINKA, Antal (ed.). *Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1916.

KOMENDOVÁ, Jitka (ed.). *Haličsko-volyňský letopis*. Praha: Argo, 2010. ISBN 978-80-257-0187-4.

MADAS, Edit – KLANICZAY, Gábor (eds.). *Legendák és csodák* (Szentek a magyar középkorból 2). Budapest: Osiris. 2001. ISBN 963-389-123-X.

- MARSINA, Richard (ed.). *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae 2*. Bratislava: Vydavateľstvo Obzor, 1987.
- Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. T. IX. Hannoverae 1851.
- MPH = BIELOWSKI, August (ed.). *Monumenta Poloniae Historica*. I–VI. Lwów – Kraków 1864–1893.
- PERFECKY, George A. (ed.). *The Hypatian Codex Part Two: The Galician-Volynian Chronicle*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1973.
- SUSZKO, Henryk (ed.). *Latopis hustyński. Opracowanie, przekład i komentarze*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003. ISBN 83-229-2412-7.
- SRH = SZENTPÉTERY, Emericus (ed.). *Scriptores rerum Hungaricarum*. I–II. Budapestini: Academia Hungarica, 1937–1938. (reprint: Budapest: Nap Kiadó, 1999.)
- ŠEBÁNEK, Jindřich – DUŠKOVÁ, Sáša (eds.). *Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae*, t. 4/1: 1241–1253. Pragae 1962.
- THEINER, Augustinus (ed.). *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*. tom I–II. Roma, 1859–1860.
- The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Četvertyns'kyj (Pogodin) Codices*. Harvard: Harvard University Press, 1990 (= *Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts*. VIII). ISBN 0-916458-37-7.
- TOLOCHKO, Oleksiy (ed.). *The Hustynja Chronicle*. Harvard: Harvard University Press, 2013 (= *Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts*. XI). ISBN 978-1-932650-7.
- WELYKYJ, Athanasius G. (ed.). *Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia*. I. (1075–1700). Rom: Catholic Church, 1953.

Использованная литература

- АВАНЕСОВ, Рубен (ed.). *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)*, в 10 т. Москва: Русский язык 1988.
- АВЕРИНЦЕВ, Сергей С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. ISBN 5-88766-001-5.
- АЛЕКСАНДРОВИЧ, Володимир – ВОЙТОВИЧ, Леонтій. *Король Данило Романович*. Біла Церква: Пшонківський, 2013. ISBN 978-617-604-041-5.
- АРИСТОВ, Вадим. Коли і як виник Галицько-Волинський літопис?. *Ruthenica*. 2012, 11, с. 172–175. ISSN 1995-0276.
- АРИСТОВ, Вадим Ю. Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.). *Slavia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013, 1, с. 105–129. ISSN 1995-848X.
- ВАЙАН, Андре. *Руководство по старославянскому языку*. Москва: УРСС, 2004. ISBN 5-354-00572-8.
- ВИЛКУЛ, Татьяна. Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии. *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. 2009, 17, pp. 69–86. ISSN 1070-5465.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ, Николай И. Заметки по истории Золотой Орды. *Известия ОРЯС*. 1916, 21, с. 1–10.
- ВОЙТОВИЧ, Леонтій. *Княжа доба на Русі: портрети еліти*. Біла Церква: Пшонківський, 2006. ISBN 966-4585-52-4.
- ВОЛОЩУК, Мирослав. Вассальная зависимость Даниила Романовича от Белы IV (1235–1245 гг.): актуальные вопросы реконструкции русско-венгерских отношений второй четверти XIII в. *Specimina Nova. Pars Prima. Sectio Mediaevalis. III*. Pécs: Pécsi Tudományegyetem Bölcsészettudományi Kar Közép- és Korajjkor Történeti Tanszék, 2005. с. 83–113. ISSN 1588-8002.
- ВОЛОЩУК, Мирослав М. «Вокняжение» галицьке Володислава Кормильчица (1210–1214 pp., з перервами). Міфи і реальність. In: *Historické štúdie k životnému jubileu Zuzany Ševčíkovej*. Bratislava: Stimul 2009, с. 99–113. ISBN 978-80-89236-57-2.
- ВОЛОЩУК, Мирослав М. Доброслав Суддич. Спроба біографічного нарису. *Карпати. Людина, етнос, цивілізація*. 2010, 2, с. 20–31.

- ВОЛОЩУК, Мирослав М. До питання про етнічне та соціальне походження Судислава (Бернатовича?). *Думка. Прикарпатський Вісник НТШ*. 2008, 3 (3), 127–145.
- ВОРТ, Дин. К проблеме датировки Галицко-Волынской летописи. In: ВОРТ, Дин. *Очерки по русской филологии*. Москва 2006, с. 254–268. ISBN 5-85759-362-X.
- ВУЙЦИК, Володимир С. Графіті XIII–XIV століть церкви святого Пантелеймона в Галичі. *Записки наукового товариства імені Т. Г. Шевченка*. 1996, 231, с. 189–194.
- ГЕНСЬОРСКИЙ, Антін І. *Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості)*. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1961.
- ГЕНСЬОРСЬКИЙ, Антон І. *Галицько-Волинський літопис. Процес складання, редакції і редактори*. Київ: Видавництво Академії Наук Української РСР, 1958.
- ГИМОН, Тимофей В. *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. ISBN 978-5-91244-049-6.
- ГИМОН, Тимофей В. – ГИППИУС А. А. Русское летописание в свете типологических параллелей. In: ИВАНОВА, Юлия А. (ed.). *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*. Москва: ИМЛИ РАН, 2005, с. 174–200. ISBN 5-9208-0231-6.
- ГИМОН, Тимофей В. К типологии жанров древнерусского историописания XI–XIV вв. *Ruthenica*. 2003, 2, с. 172–180. ISSN 1995-0276.
- ГОЛОВКО, Олександр Б. *Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державо-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя*. Київ: Стилос, 2006. ISBN 966-8518-09-8.
- ГРИГОРЬЕВ, Аркадий П. – ГРИГОРЬЕВ, Вадим П. *Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2002. ISBN 5-288-02427-8.
- ГРИНЧЕНКО, Борис Д. *Словарь української мови*. Т. 1. Київ 1958.
- ГРУША, Аляксандр. Могорич и завод как традиционные процедуры утверждения частных договоров в Великом Княжестве Литовском. *Oriens aliter: Časopis pro kulturu a dějiny střední a východní Evropy*, 2014, 1, s. 11–20.
- ГРУШЕВСЬКИЙ, Михайло С. До справи хронологічної зв'язи в Галицько-Волинській літописи. *Записки Наукового Товариства імені Шевченка*. 1903, 52, с. 1–5.

- ГРУШЕВСЬКИЙ, Михайло С. *Історія України-Руси*. Том III. До року 1340. Львів, 1905.
- ГРУШЕВЬСКИЙ, Михайло С. *Історія української літератури*. Т. 3. Київ: Либідь 1993. ISBN 5-325-00419-0.
- ГРУШЕВСЬКИЙ, Михайло С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. *Записки Наукового Товариства імені Шевченка*. 1901, 12, с. 1–72.
- ГУДКОВ, Владимир П. Параллель из истории форм будущего времени в сербскохорватском и русском языках. In: ГУДКОВ, В. П. *Исследование частных вопросов истории славянских языков*. Москва: Издательство Московского университета, 2007, с. 12–22. ISBN 978-5-211-05423-3.
- ДАНИЛЕВСКИЙ, Игорь Н. *Русские земли глазами современников и потомков (XI–XIV вв.)*. Москва: АСПЕНТ ПРЕСС, 2000. ISBN 5-7567-0219-9.
- ДАШКЕВИЧ, Николай П. *Княженіє Даніла Галицкаго. По рускимъ и иностраннымъ известіямъ*. Київ 1873.
- ЕРЕМИН, Игорь П. Вольнская летопись 1289–1290 гг. *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1957, 13, с. 102–117.
- ЖИВОВ, Виктор М. *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры, 2002. ISBN 5-7859-0221-4.
- ЗАЛИЗНЯК, Андрей А. *Древненогородский диалект*. Москва: Языки славянской культуры, 2004. ISBN 5-94457-165-9.
- ЗАЛИЗНЯК, Андрей А. *«Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. ISBN 978-5-9551-0261-0.
- ЗАЛИЗНЯК, Андрей А. *Текстовая структура древнерусских писем на бересте*. Москва 1978.
- ЗИМИН, Александр А. *Правда Русская*. Москва: Древлехранилище, 1999. ISBN 5-87210-159-7.
- ИОАННИСЯН, Олег М. – РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Татьяна В. Надпись с именами Мстислава и Игната на стене церкви св. Пантелеймона в Галиче в контексте политических событий конца XII в. In: ГОРДИН, А. М. – ИОАННИСЯН, О. М. – ТОРШИН, Е. Н. (eds.). *Труды Государственного Эрмитажа. Т. 46: Архитектура и археология Древней Руси : материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976)*. Санкт-Петербург: Издательство Гос. Эрмитажа, 2009, с. 198–217.
- КАШТАНОВ, Сергей М. Общие тенденции развития документирования в канцеляриях средневековой Руси. In: ДЖАКСОН, Татьяна Н. – МЕЛЬНИКОВА, Елена А. (eds.). *Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пауто*. Москва: Языки русской культуры, 1999. ISBN 5-7859-0095-5.

- КОМАРОВИЧ, Василий Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. In: ЛИТВИНА, Анна Ф. – УСПЕНСКИЙ, Федор Б. (eds.). *Из истории русской культуры. Том II, книга I. Киевская и Московская Русь. Статьи по истории и типологии русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры, 2002, с. 8–29. ISBN 5-7859-0142-0.
- КОМЕНДОВА, Ёйтка. Опавский поход Даниила Романовича: чешский взгляд. *Colloquia Russica*. 2014, 4, s. 185–192. ISSN 2083-9251.
- КОНЯВСКАЯ, Елена Л. «Границы» древнерусской литературы и проблема жанров. In: ИВАНОВА, Юлия А. (ed.). *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*. Москва: ИМЛИ РАН, 2005, с. 248–260. ISBN 5-9208-0231-6.
- КОНЯВСКАЯ, Елена Л. О «границах» древнерусской литературы (летопись: писатель и читатель). *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2003, 12, с. 76–80. ISSN 2071-9574.
- КОНЯВСКАЯ, Светлана В. Дискурс и жанр в диахроническом исследовании. In: ИВАНОВА, Юлия А. (ed.). *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*. Москва: ИМЛИ РАН, 2005, с. 261–269. ISBN 5-9208-0231-6.
- КОТЛЯР, Микола Ф. *Данило Галицький. Біографічний нарис*. Київ: Альтернативи, 2002. ISBN 966-7217-75-2.
- КОТЛЯР, Микола Ф. *Галицько-Волинський літопис XIII ст.* Київ: АН України, Інститут історії України, 1993. ISBN 5-7702-0582-2.
- КОТЛЯР, Николай Ф. Галицко-Волынская летопись. Источники, структура, жанровые и идейные особенности. In: *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования*. 1995. Москва: Наука 1997, с. 80–165. ISBN 5-02-009784-5.
- КОТЛЯР, Николай Ф. Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики Галицко-Волынской летописи. In: КОТЛЯР, Николай Ф. – ФРАНЧУК, Вера Ю. – ПЛАХОНИН, Андрей Г. *Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2005, с. 30–60. ISBN 5-89329-756-3.
- КОТЛЯР, Николай Ф. Галицко-Волынский свод: летопись или собрание повестей? *Средневековая Русь*. 2006, 6, с. 119-137.
- КОТЛЯР, Николай Ф. О возможной природе нетрадиционной структуры и формы Галицко-Волынской летописи. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2006, 2, с. 36–54. ISSN 2071-9574.
- КРИПЯКЕВИЧ, Иван П. Де був Демян тисяцьким. Причинок до історії урядів в Галичині першої половини XIII в. *Записки Наукового Товариства імени Шевченка*. 1905, 67/5.

- КРИПЯКЕВИЧ, Иван П. *Галицько-Волинське князівство*. Київ: Наукова думка, 1984.
- КУЗНЕЦОВ, Пётр С. *Историческая грамматика русского языка. Морфология*. Москва: УРСС, 2004. ISBN 5-354-00628-7.
- ЛЕВШУН, Любовь В. Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2006, 26, с. 101–116. ISSN 2071-9574.
- ЛИТВИНА, Анна Ф. – УСПЕНСКИЙ, Федор Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.* Династическая история сквозь призму антропонимики. Москва: Индик, 2006. ISBN 5-85759-339-5.
- ЛИТВИНА, Анна Ф. – УСПЕНСКИЙ, Федор Б. К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сватитися» и «сват(ь)ство». Историко-филологический этюд. *Die Welt der Slaven*. 2013, 58, S. 308-325. ISSN 0043-2520.
- ЛИТВИНА, Анна Ф. – УСПЕНСКИЙ, Федор Б. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях. In: НАЗАРЕНКО, Александр В. (ed.). *Религии мира. История и современность*. Москва: Наука, 2002, с. 36–109. ISBN 5-02-008826-9.
- ЛИХАЧЕВ, Дмитрий С. – АЛЕКСЕЕВ, Анатолий А. – БОБРОВ, Александр Г. *Текстология на материале русской литературы X–XVIII веков*. Санкт-Петербург: Алетей, 2001. ISBN 5-89329-430-0.
- ЛИХАЧЕВ, Дмитрий С. (ed.). *Словарь книжников и книжности древней Руси*, т. 1: XI – первая половина XIV в. Ленинград: Наука, 1987.
- ЛИХАЧЕВ, Дмитрий С. *Человек в литературе Древней Руси*. Москва: Наука, 2006. ISBN 5-02-035669-7.
- ЛУРЬЕ, Яков С. К изучению летописного жанра. *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1972, 27, с. 76–93.
- МАЗУР, Олег. Володислав Кормильчич: шлях до княжого столу. *Дрогобицький краєзнавчий збірник*. 2002, 6, с. 118–129.
- МАЙОРОВ, Александр В. *Галицько-Волинская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община*. Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001. ISBN 5-323-00013-9.
- МАЙОРОВ, Александр В. К вопросу о венгерском влиянии на социально-политическое развитие юго-западной Руси. Золотая булла 1222 г. и договорная практика венгров и галичан. *Государство и общество. История, экономика, политика, право. Российский научный междисциплинарный журнал*. 2001, 1, с. 188–191.

- МАЙОРОВ, Олександр В. *Єфросинія Галицька. Дочка візантійського імператора в Галицько-Волинській Русі. Княгиня і черниця*. Біла Церква: Пшонківський, 2013. ISBN 978-617-604-033-0.
- МАЛИНЯК, Павол. О венгерско-галицкой брачной политике в XIII веке: Династический брак в Зволене и его отражение в средневропейской историографии. *Былые годы*. 2015, 35, с. 36-40. ISSN 2073-9745.
- МАРТЫНЮК, Алексей В. «Австрийский стол» князя Романа Даниловича. *Colloquia Russica. Series II, vol. 3* (в печати).
- МАРТЫНЮК, Алексей В. Князь Ростислав в битве на реке Лейте: «русский эпизод» австрийской истории. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013, 52, с. 49–55. ISSN 2071-9574.
- МИННИКОВА, Лидия В. *Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси*. Ростов: СКНЦ ВШ, 2007. ISBN 978-58-7872-371-9.
- МУСТАФИНА, Эльмира К. *Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»*. (канд. дисс.). Душанбе: б. и., 1984.
- МУСТАФИНА, Эльмира К. – ХАБУРГАЕВ, Георгий А. Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имамь, хошу и могу* (на материале ПВЛ по спискам XIV–XVI вв.). *Вестник МГУ, сер. 9. Филология*. 1985, 2, с. 20–32.
- НАСОНОВ, Арсений Н. *История русского летописания XI – начало XVIII века. Очерки и исследования*. Москва 1969.
- НАСОНОВ, Арсений Н. *Монголы и Русь. История татарской политики на Руси*. издание второе, стереотипное. Санкт-Петербург: Наука 2006. ISBN 5-02-026935-2.
- ОРЛОВ, Александр С. К вопросу об Ипатьевской летописи. *Известия ОРЯС Академии наук*. 1926, 31, с. 93–126.
- ОРЛОВ, Александр С. О галицко-волынском летописании. *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1947, 5, с. 15–35.
- ПАШУТО, Владимир Т. *Очерки по истории Галицко-Волинской Руси*. Москва: АН СССР, 1950.
- ПЕЩАК, Марія М. (ed). *Грамоти XIV ст*. Київ: Наукова думка, 1974.
- ПИЧХАДЗЕ, Анна А. *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. ISBN 978-5-9551-0505-5.
- ПОТЕБНЯ, Александр А. *Из записок по русской грамматике*, т. I–II, Москва: Учпедгиз, 1958.

- ПОЧЕКАЕВ, Роман Ю. Суд и правосудие в Золотой Орде. *Правоведение*. 2004, 2, с. 217–232.
- ПРИСЕЛКОВ, Михаил Д. *История русского летописания XI–XV вв.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1996. ISBN 5-86007-039-X.
- ПРИЦАК, Омелян. *Коли і ким написано «Слово о полку Ігоревім»*. Київ, 2008. ISBN 966-513-076-5.
- РАПОВ, Олег М. *Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в.* Москва: Московский университет, 1977.
- РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Татьяна В. *Древнерусская эпиграфика X–XV веков*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1991.
- РОЗОВ, Володимір. *Українські грамоти. Том перший. XIV в. и перша половина XV в.* Київ: УАН, 1928.
- РОМАНОВА, Ольга В. О хронологии Галицко-Волынской летописи XIII века по Ипатьевскому списку. In: *Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции*. Новгород 1997, с. 66–70.
- СЕЛЕЗНЁВ, Юрий В. *Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XIV веках*. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. ISBN 978-5-7458-1256-9.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, Измаил И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. I–III. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1893–1902.
- СТЕФАНОВИЧ, Пётр С. «Верность» в отношениях князя и дружины на Руси в XII–XIII в. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2008, 31, с. 72–82. ISSN 2071-9574.
- ТВОРОГОВ, Олег В. Девгениево деяние. In: ЛИХАЧЕВ, Дмитрий С. (ed.). *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, т. 1, Ленинград: Наука, 1987, с. 115–116.
- ТИХОМИРОВ, Михаил Н. Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и в Российском централизованном государстве (X–XVII вв.). In: *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. 1, Москва 1955, с. 48–105.
- ТОЛОЧКО, Алексей П. О галицком боярине Жирославе, его венце и убожестве. *Ruthenica*. 2006, 5, с. 252–255. ISSN 1995-0276.
- ТОЛОЧКО, Алексей. Как выглядел оригинал Галицко-Волынской летописи. In: ДВОРНИЧЕНКО, Андрей Ю. – МАЙОРОВ, Александр В. (ed). *Rossica Antiqua. Исследования и материалы*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006, с. 175–183. ISBN 5-288-04176-8.

- ТОЛОЧКО, Алексей П. Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи. *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. 2005, 13, pp. 81–108. ISSN 1070-5465.
- ТОЛОЧКО, Петр П. *Русские летописи и летописцы X–XIII вв.* Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. ISBN 5-89329-557-9.
- ТРУБАЧЕВ, Олег Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя.* Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959.
- УЖАНКОВ, Александр Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания. In: ДЕМИН, Анатолий С. (ed.). *Герменевтика древнерусской литературы*. Т. 1. Москва: АН СССР, 1989, с. 247–283. ISBN 5-9208-0042-9.
- УЖАНКОВ, Александр Н. *Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков.* Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. ISBN 978-5-9551-0369-3.
- ФАСМЕР, Макс. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 2. Москва: Прогресс, 1987.
- ФИЛИН, Федот П. (ed.). *Словарь русских народных говоров*. Вып. 8. Ленинград: Наука, 1972.
- ФЛОРЯ, Борис Н. *У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в).* Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. ISBN 5 89329-681-8.
- ФОНТ, Марта. «Житие» Даниила Романовича. *Княжа доба: історія і культура*. 2008, 2, с. 98–108. ISSN 2221-6294.
- ФРОЯНОВ, Игорь Я. – ДВОРНИЧЕНКО, Андрей Ю. *Города – государства Древней Руси*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета 1988.
- ХАБУРГАЕВ, Георгий А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке. *Вестник МГУ, сер. 9. Филология*. 1978, 2, с. 42–53.
- ХАРДИ, Ђура. Господари и банови оностраног Срема и Мачве у XIII веку. *Споменица Историчког Архива «Срем»* 2009, 8, с. 65–80.
- ХАРДИ, Ђура. О Мачванској титулатури Ростислава Михаиловича. *Извори о историју и културу Војводине* 2010, 2, с. 57–64.
- ЧЕРЕПНИН, Лев В. Летописец Даниила Галицкого. *Исторические записки АН СССР*. 1941, 12, с. 228–253.
- ШАБУЛЬДО, Феликс М. *Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского*. Киев: Наукова думка, 1987.

- ШЕВЕЛЕВА, Мария Н. Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/ива- в летописях XII–XVI вв. *Русский язык в научном освещении*, 2010, 20, с. 199–241. ISSN 1681-1062.
- ШЕВЕЛЕВА, Мария Н. Судьба форм презенса глагола БЫТИ по данным древнерусских памятников. *Вестник МГУ, сер. 9. Филология*. 2002, 5, с. 55–72. ISSN 0130-0075.
- ЩАПОВ, Ярослав Н. *Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв.* Москва: Наука, 1976.
- ЮРЬЕВА, Ирина С. Инфинитивные сочетания с глаголами ИМАМЬ и ИМОУ в древнерусских текстах. *Русский язык в научном освещении*. 2011, 22, с. 68–88. ISSN 1681-1062.
- ЮРЬЕВА, Ирина С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи. In: МОЛДОВАН, Александр М. – МИШИНА, Екатерина А. (eds.). *Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2012–2013>*, Москва: Древлехранилище, 2013, с. 135–151. ISBN 978-5-93646-233-8.
- ЮРЬЕВА, Ирина С. Инфинитивные конструкции с глаголом НАЧАТИ (ПОЧАТИ). In: *Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса (коллективная монография)*. (В печати).
- ЮСУПОВИЧ, Адриан. «На двое будущу». Баскаки в Галицком княжестве в XIII в. *Colloquia Russica*, 2012, 2, s. 86–90. ISSN 2083-9251.
- ACHIM, Viorel. *Politica sud-estică a regatului ungar sub ultimi Arpadieni*. București: Encyclopedica, 2008. ISBN 978-973-45-0564-7.
- ÁGOSTON, Magdolna. *Az orosz történelmi források terminológiája*. Szombathely: Savaria University Press, 2004. ISBN 963-9438-35-9.
- ALTHOFF, Gerard. *Potęga rytuału. Symbolika władzy w średniowieczu*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowej PWN, 2011. ISBN 978-83-01-16592-5.
- ANGOLD, Michael. *The Byzantine empire 1025–1205. A Political History*. London – New York: Longman, 1984. ISBN 0-582-49061-8.
- BAGI, Dániel. *Królowie węgierscy w Kronice Galla Anonima*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2008. ISBN 978-83-60183-90-8.
- BALZER, Oswald. *Genealogia Piastów*. Kraków: AVALON, 2005. ISBN 83-918497-0-8.
- BARTNICKI, Mariusz. The Halych-Volhynian Chronicle as a source for the history of Central-Eastern Europe in the 13th century. *Quaestiones Mediae Aevi Novae*. 2008, 13, с. 349–369. ISSN 1427-4418.

- BARTNICKI, Mariusz. *Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2005. ISBN 83-227-2457-8.
- BELJAK, Ján et al. *Pustý hrad vo Zvolene. Dolný hrad 2009–2014*. Zvolen – Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa – Archeologický ústav SAV, 2014. ISBN 978-80-558-0734-8.
- BIRNBAUM, Henrik. *Untersuchungen zu den Zukunftsbeschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1958.
- BLÁHOVÁ, Marie. Klasifikace předhusitských narativních pramenů české provenience. In: VEBR, Lubomír (ed.). *200 let pomocných věd historických na Filozofické fakultě UK v Praze*. Praha: Univerzita Karlova, 1988, s. 165–199.
- DĄBROWSKI, Dariusz. Czy istniało dwóch synów Daniela Romanowicza o imieniu Mścisław? Przyczynek do genealogii Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich. *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego*. NS. 1999, 15, s. 177–187. ISSN 1230-803X.
- DĄBROWSKI, Dariusz. *Genealogia Mścisławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV w.)*. Kraków: AVALON, 2008. ISBN 978-83-60448-54-0.
- DĄBROWSKI, Dariusz. Kronika halicko-wołyńska jako źródło do poznania genealogii – uwagi wstępne. *Ruthenica*. 2005, 4, s. 54–61. ISSN 1995-0276.
- DĄBROWSKI, Dariusz. Kronika halicko-wołyńska jako źródło do studiów nad kulturą materialną średniowiecznej Rusi. Charakterystyka ogólna i postulaty badawcze. *Kwartalnik historii kultury materialnej*. 2013, 61, s. 63–74. ISSN 0023-5881.
- DĄBROWSKI, Dariusz. *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna*. Kraków: Avalon, 2012. ISBN 978-83-7730-069-5.
- DĄBROWSKI, Dariusz. Małżeństwa Daniela Romanowicza (aspekt genealogiczny i polityczny). In: RADZIMIŃSKI, Andrzej – SUPRUNIUK, Anna – WRONISZEWSKI, Jan (eds.). *Venerabiles, nobiles et honesti. Studia z dziejów społeczeństwa Polski średniowiecznej. Prace ofiarowane Profesorowi Januszowi Bieniakowi w siedemdziesiąt rocznicę urodzin i czterdziestopięciolecie pracy naukowej*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1997, s. 43–47. ISBN 83-231-0856-0.
- DĄBROWSKI, Dariusz. *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. Poznań – Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2002. ISBN 83-913563-8-8.
- DĄBROWSKI, Dariusz. Slovak and Southern Slavic Threads in the Genealogy of the Piast and Rurikid Dynasties in the Thirteenth Century. In: HOMZA, Martin – LUKAČKA, Jan – BUDAK, Neven (eds.). *Slovakia and Croatia. Historical Parallels and Connections (until 1780)*. Bratislava – Zagreb: Univ. Comenski, 2013. s. 110–119. ISBN 978-80-89567-20-1.

- DIMNIK, Mikhail. *Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224–1246*. Toronto: Pontifical Institut of Mediaeval Studies, 1981. ISBN 0-88844-116-9.
- ENGEL, Pál. *The Realm of Saint Stephen: A History of Medieval Hungary 895–1526*. London: I.B. Tauris & Co. Ltd., 2000. ISBN 978-185043-9776.
- FELD, István. Az erdőispánságok várai az Árpád-kori Magyarországon. In: BÁRÁNY, Attila – DRESKA, Gábor – SZOVÁK, Kornél. (eds.) *Arcana tabularii. Tanulmányok Solymosi László tiszteletére 1*. Budapest – Debrecen: Magyar Tudományos Akadémia – Debreceni Egyetem, 2014. ISBN 978-963-473-746-9.
- FENNELL, John. *The Crisis of the Medieval Russia*. London: Longman, 1983. ISBN 978-058248-1503.
- FONT, Márta. A kijevei (nagy)fejedelmi hatalom jellegéről. *Aetas*. 1999, 14, s. 22–33. ISSN 0237-7934.
- FONT, Márta. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 2005. ISBN 963-482-726-8.
- FONT, Márta (ed.). *Dinasztia, hatalom, egyház. Régiók formálódása Európa közepén 900–1453*. Pécs: Pécsi Tudományegyetem, 2009. ISBN 978-963-642-310-0.
- FONT, Márta. *Geschichtsschreibung des 13. Jahrhunderts an der Grenze zweier Kulturen. Das Königreich Ungarn und das Fürstentum Halitsch-Wolhynien*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag – Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 2005. ISBN 351508715X.
- FONT, Márta. *Oroszország, Ukrajna, Rusz*. Budapest: Balassi, 1998. ISBN 963-506-168-8.
- FONT, Márta – SASHALMI, Endre. *Állam, hatalom, ideológia. Tanulmányok az orosz történelem sajátosságairól*. Budapest: Pannonica, 2007. ISBN 978-963-7319-29-7.
- FRANKLIN, Simon – SHEPARD, Jonathan. *The Emergence of Rus 750–1200*. London – New York: Longman, 1996. ISBN 0-582-49091X.
- FRANZ, Leonie. Im Anfang war das Tier. Zur Funktion und Bedeutung des Hirsches in mittelalterlichen Gründungslegenden. In: OBERMAIER, Sabine (ed.). *Tiere und Fabelwesen im Mittelalter*. Berlin – New York: De Gruyter, 2009. ISBN 978-3-11-020137-6.
- FUHRMANN, Joseph T. Metropolitan Cyril II (1242–1281) and the Politics of Accommodation. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1976, 24, S. 161–172.
- HALBACH, Uwe. *Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1985. ISBN 3-515-04151-6.
- HARDI, Djura. Der Status von Matschwa in der Zeit Rastislav Michailowitschs. In: HOMZA, Martin – LUKAČKA, Ján – BUDAK, Neven (eds.). *Slovakia and*

- Croatia. *Historical Parallels and Connections (until 1780)*. Bratislava – Zagreb: Univ. Comenius, 2013, s.128–134. ISBN 978-80-89567-20-1.
- HELLER, Klaus. *Russische Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Die Kiever und Moskauer Periode*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1987. ISBN 3-534-08367-9.
- HOMZA, Martin. K niektorým vzťahom stredovekého Spiša a Malopoľska v rokoch 1241–1270. In: ŠTEVÍK, Miroslav (ed.). *K stredovekým dejinám Spiša*. Stará Ľubovňa: Ľubovnianske múzeum, 2003, s. 65–82. ISBN 80-968890-2-8.
- CHARLES-EDWARDS, Thomas. Anglo-saxon kinship revised. In: HINES, John (ed.). *The anglo-saxons from the migration period to the eight century. An ethnographic perspective*. San Marino: The Boydell Press, 1997, pp. 191–210. ISBN 0-85115-479-4.
- ISOAHO, Mari. *The Image of Aleksandr Nevsky in Medieval Russia. Warrior and Saint*. Leiden – Boston: Brill, 2006. ISBN 978-90-04-15101-7.
- JUSSEN, Bernard. *Spiritual Kinship as Social Practice. Godparenthood and Adoption in the Early Middle Ages*. Newark: University of Delaware Press, 2000. ISBN 0-87413-632-6.
- JUSUPOVIĆ, Adrian. Bojar czy książę? “Uzurpacje” Wołodysława Kormiliczicza w narracji Kroniki halicko-wołyńskiej. *Княжа Доба. Історія і культура*. 2013, 7, s. 137–146. ISSN 2221-6294.
- JUSUPOVIĆ, Adrian. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (ok. 1205-1269)*. Kraków: Avalon 2013. ISBN 978-83-7730-093-0.
- JUSUPOVIĆ, Adrian. Wpływ halickiego otoczenia książęcego na „władzę” w pierwszej połowie XIII w., na przykładzie Sudysława. *Княжа Доба. Історія і культура*. 2011, 5. ISSN 2221-6294.
- KLATÝ, Marek. Uhri, Uhorsko a Spiš v haličskej kronikárskej tradícii: Kultúrno-antropologická analýza „Haličsko-volyňského letopisu“. In: GLADKIEWICZ, Ryszard – Martin HOMZA (eds.). *Terra Scepusienses. Stav bádania o dejinách Spiša. Stan badaň nad dziejami Spisza*. Levoča : Kláštórisko n.o. – Wrocław : Centrum Badaň Śląskoznawczych i Bohemistycznych Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003, s. 251–268. ISBN 80-7114-457-6.
- KLATÝ, Marek. Vnímanie pohanských etnik Tatárov (Mongolov), Polovcov, Litovcov a Jatviagov na juhozápadnej Rusi v XIII. storočí. *Acta historica Posoniensia*. 2004, 3, s. 97–117.
- KOLÁŘ, František (ed.). *Opavské hradby*. Opava – Ostrava: Národní památkový ústav, 2013. ISBN 978-80-85034-70-7.
- KOLB, Werner. *Herrscherbegegnungen im Mittelalter*. Bern – Frankfurt am Main – New York – Paris: Peter Lang, 1988. ISBN 3-261-03796-2.

- KOMENDOVÁ, Jitka. *Středověká Rus a vnější svět. Obraz cizích kultur v písemnictví Rusi 11.–14. století*. Olomouc: Monse, 2005. ISBN 80-244-1022-2.
- KOMENDOVÁ, Jitka. Хроника, житие, gesta? К вопросу жанровых особенностей Галицко-Волынской летописи. *Die Welt der Slaven*, 2016, 61, S. 38–47. ISSN 0043-2520.
- KORTA, Waclaw (ed.). *Bitwa Legnicka: Historia i tradycja*. Wrocław – Warszawa: Uniwersytet Wrocławski, 1994. ISBN 83-85218-73-4.
- KOSZTOLNYIK, Zoltan J. *Hungary in the Thirteenth Century*. New York: Columbia University Press, 1996. ISBN 0-8803-336-7.
- KOVÁCS, Szilvia. *A kunok története a mongol hódításig*. Budapest: Balassi, 2014. ISBN 978-963-506-946-0.
- KRISTÓ, Gyula. *Die Arpadendynastie. Die Geschichte Ungarns von 895 bis 1301*. Budapest: Corvina, 1993. ISBN 963-13-3857-6.
- KRISTÓ, Gyula – MAKK, Ferenc. *Die erste Könige Ungarns*. Herne: Verlag Tibor Schäfer, 1999. ISBN 3-933337-05-4.
- KRISTÓ, Gyula – ENGEL, Pál – MAKK, Ferenc (eds.). *Korai magyar történeti Lexikon 9–14. század*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1994. ISBN 963-05-6722-9.
- KUKLO, Cezary. *Demografia Rzeczypospolitej przedrozbiorowej*. Warszawa: DiG, 2009. ISBN 978-83-7181-590-4.
- LECHNER, Karl. *Die Babenberger. Markgrafen und Herzöge von Österreich 976–1246*. Wien – Köln – Weimar: Böhlau Verlag, 1994. ISBN 3-205-98229-0.
- LENHOFF, Gail. Toward a Theory of Protogenres in Medieval Russian Letters. *The Russian Review*. 1984, 43, pp. 31–54. ISSN 1467-9434.
- MALINIÁK, Pavol. K sobášnej politike Bela IV. Dynastická svadba vo Zvolene a jej reflexie v historiografii. *Historický časopis*. 2008, 56, s. 125–135. ISSN 0018-2575.
- MARSINA, Richard. K najstarším dejinám Zvolena. *Historický časopis*, 1989, 37, s. 793–805. ISSN 0018-2575.
- MARTIN, Janet. *Medieval Russia 980–1584*. Cambridge: University Press, 1995. ISBN 0-521-36832-4.
- MEIER, Hermann. Gertrud Herzogin von Österreich und Steiermark. *Zeitschrift des Historischen Vereins für Steiermark*. 1927, S. 5–39.
- MIKA, Norbert. *Walka o spadek po Babenbergach 1246–1278*. Racibórz: WAW, 2008. ISBN 978-83-919765-4-8.
- NAGIRNYJ, Witalij. *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2011.

- NAGY, Balázs (ed.). *A tatárjárás*. Budapest: Osiris, 2003. ISBN 978-963-38950-23.
- NECHUTOVÁ, Jana. *Latinská literatura českého středověku do roku 1400*. Praha: Vyšehrad, 2000. ISBN 80-7021-305-1.
- NOONAN, Th S. The Monetary History of Rus'. *Harvard Ukrainian Studies*. 1987, 11, pp. 384–443. ISSN 0363-5570.
- SEIDL, Elmar. *Die Entwicklung der mittelalterlichen Kulturlandschaft im Troppauer Schlesien und im angrenzenden Nordostmähren*. Frankfurt am Main: Johann Wolfgang Goethe Universität, 1993.
- SENGA, Toru. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett „tatár levele“. *Századok*. 1987, 121, s. 584–611.
- PELENSKI, J. *Halicz w dziejach sztuki średnowiecznej. Na podstawie badań archeologicznych i źródeł archiwalnych*, Krakow, 1914.
- PIETKIEWICZ, Krzysztof. *Paleografia ruska*. Warszawa: DiG, 2015. ISBN 978-83-7181-847-9.
- PODSKALSKY, Gerhard. *Christentum und theologische Literatur in der Kiewer Rus' (988–1237)*. München: Beck, 1982. ISBN 3-406-08296-3.
- POPPE, Andrzej. Latopis Ipatjewki. In: *Słownik Starożytności Słowiańskich*, t. 3. Wrocław – Warszawa – Kraków 1967.
- PRITSAK, Omeljan. *Introduction*. In: *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Četvertyns'kyj (Pogodin) Codices*. Harvard: Harvard University Press 1990. ISBN 0-916458-37-7.
- RAPP, Claudia. Rithual brotherhood in Bizantium. *Traditio*. 1997, 52, pp. 285–326. ISSN 0362-1529.
- SCHWEDLER, Gerald. *Herrschartreffen des Spätmittelalters. Formen – Riuale – Wirkungen*. Ostfildern: Thorbecke, 2008. ISBN 978-3-7995-4272-2.
- SKIERSKA, Izabela. Terminy koronacji, ślubów, chrztów i pogrzebów polskich władców w średniowieczu. In: JUREK, Tomasz – SKIERSKA, Izabela. (eds.) *Fontes et historia. Prace dedykowane Antoniemu Gąsiorowskiemu*. Poznań: Instytut Historii PAN, 2007, s. 206–217. ISBN 978-83-88909-61-0.
- TSCHIŻEWSKIJ, Dimitrij. Zum Stil der Galizisch-Volynischen Chronik. *Südostforschungen*. 1953, 12, S. 79–109.
- ULIČNÝ, Ferdinand. *Dejiny Slovenska v 11. až 13. storočí*. Bratislava: Veda. Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2013. ISBN 978-80-224-1292-6.
- URBAŃSKI, Robert. *Tartarorum gens brutalis. Trzynastowieczne najazdy mongolskie w literaturze polskiego średniowiecza na porównawczym tle piśmiennictwa*

- lacińskiego antyku i wieków średnich*. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, 2007. ISBN 978-83-89348-97-5.
- DE VRIES, Wilhelm. Innozenz IV. (1243–1254) und der christliche Osten. *Ostkirchliche Studien*. 1963, 12, S. 113–131.
- WELTIN, Max. Landesherr und Landherren. Zur Herrschaft Ottokars II. Přemysl in Österreich. In: WELTIN, M. – KUSTERING, A. (eds.). *Ottokar-Forschungen. Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich. Neue Folge*. 1978/79, 44/45, S. 159–225.
- WERTNER, Mór. *Az Árpádok családi története*. Nagy-Becskerekén: Pleitz, 1892 (Reprint: Budapest: Históriaantik Könyvesház, 2010. ISBN 978-963-9978-13-3).
- WIHODA, Martin. Dědictví opata Jarlocha. In: MORAVOVÁ, Magdaléna (ed.). *Milevský letopis. Zápisky Vincencia, Jarlocha a Ansberta*. Praha: Argo 2013, s. 5–25. ISBN 978-80-257-0885-9.
- WIHODA, Martin – KOUŘIL, Pavel – PRIX, Dalibor. *Hrady českého Slezska*, Praha: Archeologický ústav Akademie věd České republiky, 2000. ISBN 80-86032-22-2.
- WŁODARSKI, Bronisław. *Polska i Rus': 1194–1340*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1966.
- WYROZUMSKI, Jerzy. *Wielka historia Polski, t. 2: Dzieje Polski Piastowskiej VIII w. – 1340*. Kraków: Fogra, 1999. ISBN 8-38-57193-8-5
- ZUPKA, Dušan. *Rituály a symbolická komunikácia v stredovekej strednej Európe (Árpádovské Uhorsko 1000–1301)*. Prešov: Vydavateľstvo Michala Vaška, 2011. ISBN 978-80-7165-852-8.
- ZSOLDOS, Attila. *Az Árpádok és asszonyaik. A királynéi intézmény az Árpádok korában*. Budapest: História – MTA Történettudományi Intézete, 2005. ISBN 963 8312 98 X.
- ZSOLDOS, Attila. Egy új II. András kép felé. In: KERNY, Terézia – SMOHAY, András (eds.). *II. András és Székesfehérvár*. Székesfehérvár: Egyházmegyei Múzeum, 2012. s. 21–35. ISBN 978-963-87898-4-6.
- ZSOLDOS, Attila. *Magyarország világi archontológiája 1000–1301*. Budapest: História – MTA Történettudományi Intézete, 2011. ISBN 978-9627-38-3.

Об авторах

Dr hab. Dariusz Dąbrowski (Дариуш Домбровский)

профессор Университета Казимира Великого в Быдгощи (Польша). Выпускник Университета им. Николая Коперника в Торуня, ученик проф. Януша Беняка. Представитель торуньской генеалогической школы. В сферу интересов входит, прежде всего, генеалогия Рюриковичей (XII – начало XIV вв.), история Галицко-Волынской Руси, источниковедение и историография Галицко-Волынской летописи, а также музееведение и культурный туризм. В Институте истории и международных отношений Университета Казимира Великого в Быдгощи основал и возглавляет Центр исследования истории Древней Руси.

Dr Adrian Jusupović (Адриан Юсупович)

научный сотрудник Института истории Польской академии наук и специалист Института народной памяти в Варшаве (Польша). Выпускник Варшавского университета, ученик проф. Андрея Поппэ и Славомира Гавльаса. Занимается, прежде всего, просопографией галицко-волынской элиты, историей Галицко-Волынской Руси, источниковедением, отношениями Польши и Руси с X по XIII вв. и историей XX в.

Мария Леонидовна Лавренченко

младший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук. В сферу интересов входит изучение родовой терминологии, практик конструирования родства в Древней Руси и других средневековых культурах.

Алексей Алексеевич Гиппиус, д.ф.н.

лингвист и текстолог, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН. Специалист в области древнерусского языка и культуры Древней Руси, текстологии древнерусской литературы. Гиппиус активно применяет при установлении истории текста и выявлении в нём разных слоёв лингвистические методы. Автор работ по текстологии Повести временных лет, Новгородской первой летописи, сочинений Владимира Мономаха. Исследователь берестяных грамот, предложил идентифика-

цию ряда исторических персонажей берестяных грамот, первым провёл исследование коммуникативной структуры древнерусской берестяной переписки.

Ирина Сергеевна Юрьева, к.ф.н.

кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в Москве (Россия). Область научных интересов – история русского языка, грамматика древнерусского глагола, непереводаемые древнерусские тексты, особенности языка летописных памятников, эволюция глаголов «начати» и «кончати».

Doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D. (Йитка Комендова)

доцент кафедры славистики Университета им. Палацкого в Оломоуце (Чехия). Занимается средневековой агиографией (Житие Стефана Пермского в контексте европейской миссионерской агиографии) и древнерусским историописанием в типологической перспективе, вопросами жанрового разнообразия средневековой историографии, изучением роли автора в тексте, а также проблемами отражения межкультурной коммуникации в средневековой письменности. Перевела на чешский язык Галицко-Волынскую летопись.

Prof. Dr. habil. Márta Font, DSc. (Марта Фонт)

профессор, зав. кафедрой истории средних веков и раннего нового времени Института истории Историко-филологического факультета Университета Печ (Венгрия); член-корр. Академии наук и литературы в Майнце (Германия). С самого начала ее научная деятельность была направлена на восточно-европейские контакты Венгерского Королевства и изучение центральноевропейского региона в X–XIII вв. Является автором ряда монографий о Древней Руси и о средневековых венгерско-древнерусских контактах. Перевела часть Киевской летописи на венгерский язык, с комментариями.

PhDr. Pavol Maliniak, Ph.D. (Павол Малиняк)

работает на кафедре истории Философского факультета Университета им. Матея Бела в г. Банска Быстрица (Словакия). Занимается историей средневековой Венгрии и Словакии, прежде всего, с точки зрения *environmental history*, исторической географии и истории средневековых замков (кастелологии).

Алексей Викторович Мартынюк, к.и.н.

кандидат исторических наук, Doktor der Philosophie (Бохумский университет, Германия), заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск). Область научных интересов – история Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время, историческая география, средневековые визуальные источники. В настоящее время занимается изучением контактов Австрии с государствами Восточной Европы в XIII–XV вв.

Doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D., a kolektiv

**Письменность Галицко-Волынского княжества:
историко-филологические исследования**

Výkonný redaktor doc. Mgr. Jiří Špička, Ph.D.

Odpovědná redaktorka Mgr. Jana Kreiselová

Technická redakce RNDr. Helena Hladišová

Jazyková redakce Maria Lavrenchenko

Návrh obálky Jiří Jurečka

Určeno pro odbornou veřejnost

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci

Křížkovského 8, 771 47 Olomouc

www.upol.cz/vup

Olomouc 2016

1. vydání

ISBN 978-80-244-4900-5

VUP 2016/0025